

Рассказов Д.В.

Бугорландские Хроники

Дмитрий Владимирович Рассказов

Бугорландские Хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67085388

SelfPub; 2022

Аннотация

Группа неудачников, бывших бродяг и алкоголиков, отправляется в некую страну на поиски лучшей жизни. Бугорландия – прототип некой западной страны, где все вроде бы хорошо, но ... оказывается, что бывшие бродяги и алкоголики на порядок лучше, выше и благороднее местных жителей.

Дмитрий Рассказов

Бугорландские Хроники

Книга первая.

Как все начиналось...

Глава 1. Закусочная «У обочины».

1.1.1. (книга первая, глава первая, эпизод первый.)

Началась наша история в ни чем не примечательной, можно сказать – самой обыкновенной придорожной закусочной, каких десятки, а то и сотни тысяч разбросаны по обочинам дорог всего мира.

Когда-то, много лет тому назад, это было весьма приличное кафе с незатейливым названием «Минутка», в котором всегда можно было быстро и относительно недорого перекусить местным фирменным блюдом – пельменями с томатным соусом, уксусом или сметаной.

Но время жестоко не только к людям. И вот, старое доброе кафе в одночасье превратилось в жалкую придорожную закусочную. И даже название у нее теперь стало другим – «У обочины». Такое название как нельзя лучше отображало не столько месторасположение забегаловки, сколько основных теперь ее посетителей. Коими являлись, в основе своей, одни лишь проходимцы да неудачники, выброшенные злодей-

кой судьбой на обочину жизни.

В этой грязной и убогой забегаловке они и глушили в алкоголе свое горе и тоску. Впрочем, не нам их судить, на их месте мог бы оказаться каждый. Даже царственные особы и те, при определенных жизненных обстоятельствах вполне могли бы оказаться в этих стенах.

Вот об одном таком случае и пойдет сейчас речь. Если говорить точнее, то речь у нас пойдет о царе Горохе, несчастном малом, волею судьбы ставшим одним из героев нашей истории. Впрочем, и царем-то он был только по документам, на деле же у него вообще ни чего не было, – ни семьи, ни друзей, ни денег, ни подданных. И уж тем более у него не было самого главного – собственного государства. Вот такой это был царь. Правда, был у него старый герб – половинка льва с шаром в руках. Благодаря этому гербу его и приняли в ВЭГУ, т.е. Всемирный Элитарный Государствоведческий Университет, – единственное в мире высшее учебное заведение, где обучают на руководителей стран и отдельных суверенных государств.

Вместе с дипломом о высшем государственном образовании по специализации – «*Правое дело*» (не путать с «*Правовым делом*») новоиспеченный царь получил уведомление о том, что на настоящее время ни какое государство в его услугах не нуждается, поскольку везде уже имеется свой собственный государь и законный правитель. Таким вот образом Горох в одночасье получил на руки два прямо противо-

положных по своей сути документа. Один из этих документов (диплом) давал ему право быть царем, второй же документ (уведомление) право это, у царя, отнимал.

Обычная, в общем-то, история.

И хотя все выпускники прекрасно знали про такое положение дел с государствами, все же каждый из них, в глубине души, надеялся, что для него-то уж, обязательно найдется какое-нибудь, пусть не очень большое, пусть совсем маленькое, совсем заваливающееся, но отдельное свободное государство.

И каждый из них в душе ждал чуда. Но чуда не происходило. Все государства в этом мире, и маленькие и, уж тем более, большие, давным-давно были учтены, описаны, включены в реестр и передавались по наследству исключительно от отца к сыну, ну или в самом крайнем случае, – к дочери.

Таким вот образом, все выпускники вышеуказанного университета делились на две неравные части, – на наследников, и на всех остальных, т.е. – претендентов. И если наследников впереди ждало прекрасное будущее – с короной, государством, и верными подданными, то претендентам, в этом смысле, не светило ровным счетом ни чего. И обучали их исключительно про запас, так сказать, на всякий случай. Если вдруг кто-нибудь из законных наследников внезапно умрет, либо сойдет с ума, либо добровольно откажется от короны, что трактовалось почти также. Такие случаи крайне редко, но все же иногда случались. Вот на этот крайний случай и

нужны были претенденты.

С таким положением дел Царь Горох смириться, конечно же, не мог и вот уже вторую неделю запоем пил горькую, глуща в вине свою тоску и уныние.

За это время у него даже сложился своеобразный ритуал питания. Войдя в закусочную, царь первым делом опрокидывал стопку-другую водки прямо у прилавка. После чего, немного успокоившись, он, уже не спеша занимал какой-нибудь свободный столик в темном углу закусочной, где и допивал бутылку в полном одиночестве.

Вот и в тот вечер, с которого и началась вся наша история, все происходило по вышеуказанному сценарию. Опрокинув у прилавка стопку водки, царь Горох направился к единственному свободному столику в самом дальнем углу зала. В своем сильно поношенном спортивном костюме и стоптанных кроссовках, царь сейчас мало походил на царственную особу. Тем более что и короны – главной отличительной черты царственных особ от простых смертных, на нем не было. Носить корону имели право только действующие (т.е. царствующие) государи, да и, то, только после их официальной коронации.

1.1.2.

Тем временем в забегаловке появилось еще одно немало-важное лицо нашей истории. А именно – худой оборвыш,

лет сорока пяти, со впалыми щеками и тощей сторбленной спиной. В отличие от царя Гороха, оборвыш приходил сюда работать (если, конечно же, сбор пустых бутылок можно было назвать работой.) Одежда на нем была под стать своему хозяину – лоснящийся от грязи и застарелого жира пиджак, был надет прямо на голое тело. Разорванные во многих местах брюки держались не на ремне, а на тонкой алюминиевой проволоке.

Не обращая ни на кого особого внимания, оборванец принялся бродить между столиками, собирая пустые бутылки в рванный пластиковый пакет. При этом он внимательно осматривал каждую бутылку на предмет отсутствия на ней каких либо трещин и сколов. Если же на доньшке бутылки оставалось еще немного пива или водки, бродяга допивал этот остаток без всякого смущения.

Заприметив пустую бутылку под ногами у царя, оборванец еле слышно поинтересовался – «не нужна ли тому пустая тара?» Царь ни чего на это не ответил, лишь молча сплюнул на пол. Расценив этот жест в свою пользу, оборванец стал аккуратно вытаскивать пустую бутылку из-под ног несостоявшегося государственного деятеля. Бутылку-то он вытащил – да вот незадача, поднимаясь, забулдыга зацепил плечом край стола. Наполовину опустошенная бутылка с царской водкой от этого толчка опрокинулась, и остатки алкоголя бурным потоком полились прямо на стол. Испуганный забулдыга замер в ожидании дальнейшей расплаты...

Глава 2. Там же, два часа спустя.

1.2.1.

Два часа спустя царя Гороха было не узнать, – он словно бы родился вновь. Куда девались пессимизм и уныние, переполнявшие его все последнее время, от них не осталось и следа. Царь смеялся как дитя, слушая негромкую речь своего собеседника. Да, царь был теперь не один, хотя правильнее было бы сказать, что царь пил теперь не один. Напротив царственной особы сидел тот самый оборванец, что двумя часами ранее так опрометчиво полез под царский стол за пустой бутылкой. Сейчас же этот оборванец, как ни в чем не бывало, разливал водку по стаканам.

Наполнив стаканы, забулдыга, обратился ко всем присутствующим в зале:

– Друзья мои...ик,... посмотрите на себя... ик. Как вы живете... Так жить нельзя. Нужно жить так, ик...что бы не жалко было и... ик... умереть. А, что у вас сейчас за... ик... жизнь такая? Посмотрев на свой стакан, забулдыга одним махом осушил его, после чего процедил сквозь зубы:

– Не жизнь, а... так, ик... и нет – ничего.

– Ваше Величество, – не спите, – наливайте, обратился он при этом непосредственно к царю.

Дождавшись, покуда царь наполнит его стакан, забулдыга продолжил свою пламенную речь:

– Друзья мои... Нам нечего ждать милости... ик... от дру-

гих, – взять их у них... ик... – наша задача. Наш лозунг один – «Иди... ик... – и бери».

Посетители забегаловки, находившиеся примерно в таком же состоянии, что и оратор, не замедлили поддержать его выступление громкими, в основном нецензурными, выкриками, и последовавшим за этим ломанием мебели. Что было дальше, Горох уже не помнил, – он отключился.

Глава 3. Когда спящий проснулся.

1.3.1.

Одно из основных преимуществ закуской «У обочины» перед другими подобными ей заведениями было то, что работала она круглосуточно, без перерывов и выходных. И те посетители, которым не надо было спешить домой (а таких здесь было большинство) могли находиться здесь до тех пор, пока они были в состоянии оплатить хотя бы кружку пива. В забегаловке даже существовала традиция, согласно которой напившегося до беспамятства посетителя ни когда, ни при каких обстоятельствах не выкидывали на улицу. Наоборот, такие клиенты очень ценились в этой забегаловке. Такие клиенты имели полное право спать под столом столько, сколько им вздумается, чтобы потом, после пробуждения либо продолжить возлияние, либо самостоятельно покинуть сие заведение.

Вот почему Гороха с его новым другом ни кто не потревожил до следующего утра, покуда царь сам не проснулся отто-

го, что все его тело, от пальцев ног до самой макушки, скрючилось от невыносимого холода. И было от чего, – как оказалось, он лежал на голом цементном полу, рядом с лужей пролитого еще с вечера пива. Между тем настроение у царя было самое, что ни на есть праздничное. С чего бы это? – удивился Горох, и тут он все вспомнил. Вспомнил весь вчерашний вечер, и то, как он отвратительно мерзко начался, и как просто замечательно завершился. Кто бы мог подумать, что именно в этой вонючей забегаловке ему так повезет. Но именно здесь, вчера, свершилось чудо, – он встретил друга. И этот друг, в один момент решил все его царские проблемы.

– Если у тебя, царь, нет своего царства, так возьми и завоюй себе чужое, посоветовал вчера ему новый друг. После чего они заказали себе на радостях водки с пивом, и неплохо отметили это предложение.

И доказательство того, что вчерашний вечер ему не приснился, находилось сейчас рядом с царем. Новый друг его не бросил и мирно сопел тут же на полу под холодной батареей.

Не дожидаясь, покуда его друг самостоятельно проснется, (цари они такие – ждать не любят) Горох принялся радостно трясти спящего собутыльника за плечо. Тот поначалу отбрыкивался, как мог, но потом, все же, хоть и с большим трудом, приоткрыл один глаз. И первым, кого он увидел, был, сияющий как медный таз, царь Горох.

– О боже, пробормотал оборванец, – а я-то думал, что все это мне приснилось.

– Вся жизнь моя была как сон до встречи с тобой, дружище, радостно произнес Горох. – Но теперь-то мы с тобой, о-го-го, – вместе горы свернем. Вставай – мой друг, нас ждут великие дела. Только знаешь, задумался царь, – я одного не могу понять, где мы с тобой солдат возьмем?

– Каких еще солдат? – еле слышно пролепетал забулдыга. – Мне тут только солдат не хватало.

– Что значит, каких солдат? – не понял Горох. – Ты что, забыл, что обещал мне вчера вечером?

– Ну, не то, что бы забыл, честно признался забулдыга, – просто не помню. И, много я вчера наобещал?

– Почти, что всё!

– Ну, это еще по-божески, задумчиво пробормотал забулдыга, поворачиваясь при этом лицом к стенке. Горох в недоумении вновь принялся трясти забулдыгу за плечо.

– Эй, а как же я?

– Иди себе домой, мил человек... Тебя, поди, там заждались.

– Что значит заждались? Ни кто меня, ни где не ждет...

– Ну, а я-то здесь причем? – не понял забулдыга.

– Подлец! Ссскотина! Негодяй, мошенник..., заорал на весь зал взбешенный царь.

– Вообще-то меня все Градусом зовут, флегматично заметил забулдыга, продолжая тупо глядеть на обшарпанную стенку. Горох же, видя, что силой тут ни чего не добьешься, решил сменить тактику.

– Ну, хорошо, скажи мне, чего же ты хочешь? – поинтересовался царь ласковым голосом.

– Покоя... Я хочу покоя, буркнул в ответ Градус.

– Покой пока нам только снится, задумчиво пробормотал Горох. – Градус!... Ты мне нужен... Без тебя – я ни кто. Впрочем, как и ты без меня. Пойми же, старая развалина, мы нужны друг другу. Хотя бы ради того, чтобы выбраться из всего этого дерьма...

Такое признание слегка озадачило Градуса, которому давно уже ни кто не говорил таких слов. Если быть совсем уж точным, таких слов ему не говорил ни кто и никогда. Да и сон его уже прошел. Делать было нечего, и тогда Градус, приподнявшись, озадаченно огляделся по сторонам, словно бы видел это место впервые в жизни. Эти обшарпанные стены, плевки на полу, вперемешку с гниющей рыбьей чешуей, загаженные мухами столы, кучу окурков в лужах пива. Но хуже всего был запах, окружавший их со всех сторон, – отвратительная смесь пота, закисшего пива и грязной одежды.

«Так дальше жить и впрямь нельзя, решил Градус. – Надо бежать... Бежать отсюда, пока не поздно. Хотя бы и с этим придурком». Приняв такое судьбоносное решение, не только для него самого, но и для всей нашей истории в целом, Градус поднялся, наконец, с цементного пола и, потребовал себе холодного пива.

Глава 4. Джентельмены – не пьют.

1.4.1.

– Мы вчера с тобой решили завоевать мне государство, напомнил Горох Градусу главную тему их вчерашнего разговора.

– Не хило, почесал затылок Градус, – я всегда говорил что водка у них здесь паленная... – И какое же государство мы с тобой решили... завоевать?

– Мне все равно где править, лишь бы править, беспечно заметил царь, открывая об острый край стола бутылку с пивом. Хотя открывалка лежала рядом на подносе.

– Вам быть может и все равно, а вот лично мне – нет. Мне в нем потом жить придется, резонно заметил Градус. – Так, что я хочу иметь приличное государство, а не то, что мы сейчас имеем... Имеется ли у Вас, что-нибудь подходящее на примете?

Горох озадаченно повел плечами, об этом он как-то не подумал. Градус же, криво усмехнувшись, взял откупоренную царем бутылку с пивом и жадно, в один присест, осушил ее прямо из горла. После чего, рыгнув, благодушно заметил, вытирая рот рукавом:

– Ладно, уж, помогу тебе еще раз. И он, аккуратно, стараясь не повредить страницы, вытащил из внутреннего кармана своего замызганного пиджака, маленький географический атлас без обложки. Судя по внешнему виду, этот атлас успел побывать во многих передрыгах, часть страниц была вырвана с корнем, часть попросту отсутствовала. Разложив

атлас на грязном столе, Градус стал осторожно перелистывать замызганные страницы.

– Ну, и что? Есть там что-то интересное для нас? – поинтересовался Горох, заглянув ему через плечо.

– Интересного много – хорошего мало, задумчиво ответил Градус, продолжая осторожно перелистывать замусоленные страницы. – А то, что есть, нам либо не по карману, либо даром не нужно. У меня ведь запросы не шуточные. Во-первых, стал загибать пальцы Градус, – климат там должен быть мягкий, ... мягкий, но не жаркий. Во-вторых, что бы птички там были разные, рыбки... и все такое. Да, и чтобы населения местного было поменьше, не люблю я, когда много народу вокруг шатается. Я люблю тишину.

– Это я уже заметил. И вообще, ты кому государство ищешь, себе или мне? – не понял Горох.

– Вот то, что нам надо, радостно воскликнул Градус, пропуская мимо ушей недовольную реплику царя. – Тут в рекламном буклете прямо так и сказано – «Бугорландия – страна Вашей мечты». Мягкий климат, развитая индустрия туризма, приветливое население. Что нам еще надо?

– Корону, напомнил Горох.

– Про корону тут ни чего не пишут. Упоминается только какой-то король по имени – Виргеум. Правитель местный. Ну, а если у них есть король, значит должна быть и корона. Логично?

– Логично, успокоился Горох. – А дальше, что?

1.4.2.

Дальше Градус резонно заметил, что одно государство на двоих им явно не осилить. Нужно было в срочном порядке найти еще единомышленников, и друзья обратили свой взор на пустующий зал.

Где все те, кто вчера так бурно аплодировал Градусу в поддержку его радикальных взглядов? – От них сегодня не осталась и следа. Кого-то увели домой жены, кто-то ушел сам, вспомнив о работе и детях, а кто-то попросту протрезвел и опомнился. На данный момент в закуской остались лишь те, кому явно не куда было спешить. Или не к кому.

– Они-то нам и нужны, обрадовался Градус. После чего, обратился к царю с сакраментальным вопросом:

– Да, Ваше Величество, я забыл спросить о самом главном... – А деньги-то у Вас имеются?

– Есть немного, нахмурился царь, который не любил особо распространяться про свои финансовые дела. – Но пить я больше не буду, тут же предупредил Градуса Горох. – Мне эта водка уже в горло не лезет.

– Без водки ни чего у нас не получится, глубокомысленно ответил на это Градус. – В нашем деле без водки никак нельзя. Так, что придется немного потерпеть.

– Прошу Вас господи, обратился он непосредственно ко всем горе-выпивохам, празднично шатавшихся в это время в темном зале забегаловки. – Не стесняйтесь, подходите бли-

же. Господин Горох всех угощает. И чтобы слова его не расходились с делом, Градус крикнул на весь зал:

– Официант, – водки!

Недоуменно переглянувшись между собой, забулдыги, с некоторой опаской приблизились к их столику. Наученные горьким опытом они прекрасно понимали, что бесплатной выпивки не бывает, и, что за всей этой халявой обязательно скрывается какой-то подвох. Но отказаться от дармового угощения было выше их сил.

В тот момент ни кто во всем мире не смог бы разглядеть в этих отбросах общества будущих чудо-героев всей нашей истории. И только один лишь Градус знал их подлинную сущность, глубоко сокрытую под грязными лохмотьями, поскольку, по большому счету, он и сам был одним из них.

При пересчете, выпивох оказалось ровно трое. Как это ни удивительно, но даже имена их сохранились в нашей истории. И так это были – Мороз, Керя, и отставной фельдшер – Фиштулла.

– Мы предлагаем вам новую жизнь, господа, торжественно заявил Градус, одновременно с этим разливая водку по стаканам.

– Я бы сказал даже больше – мы, господа, предлагаем вам новый мир. Мир, которого вы достойны. Забулдыги с нескрываемым вожделием потянули свои грязные руки к наполненным стаканам. Новый мир, предложенный Градусом, интересовал их значительно меньше.

Царь Горох, глядя с нескрываемым отвращением на тянущиеся к стаканам руки, заметил, как бы невзначай:

– Одну минуточку... – Прежде всего, я хочу заранее предупредить всех вас, вот о чем... Я хочу, чтобы у нас изначально все было по честному, без обмана. Кто боится, или не хочет, или не может, по каким либо иным причинам – тот может отказаться. Причем прямо сейчас, – потом будет поздно.

Отказываться от наполненных водкой стаканов ни кто из пьянчуг конечно же не стал, и судьба их, таким образом, была решена.

Горох же, окинув критическим взглядом своих новоиспеченных поданных, осушавших с нескрываемым наслаждением стаканы с дармовой выпивкой, тихонько заметил:

– Малова-то будет... – Надо бы добавить.

На что Градус удрученно почесал затылок, после чего, не сказав ни кому, ни слова выбежал вон из закуской. Такого поворота дел не ожидал ни кто, даже сами забулдыги.

– Ну, вот... – как всегда... – Сначала наобещают с три короба, а потом... а..., махнул рукой самый пожилой, а соответственно и самый опытный из выпивох – Фиштулла, и с нескрываемой досадой побрел в дальний конец зала. Глядя на него, стали расходиться и остальные.

Но тут дверь в закускую с треском отворилась, и в проеме двери показался радостный Градус, таща за собой двух каких-то типов потрепанно-интеллигентного вида. Типы эти

оказались уличными музыкантами, зарабатывавшие себе на жизнь игрой на похоронах, свадьбах и иных подобных торжествах. Будучи натурами творческими музыканты очень сильно страдали от этого. Особенно страдали они от этого по утрам. Поэтому Градусу не составило особого труда убедить их присоединиться к завоевателям в качестве полковых музыкантов.

Один из музыкантов, был под два метра ростом и имел крепкое телосложение. И хоть, как выяснилось впоследствии, он не знал даже нот, это не мешало ему самозабвенно крутить ручку старой, выдавшей вида, шарманки. Второй музыкант, хоть и был ростом с ноготок, играл, тем не менее, на огромной, едва-ли не больше его самого барабанной установке с медными тарелками.

– Того, что побольше, зовут Цап Царапычем, а того, что с барабаном – Маргадоном, представил музыкантов Градус. – Прошу любить и жаловать, Ваше Величество, наливайте.

Гороху ни чего не оставалась, как разлить остатки водки по стаканам. При этом царь все же решил несколько подкорректировать систему своих будущих взаимоотношений с подчиненными.

– С этого момента ребята вы все состоите у меня на службе, заметил он, убирая пустые бутылки подальше под стол. – А, следовательно, и вести себя вы должны как джентльмены. А джентльмены, как известно, не пьют.

– А если очень хочется? – незамедлительно поинтересо-

вался кто-то из толпы.

– Ну, если очень хочется, тогда конечно выпивают, но изредка и небольшими порциями. Новоиспеченным солдатам ничего не оставалось, как пообещать, что больше пить они не будут. (Впрочем, и меньше пить ни кто из них, при этом, тоже не пообещал.)

Пересчитав еще раз своих поданных по головам, (коих вместе с ним теперь оказалось числом ровно семь), Горох решил привлечь в свои ряды, для ровного счета, еще пару-тройку простаков. Тут на свою беду, а может быть и совсем наоборот, к царю за расчетом подошел официант, – толстый увалень, с лицом явно не отягощенным никакими мыслительными процессами. Обычными сказочными идеями такого явно было не завлечь, поэтому Горох не стал мелочиться, и пообещал ему за хорошую службу в награду целую харчевню. Перед таким предложением официант, конечно же, устоять не смог и тут же записался в подданные Гороха под прозвищем Хомяк.

– Уф, вытер царь вспотевший лоб, – ни когда не думал, что набирать единомышленников такое трудное занятие.

– Ты, Ваше Величество, просто врать еще не привык, усмехнулся Градус.

– Ну почему же врать, обиделся Горох, – если у нас все получится, будет ему харчевня. Всем всё будет, каждый получит по заслугам. Ты вот раньше, чем занимался?

– Раньше это когда? – с горькой усмешкой переспросил

Градус. – Когда-то, у меня была жена, квартира и два высших образования. А сейчас я – вот... бутылки собираю.

– Забудь про бутылки, поморщился царь. – Отныне ты мой первый и главный советник.

– Первый и последний. В смысле единственный, уточнил Градус, – конкуренции я не люблю. Да, кстати, а какое жалование положено первому и единственному советнику?

– Пока ни какого, а там поглядим. Я сам без денег работаю, точнее не ради денег, точнее и то и другое вместе.

– Ну, и правильно, согласился с царем Градус, – с деньгами воевать – и смысла нет. Вот ради денег воевать – это совсем другое дело. Я-то это понимаю, но вот другим будет трудно это объяснить. Сейчас все умные стали, ни кто за просто так умирать не хочет.

В это время в забегаловке появился еще один забулдыга, зашедший сюда в слабой надежде повстречать здесь какого-нибудь из своих приятелей-собутыльников, за чей счет можно было бы опохмелиться. Старых приятелей он не встретил, зато приобрел новых. Но обо всем по порядку...

– Ты кто такой будешь? – грозно спросил у вновь прибывшего забулдыги Градус.

– Временное скопление молекулярных частиц в определенной последовательности, печально заметил ханурик, шмыгая носом. – Одним словом – никто.

– Сразу видно – наш человек, обрадовался Горох, заказывая для вновь прибывшего чекушку водки. – Я знал, что это

еще не всё, точнее не все...

– Мне теперь и водка не в радость, печально заметил забулдыга, залпом осушая чекушку.

– Ты, что, больной что ли? – удивился Градус.

– Я не просто больной, тяжело вздохнул выпивоха, – я – неизлечимо больной. Врачи сказали, что жить мне осталось максимум месяца два.

– А нам больше и не нужно, глубокомысленно заметил Градус.

– В смысле?

– В смысле, ну и дурак же ты, парень, возмущенно вмешался в разговор бывший фельдшер Фиштулла, в силу специфики своей профессии лютой ненавистью ненавидевший всех до единого врачей, не зависимо от их специализации. – Ну, кто же в наше время верит докторам. Они же ни когда не могут точно угадать дату смерти. Ты же можешь умереть в любую минуту.

– Нет, отрицательно покачал головой забулдыга, – мой врач не такой. Раз он сказал, что я умру через два месяца, значит, так и будет. Он свое слово всегда держит.

– Ну ты это того..., не переживай, попытался как мог утешить забулдыгу царь. – Мы тебя не бросим на произвол судьбы. Пойдешь с нами! Будешь у меня под особым присмотром, – писарем. Как, кстати, твоя фамилия? Выяснилось, что забулдыгу зовут Яшкой Земляничкой, под этим звучным именем он и записался в ряды завоевателей.

– Ну, теперь, кажется, все в сборе, обрадовался царь. – Можно приступать, точнее выступать.

1.4.3.

Но стоило им, всей толпой, направится к выходу, как Горох вдруг резко остановился, и призадумался. На резонный вопрос, – «что случилось?», царь глубокомысленно заметил, что им чего-то не хватает.

– Здравого смысла, буркнуло Градус себе под нос, но так, чтобы его ни кто не услышал.

Минут через десять долгих и мучительных раздумий Горох наконец-то вспомнил, чего им, собственно, как завоевателям, не хватало. Им не хватало оружия.

– И провианту, добавил Хомяк.

Глава 5. «Главное – начать, а дальше – как получится».

1.5.1.

При этих словах вновь испеченные завоеватели радостно встрепенулись, – ведь без оружия, а самое главное без провианта воевать они не договаривались. Таким образом, все для них складывалось очень даже удачно. Водку они выпили, а то, что с завоеванием ни чего не получилось, в том их вины не было. Они же не виноваты в том, что их работодатель – царь Горох не смог обеспечить их провиантом и оружием. Причем самые нетерпеливые из завоевателей стали уже искося поглядывать на входную дверь, размышляя о том, как

бы им быстрее и самое главное незаметнее выбраться на свободу. Но первым уйти, ни кто не решался.

Тут Градус предложил для начала всем рассредоточиться на какое-то время, для сбора денег на оружие и провиант. Ради такого дела он согласен был вновь пойти собирать пустые бутылки. Музыканты могли бы играть в подземном переходе или у метро, ну и остальные подданные без дела тоже бы не остались. Одни могли бы просить милостыню на паперти, а тем, кому это занятие было не по душе, могли бы пойти грабить или воровать.

Допустить такого безобразия Горох, конечно же, ни как не мог. Он вовсе не желал рисковать своими, собранными с таким трудом, поданными. Поэтому, отойдя в сторону, царь задумался. Но как выяснилось, мудрых преподавателей слушал Горох невнимательно, потому, что сейчас ему на ум ни чего умного не приходило. Он хорошо помнил только одно, что у них на четвертом курсе точно был такой предмет – «Теория завоевания государства и права». На этом все его познания о данном предмете и заканчивались.

1.5.2.

А тут еще царь вспомнил, что помимо всего прочего для проведения самого мало-мальски завоевательного похода нужно было получить еще и официальное разрешение (лицензию) на завоевание стороннего государства. А еще нужно было официально объявить этому государству войну. В противном случае все его действия будут считаться экс-

тремистскими и незаконными.

Дальше думать Горох не стал, резонно решив, что от всех этих размышлений вопросов у него не только не убавляется, а наоборот становится все больше и больше.

Оставив свое немногочисленное войско на попечение Градуса, царь отправил из ближайшего почтового отделения королю Виргеуму (по адресу: государство Бугорландия, королю лично в руки) телеграмму с объявлением ему войны. И хоть денег хватило всего на три слова – «Объявляю войну Горох», тем не менее формальности были соблюдены. Главное было – начать. А дальше – как получится.

Глава 6. Приходите завтра, или кадры решают все.

1.6.1.

Прямо из почты Горох отправился в мэрию – за лицензией, решив отложить все остальные насущные вопросы на потом. Воевать без лицензии царь позволить себе ни как не мог, он хотел все сделать по честному, без обмана. Чтобы потом ни кто не смог усомниться в его законном праве на завоеванное государство.

В это самое время, в мэрии, в отделе согласования и лицензирования, в огромном кожаном кресле сидел маленький начальник и хандрил. Делать ему было абсолютно нечего. Но и уйти пораньше домой он тоже не мог, ведь он был еще совсем маленьким начальником, и не мог уходить домой тогда, когда ему вздумается. Поэтому-то сейчас он и сидел в своем

огромном кабинете и мастерил от безделья из бланков заявлений и финансовых отчетов бумажные самолетики. Когда очередной самолетик был готов к полету, маленький начальник запускал его в дальний угол своего кабинета, туда, где стояла большая мусорная корзина.

Запуск очередного такого самолетика был прерван бесцеремонным вторжением царя Гороха.

– Я царь, представился Горох прямо с порога, – просто – царь.

– Очень приятно, начальник попытался изобразить на своем лице некое подобие улыбки.

– Чем могу быть Вам полезен?

– Я хотел бы получить лицензию... – Лицензию на завоевание государства. Это возможно?

– А почему бы и нет, радостно встрепенулся чиновник в предвкушении большого куша. – Куда прикажите ее доставить, Ваше Величество? – Прямо во дворец или может на яхту? Завтра в первой половине дня Вас устроит? Ну, и прекрасно, чиновник сделал соответствующую отметку у себя в ежедневнике. – Оплачивать как будете – наличными или перечислением?

– А как лучше? – испуганно спросил царь, лихорадочно размышляя при этом, где бы ему достать денег до завтрашнего утра.

– Лучше всего в конверте, усмехнулся чиновник. – Без лишних формальностей, так будет и быстрее и... дешевле.

– Мне же, как царю, полагаются всевозможные льготы, вспомнил царь свои права. – Бесплатный проезд в городском общественном транспорте, бесплатные похороны, и один раз в жизни бесплатная лицензия на завоевание государства.

– Конечно, конечно, поморщился чиновник, захлопывая свой ежедневник. – Кто же спорит, – льготы – это святое. Вот Вам бланк заявления, – заполните его... потом заверите свою подпись у нотариуса... затем вам нужно будет согласовать заявление в санэпидемслужбе... госпожарнадзоре... у нас... – в 22... 23... и 27 кабинетах. Что еще? К заявлению прикладываете справку о составе семьи, справку о здоровье, о том, что не состоите на учете в психдиспансере, справку от нарколога. В общем, там, на стенде в конце коридора, все написано. Месяца через два-три, как соберете все документы, приходите ко мне и мы Вас направим на комиссию.

– Что еще за комиссию? – не понял царь.

– На комиссию, где будет рассматриваться Ваша заявка.

– Но Вы только, что говорили, что лицензия будет готова завтра в первой половине...

– Да, но я же не знал, что вы по льготному тарифу оформлять будете, пояснил чиновник.

– А побыстрее ни как нельзя? – только и смог спросить ошарашенный от всего услышанного царь.

– К сожалению, – ни как, у меня – инструкция. Так, что не смею вас больше задерживать, завил тут чиновник, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

В это время на столе у чиновника гневно затрещал телефон.

– У аппарата, властным, но в тоже время и каким-то душевным голосом произнес маленький начальник в трубку. В ответ на это на том конце трубки кто-то завизжал тоненьким противным голосочком. Начальник переменялся в лице, и залебезил:

– Да, котик... да, родная. Как, – опять? – Конечно, конечно, милая, я что-нибудь придумаю.... – Ну что ты, что ты.... Но договорить он не успел, на том конце телефонного провода раздались короткие, как звуки выстрела, гудки.

1.6.2.

– Одну минутку, остановил чиновник Гороха, совсем уже было собравшегося уходить. – Куда это вы там, говорите, собрались?

– В Бугорландию, пояснил Горох, – в тяжелый и трудный поход.

– Тяжелый и трудный поход, повторил начальник. – И надолго?

– Если все получится – тогда вероятно навсегда.

– А если не получится?

– А если не получится, вздохнул Горох, – тогда уж точно – навсегда.

– Вот это разговор, обрадовался маленький начальник. – С этого и надо было начинать... – Да для такого дела мы Вам

не только лицензию, мы Вам еще и людей подбросим ... – Не самому же Вам под пули лезть. В наше время кадры, как говорится, решают все. Чиновник вновь открыл было свой ежедневник, но тут же захлопнул его, и доверительно зашептал Гороху:

– У меня для Вас есть очень хорошие кадры... – Кадры, можно сказать, еще те.... -Родственничек у меня есть один, точнее два... родственничка... – Брат жены – доцент Шампиньон и его сыночек Батон. Я давно хотел пристроить их куда-нибудь пода... в хорошие руки, да все как-то не с руки было. Ну, а кому, как ни Вам я могу доверить своих, можно сказать, самых близких людей. Забирайте их и дело с концом, в смысле лицензию я Вам выпишу прямо сейчас. Ну, так что, – по рукам?

– Какие вопросы, обрадовался Горох, – нам лишние люди ни когда не помешают.

– Счастливы, задумчиво произнес кабинетный начальник, – лично мне лишние люди только мешают. И, расправив один из самолетиков, лежавших у него на столе, чиновник протянул мятый бланк Гороху:

– Заполняйте бланк заявления.

Глава 7. Телеграмма, чаепитие, слоны.

1.7.1.

А в это время в Бугорландию, в королевский замок Трунштейн (официальную резиденцию короля Виргеума) при-

шла Гороховская телеграмма. Король с королевой, и все их придворные, в тот момент как раз полдничали. Сидя за большим обеденным столом из красного дерева, они пили крепкий чай с молоком и ели бублики с маком.

Нельзя сказать, чтобы король очень уж обрадовался принесенной телеграмме. Скорее наоборот. Он, хоть и был по сути своей весьма мягким человеком, но очень не любил когда во время приема пищи его отвлекали чем-то посторонним.

Поэтому на принесенную не вовремя телеграмму король поначалу даже и смотреть не стал, отложив ее подальше от себя в сторонку. Виргеум собирался прочесть ее только после того, как не спеша закончит чаепитие, и подремлет немного у камина в тишине и спокойствии. Т.е. не раньше чем через час, полтора, – а то и все два. Однако его жена, Киса де Мура, была натурой деятельной и импульсивной. Она не стала ждать, покуда ее супруг соизволит напиться чаю, и схватив бланк телеграммы, королева прочитала вслух известный нам уже текст – *«Объявляю войну Горох»*.

– Фи, разочарованно потянула королева, – а я – то подумала, что это мама собирается к нам приехать – погостить. Или пожар какой-нибудь случился у соседей. А это всё Ваши огородные штучки...

Тут следует пояснить, что король Виргеум ко всему прочему был еще и страстным садоводом – любителем. Это было его официальное королевское хобби, т.е. самое налюбви-

мейшее занятие.

Смирившись с тем, что попить чай спокойно не удастся, Виргеум надел на нос очки, и несколько раз самолично перечитал текст телеграммы. Убедившись, что о приезде тещи там и впрямь нет ни слова, король немного успокоился, и даже съел по такому случаю два лишних бублика с маком.

– Странно, молвил он, наконец, дожевывая очередной бублик. -Что бы это значило?

Телеграмма тут же пошла по рукам немногочисленных придворных. Бугорландия, надобно Вам заметить, была довольно провинциальной страной, и всякие необычные события в ней случались крайне редко. Поэтому-то загадочная телеграмма сразу же вызвала живейший интерес среди местного высшего общества, все представители которого как раз и присутствовали на данном чаепитии. У маленькой страны, как известно, и высшее общество не слишком большое.

Бугорландское же высшее общество, если быть совсем точным, состояло всего навсего из четырех человек. Помимо короля с королевой в него входили также – первый советник Али ибн Лура и главный военный начальник Тортенсон.

Опишем несколько поподробнее это общество. Король присутствовал на чаепитии облаченный в домашний байховый халат, он даже ночной колпак не соизволил снять по такому случаю. В будние дни Виргеум всегда ходил по дому, т.е. по замку в халате и ночном колпаке. Ему попросту было лень переодеваться во что-либо другое. От этой дурац-

кой привычки его не смогла отучить даже его жена, которая, впрочем, не больно-то и старалась. Королева следила за внешним видом короля только при посторонних иностранных гостях, а таковые посещали Бугорландию крайне редко. Мнение же местных жителей Киса де Мура просто не принимала во внимание, считая это ниже своего достоинства. (Сама она не была коренной Бугорландкой, но об этом чуть позже.)

Все же остальные участники этого чаепития были одеты согласно общепринятому дворцовому этикету. На королеве было ослепительно-нежное розовое платье, отороченное мехом и бриллиантами. Военноначальник Тортенсон облачился по такому случаю в ярко-красный, расшитый золотом, мундир, без орденов. Свои многочисленные ордена Тортенсон одевал только на официальные совещания или парады. Али ибн Лура был, как и король, в халате. Однако, халат этот никоим образом ни по фасону, ни по цвету не походил на домашний королевский халат Его Величества. В отличие от короля, для которого халат был сугубо домашней одеждой, для мудреца его халат был повседневным рабочим одеянием. Али ибн Лура был выходец с востока, а там все так одеваются.

Итак, на мудреце был длинный стеганный халат зеленого цвета с многочисленными блестками в виде золотых и серебряных звезд. Первый советник короля был самым умным человеком в королевстве, и мог ответить на любой, самый ка-

верзный вопрос. Поэтому-то его и пригласили в свое время в Бугорландию на должность главного мудреца королевства. Чтобы с помощью его советов решить все государственные проблемы.

Только всё оказалось не так просто, как хотелось бы хитро-мудрым бугорландцам. Во-первых, мудрец категорически отказывался отвечать более чем на один вопрос в день. Это изначально было его главное и принципиальное условие при приеме на работу. Восточные люди не любят особо перерабатывать. Но это было еще только полбеды. В процессе работы выяснилось, что мудрец может ответить на любой, но только ПРАВИЛЬНО заданный вопрос. Ведь для правильного ответа мудрецу нужно было точно знать, что именно хотят у него узнать. И вот тут-то выяснилось, что правильно задать вопрос было не менее сложно, чем ответить на него.

А так как Виргеум этого понять не мог в принципе, то и ответы на свои вопросы он получал крайне редко. Тем не менее, мудреца при дворе, хотя и не понимали, но все же ценили. И ценили его во многом благодаря именно тому, что не понимали. Как ни как Бугорландия была цивилизованным государством. В другой, менее цивилизованной, стране мудрецу за такие выкрутасы давно бы отрубили голову. А этому же всё пока сходило с рук.

Взаимоотношения мудреца с простыми жителями складывались еще хуже. Прижимистые бугорландцы не прочь были получить от мудреца умный совет, да вот только пла-

тить за это деньги они категорически отказывались. Бугорландцы по натуре своей были народом недоверчивым, и принципиально не желали платить за то, чего нельзя было увидеть глазами или потрогать руками. Мудрец же, в свою очередь, тоже давать бесплатно советы ни кому не собирался. Поэтому найти общий язык с местными жителями за все эти годы Али ибн Лура так и не сумел. Единственно кого он еще мог терпеть в этом государстве, так это как раз членов государственного совета. Короля и королеву он терпел за то, что те платили ему ежемесячное жалование, причем весьма приличное жалование. По крайней мере по бугорландским меркам. А Тортенсон, как человек военный, ни когда, ни каких вопросов ни кому не задавал, он привык только отдавать и исполнять приказы.

Всех же остальных жителей Бугорландии Али ибн Лура ненавидел лютой ненавистью. А те, в свою очередь, всё ни как не могли понять, за что на них так сердится королевский мудрец. И при встрече с ним, каждый раз интересовались – «Как ваше здоровье?» Или – «Какая сегодня чудесная погода, не правда ли?» Чем еще больше выводили мудреца из душевного равновесия. И тогда он начинал что-то громко орать на своем родном, непонятном бугорландцам, языке и сильно топтать при этом ногами. В особо крайних случаях он даже рвал на себе свою седую бороду. Изредка это помогало ему успокоиться.

Но вернемся к нашей телеграмме и прерванному ею чае-

питию. В малочисленности бугорландского общества были и свои преимущества. Всегда можно было собраться обсудить какой-нибудь важный государственный вопрос просто так, за чашкой чая или за партией в преферанс. Решать государственные дела в неофициальной дружеской обстановке было очень выгодно и в том отношении, что в стране не нагнеталась раньше времени нездоровая политическая обстановка, и среди мирного населения не возникала, опять же, раньше времени особой паники. Тем более, что в такой вот неофициальной обстановке в Бугорландии обсуждались в основном всевозможные домыслы, сплетни и слухи. Потому, что других, более важных вопросов в Бугорландии не было очень и очень давно. Вот и сейчас все заинтересовались содержанием телеграммы просто так, от скуки, поскольку больше обсуждать было просто нечего.

Сначала слово взял словоглавнокомандующий всем Бугорландским войском – Тортенсон, который тут же заявил, что все это происки врагов. Но что это были за враги, и, в чем именно заключались их происки, главнокомандующий ни чего вразумительного пояснить не смог. Сильно разнервничавшись, Тортенсон выскочил из-за стола, и принялся ходить из угла в угол, громко выкрикивая при этом:

– Это не ест карашо, ошень не есть карашо. (Тортенсон тоже был не местным жителем. Много лет назад он отстал от поезда, и так как ни чего делать не умел, то легко сделал военную карьеру. Правда правильно говорить при этом так

и не научился.)

– Надо быстро – быстро покупать катэрюшку. Про катер главнокомандующий вспомнил неспроста, катер – была голубая мечта его детства. И хотя Тортенсон давно уже вырос, и даже стал генералом, тем не менее мечтать о катере он не переставал. И при любой возможности Тортенсон пытался претворить свою мечту в жизнь. Он уже неоднократно поднимал на государственном совете вопрос о приобретении катера для охраны Бугорландских берегов во время войны. В мирное же время катер можно было бы использовать для более мирных целей, например для отдыха или рыбалки. Ведь, как известно, рыбалка была для бугорландцев главным (после еды и сна, конечно же) любимым занятием местных жителей. И деньги в королевской казне на покупку катера конечно бы нашлись, если бы не одно немаловажное обстоятельство – на рыбалку весь королевский двор ездил на слонах.

1.7.2.

Тут нужно немного отвлечься и пояснить, что в Бугорландии ко всему прочему имелось целое стадо слонов. Не то, чтобы они здесь издавна водились, нет, слонов этих (в количестве двух штук) привел с востока Али ибн Лура. И были они братьями, в смысле слоны были братьями. Мудрецу же слоны достались от индийского раджи, который таким образом рассчитался с ним за двадцать лет безупречной службы. Вот только содержать в неволе даже одного слона, не гово-

ря уж о двоих, мудрецу было хоть и престижно, но весьма накладно. Поэтому-то он и передал этих слонов Виргеуму в аренду, просто так, без денег, за одно только пропитание. Слоны хоть и ели много, но свою кормежку отработывали с лихвой. Бугорландцы использовали слонов в основном для поднятия и переноски тяжестей или же, как средство передвижения. А так же как мостки, с которых король и его приближенные в свободное от работы время ловили рыбу.

Старший из слонов, (он так и звался – Старший), был спокойным и уравновешенным во всех отношениях слон. Младший же слон был резвым малым, и ни минуты не мог спокойно устоять на месте, он то и дело старался все куда-то убежать или что еще хуже – ускакать. При этом он умудрялся, попутно что-нибудь сломать или испортить. Поэтому во время рыбалки Виргеум – как король, и Али ибн Лура – как хозяин животного всегда садились на старшего слона, всем же остальным доставался младший слон – непоседа. Таким образом, детская мечта Тортенсона о катере была близка и понятна всем рыбакам королевства за исключением одного лишь Виргеума. Поскольку тот, рыбачил, как было уже сказано выше, на Старшем – спокойном слоне.

Но что было еще более важно, тортенсоновскую мечту о катере не могла понять и Киса де Мура, которая рыбалкой не увлекалась вовсе. Вот и сейчас, едва услышав про катер, королева тут же возразила, что ни какие это не происки врагов, а просто чей-то глупый розыгрыш. И катер им сейчас ни к

чему, потому, что содержать флот в настоящее время они себе позволить не могут. Тем более, что у них в государстве нет ни одного адмирала, пусть даже самого заволящегося. Так, что, подвела итог всему сказанному королева, вместо катера она себе лучше на эти деньги колье купит бриллиантовое. Робкое замечание Виргеума о том, что речь сейчас идет во все не о колье, а о телеграмме, Киса де Мура презрительно проигнорировала и гордо удалилась к себе в апартаменты.

1.7.3.

На этом чаепитие (и обсуждение странной телеграммы) было благополучно завершено. Нерешение того или иного вопроса ни когда не являлось для бугорландцев причиной для дальнейшего беспокойства. Они искренне считали, что все проблемы со временем решатся сами собой. Иногда так и впрямь происходило, впрочем весьма редко.

Глава 8. Завоеватели в «НИРВАННЕ»

1.8.1.

А в это самое время, покуда в Бугорландии вовсю шло обсуждение Гороховской телеграммы, вновь испеченные завоеватели, с неподдельным любопытством рассматривали принесенную Царем лицензию. Что с ней делать ни кто толком не знал, но документ, с синей гербовой печатью, выглядела весьма впечатляюще.

– Все это хорошо, вынужден был признать Градус, самый

трезвомыслящий из забулдыг. – Только у нас еще нет самого главного, у нас нет оружия.

– И провианту, добавил Хомяк. Ликование сразу стихло и все в недоумении уставились друг на друга, – как это они могли забыть про самое главное, – про провиант. Но тут в дело вновь вмешался Градус, огорошив всех неожиданным заявлением.

– Этот вопрос я берусь уладить, гордо заявил он. – Причем прямо здесь и сейчас. Прошу всех следовать за мной. При этих словах новоиспеченные завоеватели заметно повеселели.

Неопытные в подобных делах они, почему – то решили, (то ли по наивности, то ли сильно проголодавшись), что решать вопрос с провиантом Градус будет непременно в ресторане. И заранее стали обдумывать, что бы им такое заказать повкуснее. Но у Градуса на этот счет были совершенно другие планы. Быстрым шагом он повел завоевателей одному лишь ему известным маршрутом. Причем маршрут этот, к явному разочарованию большинства завоевателей, проходил вдали от ресторанов, баров и других, подобных заведений. Более того, с каждой минутой они все дальше и дальше удалялись от такой, ставшей им за много лет родной, забегаловки. Наконец завоеватели не выдержали и стали проявлять явные признаки беспокойства, главной мыслью которой был вопрос – «а правильной ли дорогой ведет их Градус?» При чем некоторые из них, самые нетерпеливые, даже начали по-

казывать ему знаками, – мол не туда, не туда он их ведет.

Но Градус знал, что делал. Прошло еще немного времени, прежде чем завоеватели достигли, наконец, конечной цели их путешествия – Центральный городской универмаг под поэтическим названием – «НИРВАННА».

1.8.2.

Оставив всех сидеть в фойе магазина под присмотром строгого охранника, Градус вместе с Горохом напрямик направились в кабинет к управляющему. Толстый управляющий в это время у себя в кабинете внимательно изучал сводку продаж товаров за неделю. Сводка была неутешительной, рост продаж медленно, но неуклонно падал, что не предвещало ни чего хорошего для его дальнейшей карьеры. И все мысли управляющего сейчас были об одном – куда бы сплавить залежалый товар.

Вот в этот самый неподходящий момент в его кабинет и влетели Градус с Горохом.

– Его величество – Царь, представил Градус своего начальника. – А я его заместитель по всем вопросам, в том числе и по финансовым.

– Чем могу быть полезен Его Величеству? – спросил управляющий, не отрываясь от бумаг.

– Я слышал, что у вас большие проблемы со сбытом... – Все склады забиты товаром под завязку... – Ну так вот... – Мы могли бы вам помочь... взять у вас часть товара, бойко

начал излагать свою мысль Градус. – О цене можете не беспокоиться, о цене – договоримся... – Я думаю, что мы возьмем у Вас товар..., а... была – не была, в первый раз так уж и быть, возьмем ваш товар совершенно бесплатно. Так сказать в рекламных целях. Управляющий заинтересованно отложил отчет в сторону, всем своим нутром старого торгаша чувствуя, что запахло жареным.

– А документы у вас есть? – поинтересовался он первым делом.

1.8.3.

Минут десять-двенадцать спустя Горох и Градус покинули кабинет управляющего весьма довольные собой. И еще бы им было не радоваться. Только, что они подписали рекламный договор с супермаркетом, согласно которому завоеватели обязались рекламировать товар фирмы «НИРВАННА» во время всего своего завоевательского похода. Взамен этого Гороху и его людям позволялось взять в супермаркете столько товара, сколько они смогут унести за раз.

С выбором товара завоеватели решили не спешить, рабочий день только начался, так, что времени у них было более чем предостаточно. Поэтому-то они первым делом отправились не куда-нибудь, а в сауну, расположенную в цокольном этаже супермаркета, где мылись, брились, стриглись и отдыхали до самого обеда. Обедали тут же, заказав себе еду из местного ресторана. И вот только потом, после сытного обе-

да, обмотав полотенца вокруг бедер, Горох повел всех своих людей на второй этаж в отдел готового платья.

Только кроме нижнего белья ничего подходящего для них там не нашлось. Деловые костюмы, фраки или смокинги для завоевательских походов были мало пригодны. И тогда завоеватели разбрелись по всем отделам, в поисках более подходящей для них одежды.

И они совсем уж было присмотрели себе ярко-голубые строительные комбинезоны, но тут Маргадон обнаружил в отделе «Охотник и рыболов» пятнистую камуфляжную форму темно-зеленого цвета. Форма всем так понравилась, что завоеватели тут же в нее и облачились. Все кроме царя и его первого помощника, которые как особо важные персоны одевались отдельно от всех, т.е. в соседнем отделе.

В отделе для VIP-персон Горох выбрал себе стильные серые джинсы и темно-зеленый френч военного образца, поверх которого накинул черный болоньевый плащ. На голову царь, вместо короны, повязал черный шелковый платок – бандану. Градус был менее привередлив в одежде, и довольствовался простыми черными джинсами и твидовым пиджаком темно-песочного цвета. А вместо рубашки и галстука он надел черную футболку. Так, что в облачении завоевателей, как и было положено по военной науке, преобладали темные маскировочные цвета.

Проблем с обувью также не возникло. Обувной отдел, можно сказать, был завален всевозможной обувью, были там

и армейские кожаные ботинки всех размеров. Как раз такие, какие и нужны были нашим завоевателям.

После решения вопроса с обмундированием следовало подумать и об оружии. Проще всего было бы взять охотничьи ружья в том же отделе «Охотник – Рыболов», но без охотничьих билетов оружие им ни кто не отпустил. Пришлось завоевателям довольствоваться плотницкими топорами да ножами, которые они нашли в отделе хозтоваров. Топоры, при некотором воображении, вполне могли сойти за боевые секиры, а большие поварские ножи за кинжалы. В отделе специнвентаря завоеватели затарились длинными пожарными баграми, которые должны были заменить им боевые копья и алебарды.

В сувенирном отделе завоевателям, наконец, повезло, они нашли там огнестрельное оружие, на покупку которого не нужно было специального разрешения. Это были старинные сувенирные мушкеты и кремневые пистолеты. А так как наши завоеватели в прошлом все были людьми сугубо штатскими, то это оружие их вполне устроило. Горох же с Градусом взяли себе еще и по шпаге, так, на всякий случай, а вдруг пригодится.

В витрине все того же сувенирного отдела царь за заметил (и тут же прибрал к рукам) небольшую старинную пушку, стрелявшую чугунными ядрами. Он давно мечтал иметь в своем распоряжении пусть небольшую, пусть совсем маленькую, но зато собственную артиллерию. Впрочем в ви-

ду отсутствия пороха стрелять из нее было весьма затруднительно. Порох, как и ружья, продавался только при наличии охотничьего билета. Поначалу завоеватели хотели было настругать серы из спичек, но потом одумались, и решили просто взять с собой ящик с хлопушками и петардами, чтобы потом на досуге вытрясти из них весь порох.

Сложнее пришлось с защитным вооружением. За неимением лучшего, завоевателям пришлось довольствоваться медными пожарными шлемами и оранжевыми спасательными жилетами из пенопропилена. А вместо щитов приспособили крышки от хозяйственных бачков.

В довершении всего в отделе спорттоваров Градус заприметил стальной спортивный арбалет. О таком арбалете он мечтал с детства. И хотя Горох как-то косо посмотрел на это оружие, (по его мнению, завоевывать государства в наше время с арбалетами было не солидно), тем не менее, Градус настоял на своем и забрал арбалет с собой.

1.8.4.

Закончив вооружаться, завоеватели приступили к следующему этапу – к сбору провианта. В продуктовом отделе супермаркета продуктов было столько, что в глазах рябило от всевозможных фирменных этикеток и красивых упаковок. Горох и компания некоторое время просто стояли в замешательстве, не зная с чего начать.

Первым опомнился Керя, подойдя к полке с хлебобулочными изделиями, он взял оттуда маленький пакетик с ва-

нильными сухарями. Тут опомнились и все остальные. Они стали хватать с полок все, что попадалась им на глаза и складывать все в одну кучу, прямо посреди торгового зала. Гора продуктов росла прямо на глазах. Чего здесь только не было – коробки со свиной тушенкой, пачки макарон, рыбные и овощные консервы, палки сырокопченой колбасы, буженина, селедка в вакуумной упаковке, сырныи круги, копченая грудинка, банки со сгущенным молоком, мешки с рисом, мукой, гречкой и сахаром. Были даже консервированные ананасы и сушеные кальмары, не говоря уже о красной и черной икре, оливках в собственном соку с анчоусами и др. деликатесах.

Из напитков завоеватели взяли себе несколько упаковок с минеральной водой, а также пару бочонков с пивом. Более крепкую алкогольную продукцию Горох брать строго настрого запретил.

Немного передохнув и закусив, взятыми прямо из этой же кучи продуктами, завоеватели вновь разбрелись по супермаркету с тем, чтобы собрать остальные необходимые им для завоевательного похода вещи. А именно – теплые одеяла, и пледы, палатки, походную аптечку, удочки и еще много других не менее важных вещей. Через полчаса усиленных сборов рядом с продуктовой горой выросла еще одна, уже вещевая гора.

—

Я всё хотел тебя спросить, задумчиво обратился между

тем Горох к своему советнику Градусу. – Как мы будем... ну это... государство-то завоевывать?

– Ну, ты, Ваше Величество, даешь, возмутился Градус. – Кто из нас двоих на царя учился, я или ты?

– Да понимаешь в чем дело, смущенно замялся царь, – я тогда как-то особо и не задумывался обо всем, об этом. А сейчас вот ни чего путного и вспомнить-то не могу.

– Что, неуж-то совсем ни чего не помнишь? – удивился Градус.

– Ну почему совсем ни чего, что-то помню... – Помню, что в чужой стране первым делом нужно обязательно город какой-нибудь завоевать, ну или хотя бы замок.

– И, всё?

– Ну, там много чего еще... – Всего и не упомнишь... – И вообще – главное, как говорить – начать, а там все само собой пойдет.

– Этот первый замок еще нужно суметь завоевать, задумчиво пробормотал Градус. – Боюсь, что нас в таком виде еще на вокзале перехватят...

– Что же делать?

– Нам нужно как-то замаскироваться...

– Это что еще за чучело? – гневно рыкнул тут царь на Керю, притащившего из отдела игрушек большого тряпичного клоуна. – Нам здесь еще только клоунов не хватало.

– А, что – это мысль, обрадовался Градус. – Найди-ка нам, приятель, приказал он все тому же Кере, – десять, нет – один-

надцать, а еще лучше дюжину клоунских костюмов. У меня тут одна идея созрела...

Между тем солдаты продолжали таскать и складывать в кучу все, что ни попадалось им на глаза. Вещей набралось столько, что возникла проблема, как все это добро теперь унести. Тогда сообразительный Яшка сбегал и прикатил из отдела авто-мототехники большой автомобильный прицеп, который был тут же загружен под завязку вещами и продуктами. И это при том, что Градус лично отбирал, что следует взять, а что оставить.

– Осталось найти такого осла, который согласится тащить все это, процедил сквозь зубы Цап Царапыч, скептически оглядывая доверху нагруженный прицеп.

– А, что, это идея, обрадовался Горох, – нам нужен именно осел. Завоеватели сразу же нахмурились, ни кто из них не желал быть ослом и уж тем более тащить этот чертов прицеп. Тем более бесплатно.

– Да я не в том смысле, поправился царь, – нам нужен обычный осел, самый настоящий – с ушами и хвостом. Наверняка он есть здесь в зоомагазине. И царь велел Керя быстренько сбежать на первый этаж, и узнать, есть ли у них в зоомагазине осел, или что-нибудь в этом роде. Не успели завоеватели выкурить по сигарете, как Керя уже вернулся, ведя за собой под уздцы не только осла, но еще и маленького грустного пони.

– Там, в загоне, их двое оказалось, пояснил Керя, шмыгая

носом. – А кто из них осел, я не знаю.

– Скорее всего – ты, сострил кто-то из завоевателей, и все заржали. Керя тоже засмеялся вместе со всеми, он был не обидчивый малый.

– Осел – тот, что с длинными ушами, пояснил Горох, внимательно рассматривая приведенных к нему животных. – Он – то и будет вести нашу тележку. Ну, а этого заморыша, царь кивнул на грустного пони, – отведите обратно, пусть немножко подрастет.

– Ваше Величество, взмолились тут солдаты, – давайте и его возьмем с собой. Это будет ... наша конница.

– Для конницы он ростом не вышел.

– Если вспомнить мировую историю, вступился тогда за пони Градус, – то все значительные завоевания были проделаны как раз на таких вот низкорослых лошадках.

– Вы так считаете? – задумался Горох, – а я, уж было, решил, что меня хотят надурить, подсунуть некачественный товар. Ну, хорошо, пусть остается, смилостивился Горох. – Будет нашему ослу замена, если тот вдруг помрет... или помнеет и откажется тащить эту телегу.

Таким вот образом завоеватели обзавелись не только своим первым имуществом, но даже кое-какой живностью. Пони они окрестили «Джином», а ослика назвали Толиком, и теперь в армии у завоевателей был целый коктейль – «Джин с Толиком».

Глава 9. Долгие проводы – короткие встречи.

1.9.1.

Прошло еще какое-то время, прежде чем царь Горох, со всеми своим не слишком многочисленным войском, прибыл на центральный железнодорожный вокзал. Чтобы оттуда, уже на поезде, добраться до конечной цели своего путешествия – страны под экзотическим названием – Бугорландия.

Только вот садиться на поезд Горох не спешил. В самый последний момент царя вдруг охватили смутные сомнения в правильности своих действий. В праве ли он распоряжаться судьбами других людей? Может быть лучше, пока не поздно отказаться от завоевания и все отменить? На этот вопрос у Гороха не было однозначного ответа.

Остальные завоеватели тем временем сидели на перроне в ожидании неизвестно чего и резались целыми днями от безделья в карты. А над их головами гордо развивалось ярко-оранжевое Гороховское знамя, – узкое полотнище шириной примерно 40 см. и высотой метра полтора. И прямо посредине этого оранжевого полотнища красовались три-четыре черных пятнышка.

Примечательна сама история появления этого флага в стане завоевателей. В свое время в супермаркете, в отделе тканей и фурнитуры, царь Горох углядел в мусорной корзине полоску оранжевой ткани. (Видно кто-то из продавщиц пролила кофе на рулон с китайским шелком, а потом незаметно

отрезала этот испорченный кусок, и выкинула его от греха подальше в мусорную корзину.) Гороху же так понравилась яркая расцветка этой ткани, что он решил использовать ее как полотнище для своего флага. То, что его будущий флаг был подобран из мусорной корзины, царя ничуть не смутило. Это было даже весьма символично. Ведь и он сам, и его люди тоже вышли из самых низов, можно сказать из мусорной корзины общества. Черные же пятна от пролитого кофе прямо посередине полотнища, сильно смахивали (по мнению Гороха), на горошину с крыльями и хвостом. И хотя эти пятна, по мнению остальных завоевателей, больше смахивали на летучую мышь, ни кто с царем спорить не стал. Если царь хочет, чтобы была горошина, пусть будет горошина. А тут еще царь Горох решил, что эта крылатая горошина как нельзя лучше подходит для его родового герба. Новый герб всем очень понравился. Завоевывать государства с гербом было намного приятнее, чем без него.

На тот случай, если вдруг кто-нибудь еще пожелает к ним присоединиться, деятельный Градус прямо под флагом вывесил табличку-указатель: «Царь Горох- завоеватель». Завоеватель чего именно в целях конспирации решено было пока не указывать, хотя с данной платформы можно было добраться только до Бугорландии. Чуть ниже первой таблички Градус вывесил еще одну табличку, с пламенным призывом: «Завоеватели всех стран – присоединяйтесь»

Однако, не смотря на такое страстное воззвание, присо-

единяться к завоевателям ни кто не спешил.

Тогда Градус, решив, что немного рекламы им не повредит, вывесил третью табличку – *«Внимание! Совершенно бесплатно избавляем от ожирения и одиночества!»*. И это подействовало. Сразу же возле этой третьей таблички стали собираться женщины всех мастей и возрастов.

– Вообще-то я не это имел в виду, удрученно заметил Градус, и дописал в самом низу третьей таблички: *«Только для мужчин, настоящих мужчин»*. Толпа женщин тут же рассеялась, но мужчины так и не объявились. То ли настоящих мужчин больше не осталось поблизости, то ли (что более вероятно) местные мужчины не горели особым желанием избавляться от ожирения и одиночества. По крайней мере таким образом.

Как бы там ни было, но кроме солдат, завербованных ранее в закусочной, желающих быть завоевателями больше не оказалось. Да и за теми, кто уже был завербован, нужен был глаз да глаз. Градус совсем извелся, неустанно следя за тем, чтобы собранные с таким трудом горе-вояки в одночасье не разбежались.

Да тут еще, вдобавок ко всему прочему, к ним неожиданно заявился налоговый инспектор с требованием уплатить налоги за год вперед. В процессе перебранки выяснилось, что по новому закону все завоеватели перед своим завоевательским походом, должны были уплатить налоги авансом – за год вперед, чтобы в случае их гибели налоговые органы не

несли бы финансовые потери. Инспектора, как водится, хорошенько отлупили, только на душе от этого легче не стало.

Горох же все ни как не мог решиться, и принять окончательное решение – ехать им, или не ехать. Целыми днями напролет он просиживал в привокзальном буфете, просматривая раз за разом свои старые конспекты по теории завоевания государств и народов в надежде найти там хоть что-то, что разрешило бы все его сомнения. Но в этих конспектах были одни лишь хитроумные математические формулы по вычислению затрат, требуемых для того или иного завоевательного похода. Подсчитав как-то среднюю сумму затрат, необходимую для завоевания самого маленького государства Гороху сразу же стало дурно. Сумма получилась просто астрономическая.

1.9.2.

И не известно, чем бы все это закончилось, но тут события вышли из-под Гороховского контроля и стали развиваться сами по себе, в независимости от царской воли.

Сначала в буфет с диким шумом влетела жирная, иссиня-черная ворона. Сделав несколько кругов под самым потолком, птица не нашла ни чего лучше, как усесться самым наглым образом царю на плечо. Горох продолжал невозмутимо пить свой кофе – он любил птиц и животных. Внимательно поглядев на царя, ворона прокаркала, как бы между прочим:

– *Бывает и хуже...*

Вслед за вороной в проеме двери появился подозрительный тип в большой клетчатой кепке и с кинокамерой на плече. Глядя в глазок видоискателя, незнакомец принялся самым бесцеремонным способом снимать на пленку пьющего кофе царя, залезая при этом объективом чуть ли ему не в чашку.

– Отлично! Прекрасно!, нахваливал сам себя незнакомец, после каждого отснятого им кадра. (Незнакомец, как выяснилось впоследствии, немного заикался, когда волновался). Впрочем, это заикание, никоим образом не помешало ему запечатлеть на пленку помимо невозмутимого Гороха, еще и Яшку, убиравшего в это время грязную посуду со стола, а также весь интерьер буфета в целом.

– Потомки будут довольны, заметил, как бы между прочим, незнакомец. – Ваши лица навеки останутся на пленке. И все это благодаря мне.

– Насколько я понимаю, Вы желаете записаться в наши ряды, флегматично заметил царь, продолжая, как ни в чем не бывало, попивать свой кофе.

– Ни в коем случае, ни куда я не желаю записываться. Я сам вас всех запишу, в смысле засниму, пояснил незнакомец. – Точнее уже заснял. Осталось подождать немного, пока вас всех поубивают, тогда этим кадрам – цены не будет.

– Да ты кто такой будешь? – фыркнул Горох, возмущен-

ный не столько бесцеремонным вторжением незнакомца в его частную жизнь, сколько тем фактом, что одет был этот самый незнакомец в точно такой же клетчатый пиджак, какой был сейчас на нем самом. Кто бы мог подумать, что такая вот мелочь, сможет вывести царя из прострации, в которой он находился все последнее время. Царь не любил быть похожим на кого-либо ни в поступках, ни тем более в одежде. Он считал себя единственным и неповторимым. Да и пиджаков у него теперь было более чем предостаточно – помимо полувоенного френча, убранного до поры до времени в саквояж, у царя имелось еще как минимум три пиджака. Один простой, классический – черного цвета, другой серый в крапинку, ну а третий был в клеточку, точь в точь такой же, какой был сейчас на незнакомце. И угораздило же царя надеть сегодня именно этот пиджак. А сменить пиджак, не привлекая при этом внимания окружающих, не представлялась пока возможным.

– Я Фффакс, всемирно известный, в будущем, режиссер, представился незнакомец, не переставая при этом снимать царя и его ближайшее окружение. – В моем лице сслились две известнейшие и сстарейшие фамилии – Фффакт и Фффарс. Мое призвание – показывать людям самые обыденные вещи с той сстороны, с которой ни кто и не удосуживается на них ппосмотреть. Причем делаю я это ссовершенно бббескорыстно, из любви так сказать к искусству. Пппри этом я всегда говорю ппправду, только ппправду, и ничего

кроме ппправды. За что и ссстрадаю, – слушать ппправду о себе ни кто почему-то не хочет. Но ннничего, я им всем еще пппокажу... , погрозил кулаком куда-то вдаль незнакомец, – я им ппокажу... как надо снимать настоящее кккино. Ббблагодаря мне вашу мученическую смерть увидит весь мир.

– Вообще-то мы умирать не собираемся, буркнул себе под нос Горох, все еще занятый размышлениями о незаметной смене пиджака.

– Пппрекрасно ссказано!, воскликнул незнакомец. – Тт-так и ннназовем первую серию – «Нни кто нне хотел уумираться».

А фильм ннназовем... ээээ... нужно что-то короткое, как ваша жизнь, но всеобъемлемоющее, пппридумал – «Хххроника хоронения хххроников»...

«Фильм это хорошо, задумался Горох, в сильном волнении потирая подбородок. Фильм это и слава, и деньги, и... Вот только, придурок этот со своим пиджаком мне не нравится, хоть – убей».

– Вы, что оообиделись, что ли? – удивился Факс, словно бы угадав мысли царя. – Ну, вввот, так вввсегда. А я ведь правду ссказал. Я всегда говорю ппправду, правду, и ничего кроме ппправд...

1.9.3.

Но договорить он не успел, в это время со стороны главных вокзальных ворот послышались какие-то странные, отвратительно-мерзкие звуки. Царь, воспользовавшись благо-

приятным моментом, поспешил на платформу, узнать, что там стряслось.

Вскоре выяснилось, что весь этот шум издавала огромная толстая свинья высотой с человеческий рост. Завоевателям ни когда прежде не доводилось видеть такую огромную свинью. Верхом на этой свинье сидел юный отпрыск лет семнадцати отроду, в потертой кожаной куртке и темных солнцезащитных очках. Голову юнца украшал гребень давно невымытых волос, ярко фиолетового цвета. Посредством больших фирменных наушников, юнец слушал музыку, пуская при этом сигаретный дым прямо в свиное рыло. Свинье явно не нравилось такое к ней свинское отношение, и свое недовольство она выражала оглушительным визгом. Эти звуки и привлекли внимание Гороха и его сподвижников. Юнец meanwhile продолжал доводить свинью до бешенства, не обращая ровным счетом ни какого внимания на собравшуюся вокруг него толпу народа.

Рядом со свиньей шел маленький пожилой человек в сером, сильно поношенном костюме. На него ни кто не обратил бы особого внимания, если бы не поводок, который этот человек держал в своих маленьких, ни чем, ни примечательных ручонках. Посредством этого поводка маленький человек и огромная свинья были воедино связаны между собой.

Факс, включив камеру, принялся снимать с разных ракурсов эту странную пару. Точнее тройку.

– Смотрите, кто-то подложил им свинью, сострил Градус.

– Причем весьма большую свинью, с усмешкой добавил Горох. – Где ты откопал такое сокровище, приятель, поинтересовался он у пожилого господина.

– Когда-то, много лет тому назад, грустно заметил господин в потертом костюме, – мне его подарила жена. Тогда это был маленький розовый комочек. И я по наивности думал, что он всегда таким и останется, нежным и нуждающимся во мне. Но прошло время, и от того малыша не осталось ровным счетом ни чего. Вот и мучаюсь теперь с ним, а бросить жалко, все-таки живое существо.

– Людей бы кто пожалел, процедил, сквозь зубы Градус.

– Вы сейчас кого имели в виду? – не понял пожилой господин.

– А Вы... Вы сами, кто собственно такой будете?

В процессе дальнейших расспросов выяснилось, что это был ни кто иной, как доцент Шампиньон со своим сынком – Батоном, дальние и, по всей видимости, не слишком любимые родственники маленького начальника из мери. Тот сдержал свою угрозу, и прислал их Гороху – в счет оплаты за выданную им лицензию.

– Так, это что же получается, ужаснулся Горох, – выходит это не им, выходит, что это нам свинью подложили...

– Да еще какую, подтвердил Градус и с досады сплюнул на пол. – Может, вернем их обратно, предложил он шепотом Гороху. – Пока не поздно...

– Боюсь, что уже поздно, задумчиво произнес Горох, после чего обратился непосредственно к Шампиньону:

– Ну, рассказывайте, как вы докатились до такой жизни? Тот смутился, и еле слышно прошептал в свое оправдание:

– Вчера мой сын сказал, что я ни кто. И ни чего для него не значу.

– Кто ж в этом виноват, усмехнулся Горох. – А от нас то, что вам нужно?

– Я прошу Вас, Ваше Величество, все также еле слышно прошептал Шампиньон, – сделайте из моего сына человека.

– С какой это стати мне заниматься вашими проблемами, фыркнул Горох, – у меня своих забот хватает. Это для Вас он сын, а для меня он – наглая и тупая скотина. Да и Вы ни чем не лучше его, а может быть даже и хуже. Это ведь Вы, и ни кто иной, довели его до такого состояния.

– Неужели, ужаснулся доцент, – неужели ни чего уже нельзя исправить?

– Мы могли бы взять его с собой, только учтите – обратно мы не вернемся.

– Ну, что ж, вздохнул Шампиньон, – может так и впрямь будет лучше.

– Лучше! – еще пуще разозлился царь, – да что ты знаешь о лучшем? Ты, загубивший у ребенка душу, теперь готов отдать на растерзание и его тело.

– Впрочем, добавил царь, несколько остывая, – какое мне дело до вас обоих...

Взглянув еще раз на юнца, что-то там бубнившего себе под нос, в то время как решалась его судьба, Горох как-то весь поник и добавил:

– Не могу... – Без экзаменов не могу... принять... – Ответьте для начала на три простых вопроса. Вопрос первый, не слишком сложный.... Какое вино предпочитаете Вы в это время суток? Шампиньон удивленно посмотрел в глаза царю, ища в его словах скрытый подвох.

– Ну ладно, не унимался Горох, – спрошу чего-нибудь полегче... – Сколько звезд на небе? Почему вода мокрая? Отчего люди не летают как птицы? И видя, что Шампиньон ни чего не может сказать в ответ, царь заметил с усмешкой:

– Да, в теории вы не сильны, но может быть в бою проявите себя вы... – В сраженье на мечах. Но, что я вижу, – где Ваш меч? Или посмели Вы сюда явиться ко мне один – и без оружия? Идите – прочь, вон с глаз моих долой, заорал на весь перрон, разгневанный царь.

Доцент с сыном, и их гигантская свинья попятились в испуге к выходу.

Так они бы и ушли, канув в лету, и никогда бы мы больше не услышали о них, если бы не Градус. Догнав эту троицу уже у самого выхода, он схватил Шампиньона под руку, и доверительно зашептал:

– Не расстраивайтесь Вы так, первый блин всегда как говорится – комом. Я чувствую, что мы с вами сработаемся. Горох – он такой, быстро вспыхивает, но быстро и отходит.

Вы сейчас, – идите, приведите себя в порядок, подготовьтесь, как следует, а после попробуйте показаться ему еще раз. Вот увидите – все у Вас получится, нужно только очень этого захотеть.

Доцент на это ни чего не ответил, только тяжело вздохнул и... отвернулся.

Тогда схватив доцента за лацканы пиджака, Градус встряхнул изо всех сил его и просипел:

– Ну, и хрен с тобой! С тобой, и твоими свиньями.

И раздосадованный Градус вернулся на перрон. На немой вопрос царя он брезгливо махнул рукой.

Глава 10. Долгие встречи – короткие проводы.

1.10.1.

А в это время, Шампиньон, сняв со своих штанов ремень, обратил свой взор на сына:

– Ну, что сынок, пришло время поговорить по душам! Смачно высморкавшись прямо на землю, он продолжил, как ни в чем не бывало:

– У меня для тебя две новости – одна хорошая, а другая не очень... – С какой начать?

– Начни – с хорошей...

– Сейчас я буду делать из тебя человека...

– И это ты считаешь хорошей новостью, усмехнулся его неразумный сынок, – какая же тогда плохая новость?

– Нам обоим будет больно...

1.10.2.

Не прошло и пяти минут после этого разговора, как в при вокзальные ворота гордо въехал Шампиньон верхом на известной уже нам огромной свинье. Серый помятый костюм был оставлен в прошлой жизни. Вместо него на доценте поверх белоснежной шелковой рубахи была одета темно-синяя кожаная безрукавка отороченная золотыми нитями. На плече Шампиньон держал огромный двуручный меч, старинной работы. Сзади к седлу были приторочены боевые рыцарские доспехи. Батон шел несколько позади отца, слегка прихрамывая от недавней порки. Внешний вид его тоже претерпел значительные изменения к лучшему. Юнец был вымыт и коротко острижен. Сигареты, цепи и наушники исчезли без следа.

Бесцеремонно расталкивая всех на своем пути, Шампиньон меж тем вплотную приблизился к Гороху.

– Готов ответить на твои вопросы, царь, заявил он царю, так и не соизволив при этом слезть со свиньи.

– На небе звезд – не меряно. И мерить их мне нет охоты. Вода, она и есть вода, – сухой не будет ни когда. Человек же не летает как птица, потому, что не достоин. Ну, а что, касается вина..., то я пью – всё... – Всё – что горит. При этих словах Шампиньон схватил висевший у него на поясе огромный турий рог, и принялся дудеть в него изо всей своей мочи. По вокзалу покатился душераздирающий рев.

– Вот так бы сразу и сказал, обрадовался Горох, радостно потирая при этом руки. – Я сразу понял, что Вы наш человек. Как только увидел Вас во второй раз. – А этим вот своим дудением, что Вы хотите сказать? На что Батон резонно заметил, что этим дудением его отец ни чего сказать не хочет, он просто хочет дудеть, и всё.

– Ну, тогда... – Добро пожаловать на войну, господа, поприветствовал новобранцев царь Горох.

– Пять миллионов золотых, – заявил Шампиньон, перестав, наконец, дудеть. – Каждому!

– За что? – опешил Горох.

– За смерть, пояснил барон. – Вы же нас на смерть ведете...

– Ну это еще не факт, смутился Горох.

Тут в дело вновь вмешался Градус. Схватив баронскую свинью под уздцы, он зашептал Шампиньону:

– Бесплатное питание и лечение за наш счет. И замок. Настоящий средневековый замок.

– Замок? – задумался Шампиньон. – Замок это хорошо, но мало... – Значит так – бесплатное питание, бесплатное лечение, замок... – И... и треть того, что добудем.

– Бесплатное питание, бесплатное лечение, замок, бесплатный памятник в случае трагического исхода, и... одну пятую часть того, что добудем, не сдавался Градус.

– Ну, ладно, согласился барон. – Только бесплатный памятник пусть будет нам в любом случае, а не только при тра-

гическом исходе. И они ударили по рукам.

Горох, узнав о результатах торгов, и опасаясь того, чтобы бароны не передумали, велел всем срочно грузиться по вагонам.

Цап Царапыч с Маргадоном заиграли прощальный марш, торжественные звуки которого, время от времени, заглушались призывными всхрипами Шампиньонского рога. Но, вот все заняли свои места согласно купленным (плацкартным) билетам и поезд тронулся. Факс при этом чуть было не остался на перроне, до последнего момента снимая удаляющийся вдаль паровоз с завоевателями. Потом, опомнившись, режиссер схватил камеру со штативом, и побежал вслед уходящему поезду. Его ручная ворона все это время кружилась над ним, тревожно каркая во все свое воронье горло. В конце концов, Факс все же сумел на бегу ухватиться за протянутую кем-то из солдат руку, и его всем миром втащили в последний вагон.

Книга вторая

Битва за Бугор.

Глава 1. Бугорландия. Платформа «1629км».

2.1.1.

Бугорландия оказалась настолько маленькой страной, что не имела даже собственного железнодорожного вокзала.

Вокзал бугорландцам заменяла маленькая железнодорожная платформа, значащаяся во всех железнодорожных справочниках под номером «1629 км». Поезда у этой платформы останавливались только по требованию пассажиров, т.е. крайне редко и неохотно. Но сейчас был как раз именно такой случай. По требованию царя Гороха и его спутников машинист скорого поезда притормозил у платформы «1629 км» ровно на минуту, именно столько времени разрешалось стоять железнодорожному составу у платформы такой категории.

Этого времени завоевателям едва хватило на то, чтобы выйти самим, а также выгрузить из багажного вагона пони, осла и тележку, доверху загруженную походными вещами. При такой ускоренной выгрузке в рядах завоевателей чувствовалась некоторая нервозность, или если говорить точнее – суматоха и неразбериха. Все только и делали, что бестолково бегали взад и вперед, не столько помогая, сколько мешая друг другу. Наконец поезд ушел, послав горе – завоевателям напоследок прощальный гудок, после чего все сразу же как-то быстро успокоились, и перевели дух.

И первое, что увидели завоеватели на бугорландской земле, был странный знак, висевший на фонарном столбе. Знак этот был в форме равностороннего треугольника красного цвета, внутри которого был нарисован череп со скрещенными под ним костями. Прямо под черепом большими буквами было написано грозное предупреждение – «Не влезай!

Убьет!»

Озадаченные таким недвусмысленным предупреждением завоеватели, молча, сгрудились возле этого знака, не зная, что им дальше делать в такой ситуации.

– *Салют*, неожиданно как гром среди ясного неба, раздался голос откуда-то снизу. При этом завоевателей больше всего удивило не смысл сказанного, а то обстоятельство, что этот неведомый голос исходил не сверху, как это обычно происходит в таких случаях, а откуда-то снизу.

Впрочем, все тут же прояснилось. Из-под платформы не спеша, вылез очень толстый кот черно-белой масти с дымящейся сигарой в зубах. Усевшись поудобнее перед опешившими солдатами, кот глубоко затянулся, и, выпустив в небо колечко сизого дыма, продолжил:

– *Знавал сего мужчину я. – Уродца звали, то ли Юрик, то ли Жмурик. Он сторожем на кладбище работал, раньше. Да вот, пропал... -Совсем.* Услыхав такое странное кошачье заявление, новоиспеченные завоеватели тут же принялись обсуждать, кто кем раньше был, и кто – кого знал.

Горох же, внимательно осмотрев со всех сторон невозмутимого кота, грозно спросил у того:

– А ты кто, собственно, такой будешь?

– *Эх, знать бы мне, кто я таков*, горько вздохнул кот. – *Быть может я – поэт, а может – неуч, свидетель, хищник, неудачник, в конце концов – прохожий...*

– Мне кажется ты – кот, хмуро заметил царь.

– А ты – глупец, не остался в долгу кот. – И не о чем с тобой мне говорить. Оглядев опешивших от такой наглости клоунов, кот добавил:

– Со всеми вами, кстати, тоже.

После чего, смачно сплюнув сигару на землю, кот растворился в ближайших кустах. Впрочем, уже через секунду его усмехающаяся кошачья морда высунулась из кустов, и заметила:

– Да, вот еще что – Вы микрофон включить забыли. Это замечание целиком и полностью относилось к Факсу, снимавшему на пленку всю эту сцену с говорящим котом. И впрямь, многоопытный Факс, в спешке, забыл включить микрофон в своей кинокамере, и вся заснятая им сцена с котом теряла теперь свой смысл.

– О боже, жалобно вскричал тут режиссер. – Гггосподин кот, ввернитесь. Ввернитесь, господин кккот. Давайте все еще раз пепереснимем. Все с сссамого ннначала – начнем с салюта ... им же и закончим....

Да только все это было напрасно, –кота уже и след про-
стыл.

Глава 2. Туристы с пушками не ходят.

2.2.1.

Если не считать странной встречи с котом, в целом все для завоевателей складывалось пока не плохо. Стояла теплая солнечная погода. На ясном, прозрачно – голубом небосво-

де не было ни облачка, ни тучки. Теплый местный ветерок ласково обдувал новоиспеченных завоевателей. Хотелось закрыть глаза, и забыть обо всех своих проблемах... Стоять так вечно, не думая больше ни о чем.

Но расслабляться завоевателям было ни как нельзя, они находились на территории чужой, наверняка враждебной им страны. С одной стороны платформу обступал густой сосновый лес, с другой же стороны простирались вдаль бескрайние холмы и поля. Только вот новоиспеченным завоевателям было сейчас не до любования местными красотами. Ни кто из них раньше не участвовал в завоевательных походах, и не знал, что нужно было делать в такой ситуации.

Да тут, еще царя Гороха вновь охватили смутные сомнения в правильности своих действий. Строго-настрога наказав всем с платформы пока не сходить и вести себя как можно тише, царь удалился на другой край платформы, где облокотившись на хлипкое ограждение, о чем-то сильно задумался.

Остальным его поданные расположившись поудобнее на рюкзаках и спальных мешках, принялись ожесточенно резаться в карты. За неимением денег играть приходилось на спички. Везло в основном Яшке – писарю, который во время игры думал вовсе не об игре как таковой, а о быстротечности его несчастной жизни. Что собственно не помешало ему еще до обеда выиграть целую упаковку спичек. После чего мысли писаря приняли другое, более практическое направление, а

именно, как ему лучше распорядиться своим выигрышем.

2.2.2.

Факс, в отличие от остальных, в карты не играл. Во-первых в карты ему ни когда не везло, а во-вторых играть его собственно ни кто и не пригласил. И как всегда бывало в таких случаях, режиссер обиделся, а обидевшись на всех, он всегда начинал думать о своем фильме. Фильм, который прославит его имя на весь мир. И тогда он все всем припомнит... – И этим солдафонам, что не желают с ним общаться... И тем козлам из киноакадемии, что отказались от его смелых идей и новаторских предложений в сфере киноискусства, и спровадили его в эту дурацкую экспедицию, – подальше с глаз долой. Он им всем припомнит...

Но для начала Факсу нужно было запечатлеть на пленке чего необычное. Снять то, что до него еще ни кто не снимал, и этим удивить весь мир.

Из технических средств у режиссера имелось для этого одно серьезное новшество – специально обученная ручная ворона. Эту птицу Факс купил по случаю на птичьем рынке. Вообще-то он хотел купить попугая, но попугаи стоили намного дороже, посему ему пришлось довольствоваться малым, – т.е. простой вороной. Которую он, после долгих раздумий и размышлений, назвал – «Наручницей» т.е. «научной ручной птицей». Ворона эта оказалась на редкость умным и смышленным созданием. Быстро сообразив, что ни кто

ее бесплатно кормить не будет, она тут же принялась со всем усердием помогать режиссеру в его нелегком кинематографическом труде, взвалив на себя всю тяжелую и неквалифицированную работу. Мало того, что она таскала на себе всю осветительную аппаратуру, микрофоны, штативы и бобины с киноплёнкой, так вдобавок ко всему, ей еще приходилось и за пивом для режиссера летать. Впрочем, иногда ей удавалось заниматься и творческой деятельностью. Время от времени, режиссер доверял ей озвучку некоторых сцен в своих фильмах. Особенно хорошо вороне удавались всевозможные скрипы, будь то скрип колеса или скрип несмазанных дверных петель.

Со временем режиссер стал доверять ей даже кинокамеру, когда нужно было запечатлеть какой-нибудь необычный кадр с высоты птичьего полета. А однажды, в фильме «Грачи прилетели», она на заднем плане сыграла даже роль грача – переростка.

В процессе совместного сосуществования с режиссером, ворона выучилась говорить одну фразу – «*Бывает и хуже...*», которой ей хватало на все случаи жизни.

Так, что с технической стороны проблем у Факса, как мы видим, не было. Проблемы были у него в другом, в частности – с написанием сценария фильма.

Просидев в глубоком раздумье пару часов, и ничего путного так и не придумав, Факс пришел к выводу, что не нужно ему ни чего придумывать, все и так придет к нему само

собой. Ему нужно будет лишь снимать на пленку все, что не попадая, точнее все, что попадетя под руку. Ну а потом, из отснятого материала, он и слепит уже все, что захочет. И успокоенный таким решением Факс благополучно уснул.

2.2.3.

Градус же все это время тоже не находил себе покоя. Сначала он долго бранил Гороха за его дурацкую нерешительность (не вслух, конечно же, а про себя), а потом и вовсе решил напиться, благо выпивки у него было предостаточно. В свое время, еще в супермаркете, он тайком ото всех наполнил двадцатилитровую канистру чистым 98-процентным медицинским спиртом. А чтобы солдаты ни чего не заподозрили, он тогда же написал на этой канистре – «Диоксидтринитрометилбутан». Это слово он сам выдумал, пока писал, и очень гордился этим. Так что выпивка у него была, с кем выпить тоже проблемы не было, но что-то все-таки мешало Градусу исполнить задуманное. Может быть, его нынешнее положение главного советника? За всю свою долгую и непростую жизнь он ни разу не видел, чтобы главные советники пили спирт из канистры с подчиненными, честно говоря, он и главных советников-то не видел ни разу. А может, Градус просто не захотел ронять себя в глазах окружающих? Как бы там ни было, канистра со спиртом пока оставалась нераспечатанной. И вот только Градус решил было махнуть на все рукой, и в первую очередь на самого себя, как из дальнего

угла платформы вернулся Горох, и быстро привел всех и все в порядок.

– Я не понял, удивился царь, – что тут за бардак? Объявляю всеобщее построение! Через пять минут всем быть в полной боевой готовности. Мы выступаем!

Услыхав такое недвусмысленное приказание своего главнокомандующего, солдаты, тут же побросав карты, засуетились, забегали в разные стороны, в поисках своего оружия и иного снаряжения ежесекундно сталкиваясь при этом и мешая друг другу.

Проснувшись от стоявшей вокруг него невообразимой толкотни и неразберихи Факс, первым делом придал своему лицу задумчиво-озадаченное выражение, всем своим видом показывая, что он и не спал вовсе, а просто лежал и думал с закрытыми глазами. Потом заметив, что все вокруг него усердно чем-то занимаются, и боясь, как бы и его ни привлекли к каким-нибудь тяжелым физическим работам, режиссер схватил кинокамеру и принялся с самым серьезным видом разбирать и чистить ее. Хотя она и без того была в полном порядке.

– Хорошие вещички, заметил он с видом знатока, разглядывая пакуемые солдатами вещи. – Жаль, только, что все это в скором времени будет разбито ядрами, залито кровью, и разодрано в клочья пушечной шрапнелью. Продать бы все это добро, пока не поздно, а то ведь даром пропадет...

Между тем завоеватели с грехом пополам, наконец, по-

строились на перроне в одну шеренгу. Оглядев войско, Градус недовольно покачал головой.

– В таком виде, Ваше Величество, мы далеко не уйдем. Да нас первый же патруль остановит.

– Ты думаешь? – всполошился царь. – И, что же делать?

– Нужно замаскироваться. Замаскироваться, так, что бы мама родная не признала в нас захватчиков и завоевателей. По крайней мере до того момента, покуда мы не захватим какой-нибудь город или на худой конец замок. И вот тогда-то мы и предстанем во всей своей красе.

– Ну, и под кого же ты предлагаешь нам замаскироваться? Под туристов?

– Туристы с пушками не ходят, Градус задумался... – Я предлагаю другой вариант, нам нужно переодеться в ... в клоунов.

– В кого? В клоунов? – удивился Горох. – Но почему именно в клоунов?

– Клоунов ни кто не боится, их и за людей-то не считают. У нас в обозе, если помните, как раз есть дюжина клоунских костюмов.

– И, что, смутился царь, – я тоже должен буду переодеться в этого... клоуна?

– История знает множество примеров, когда крупные политики начинали свою карьеру именно с клоунов. Нам всем нужно пройти через это.

– Ну, хорошо, сдался царь, – клоуны, – так клоуны. В кон-

це концов, они ни чем не хуже других. Приказываю – всем переодеться в этих... – Ну, в общем, – исполняйте

Нельзя сказать, чтобы такой приказ пришелся солдатам по душе, ведь клоунами быть они не нанимались. Однако, послушаться царя ни кто не посмел.

Сам Горох тоже облачился в ярко-красный клоунский костюм. Правда, поверх своего клоунского наряда он все же накинул черный шелковый плащ, чтобы хоть как-то отличаться от остальных своих подданных. И бондану не снял, – все таки лучше, чем шутовской колпак.

Режиссер от переодевания на отрез отказался, сославшись на журналистский нейтралитет.

Ученая ворона, увидав толпу клоунов так и обомлела от изумления, широко разинув клюв. Потом сглотнула слюну, и прокаркала:

– *«Бывает и хуже...»*

– Ну, вот, заметил со своей стороны царь, – так вы хоть немного стали на людей похожи. Будем носить эти костюмы до тех пор, покуда не добьемся, в этой жизни, хоть чего-нибудь стоящего. Всем всё ясно? Клоуны понуро кивнули.

– То-то... – Кстати... – А где бароны? – заметил царь отсутствие части своих подчиненных. – Не уж-то сбежали? И это после всего того, что я им тут наобещал?

– Немедленно найти, и вернуть на место!

Клоуны тут же разбежались в разные стороны в поисках пропавших баронов. Те, впрочем, как вскоре выяснилось,

ни куда и не думали убежать, а мирно спали себе под сиреневым кустом. И ни какое построение им было не указ. Керя, первым обнаруживший спящих баронов, разбудить их не решился. Осторожно развернувшись на носочках, чтобы ни одна веточка под ногами случайно не хрустнула, он побежал докладывать об этом царю. Царь, узнав о том, что бароны благополучно нашлись, будить их тоже не стал. Мало ли что может взбрести этим взбалмошным баронам спросонок, пусть уж лучше спят. Так и им спокойней, и царю. А пока, что прокашлявшись, Горох тихо прошептал:

Слушай Царский указ №1. «Всем подразделениям и родам войск как можно скрытней и незаметней вступить на землю предполагаемого противника, захватить близлежащий плацдарм и... – Пока все».

В ответ на это клоуны-завоеватели таким же тихим шепотом прокричали три раза «Ура», после чего осторожно вступили на Бугорландскую землю.

Глава 3. Знакомство с местностью.

2.3.1.

Вот уже добрых три часа продвигались завоеватели вглубь неведомой им страны. Возглавлял войско царь Горох верхом на маленьком пони. Следом за царем пешим строем шли все остальные, ведомые неунывающим Градусом. Замыкал же шествие осел, тащивший на себе походную тележку, доверху груженную всевозможным барахлом и продуктами. Сзади

к тележки, была прицеплена хоть не большая, но чертовски тяжелая пушка. Таким вот образом получилось, что вся тяжесть этого похода была возложена на бедную ослиную спину.

Еще на вокзале завоеватели выкрасили свою походную тележку в ярко-голубой цвет, а по бокам ее крупными буквами написали фирменное наименование своего спонсора – *Супермаркет «НИРВАННА»*. Эмблема спонсора была везде – на брезентовых палатках, на мешках с мукой и сахаром, на зубной пасте, даже удочки и те были с логотипом фирмы «НИРВАННА». Но завоевателей это ничуть не смущало, главное, что эти вещи они получили совершенно безвозмездно, т.е. даром.

Узкая песчаная тропинка, по которой все это время двигались клоуны-завоеватели, пролегла сквозь старый сосновый лес. Огромные сосны, при виде непрошенных гостей, казалось с какой-то немой укоризной, качали своими верхушками, и недовольно скрипели. Даже безобидные рыжие белки, перескакивая с ветки на ветку, сердито цокали сверху на завоевателей.

А завоеватели все шли и шли, не известно куда, и неизвестно за чем. Где-то далеко позади остался перрон за № «1629 км.» с мирно посапывающими под кустом сирени строптивыми баронами. Но не их отсутствие волновало сейчас царя. Бароны от него ни куда не денутся, ведь поезд, на котором они сюда приехали, давным-давно ушел, а следую-

щий же поезд, судя по всему, прибудет еще не скоро. Если вообще когда-нибудь прибудет. Волновало же сейчас царя совсем другое. Прошло уже довольно много времени с момента их похода, а они не встретили на своем пути еще ни одного местного аборигена. Не то, чтобы это обстоятельство очень уж сильно огорчало царя, но все же слегка настораживало. Он не любил каких либо неясностей или недоговоренностей и предпочитал видеть врага перед собой, чем не видеть его вовсе.

Между тем тропинка, по которой шли все это время завоеватели, и не думала заканчиваться, убегая все дальше и дальше вглубь леса. Такое поведение незнакомой тропинки также не нравилось царю. Если говорить честно, он уже порядком устал и от дороги и ото всей этой неопределенности, висевшей в воздухе.

«На сегодня мы прошли вполне достаточно», решил Горох, в очередной раз, сверившись со своим конспектом по завоевательскому делу, и велел делать привал. Тем более что и день уже подходил к концу, начало смеркаться. Место для отдыха особо искать не стали, разбив лагерь прямо на обочине тропинки. Утомленные завоеватели из последних сил поставили палатки, и насобирали немного сухого валежника для костра. Но вот, наконец, все приготовления были закончены, костер разожжен, и выставлены часовые. Точнее из-за малочисленности войска был выставлен лишь один часовой, основной обязанностью которого было поддерживать огонь

в костре и одновременно с этим следить за возможным приближением неприятеля.

За всеми этими приготовлениями незаметно стемнело. Первый ужин завоевателей в чужой стране получился весьма скромным. Копченая грудинка, печенье, пиво, да рыбные консервы, вот и все, чем смогли побаловать себя в тот вечер завоеватели. Даже простого хлеба у них не было, т.к. в свое время ни кто не позаботился взять его с собой. А местный магазин они еще не встретили. Впрочем, отсутствие хлеба было единственным недостатком этого вечера.

В непростую ситуацию попал режиссер, который формально не являлся завоевателем, и, следовательно, не мог претендовать на солдатский паек. И хоть деньги на еду у него имелись, да только вот купить на них здесь в лесу он ни чего не мог. Поэтому ему ни чего не оставалось, как сидеть сейчас в сторонке, всем своим видом показывая, что он чем-то сильно занят и ему пока не до ужина.

– Накормите кинокамеру, пожалел режиссера царь Горох, – он нам еще может пригодиться.

– Как же пригодится, проворчал Хомяк, выдавая бедолаге режиссеру пачку печенья и банку рыбных консервов. – Как в клоунов передеваться – так у него видишь ли – нейтралитет, а как жрать – так тут как тут.

Не смотря на такое пренебрежительное отношение к своей персоне Факс, тем не менее, от предложенной ему еды благоразумно отказываться не стал, и тут же с жадностью на-

бросился на пищу. Несколько кусочков печенья перепало и вороне, которая философски прокаркала при этом:

– *Бывает и хуже...*

2.3.2.

Первая ночь в чужой стране запомнилась завоевателям тревожным ожиданием чего-то необычного. Впрочем, как это ни странно, ни чего необычного в эту ночь не произошло. Все было тихо и спокойно. Только филин время от времени ухал где-то вдалеке, ароматно пахло пряной травой, да изредка потрескивали дрова в костре. На темном небосводе сияла полная красавица луна.

И пока рядовые участники этого похода мирно спали в своих палатках, в царском шатре проходило особо важное тайное совещание. В совещании принимали участие помимо самого царя еще его первый советник Градус, а также бароны, наконец-то проснувшиеся и догнавшие основное войско как раз к самому ужину. Факса на это тайное совещание благоразумно не пригласили, боясь огласки. Так, что тому ни чего не оставалось, как банально подслушивать, притаившись за тонкой стенкой шатра. Единственное, что утешало режиссера в этой ситуации, так это, что не было дождя. Больше всего на свете Факс не любил подслушивать всяческие секреты во время дождя или в сильный мороз. Он любил работать в комфортных условиях.

Но вернемся непосредственно к тайному совещанию. Первым делом царь Горох, поздравил всех присутствующих

с началом активных военных действий.

– Главное – сделано, сказал царь, – мы переступили черту. В смысле – перешли границу. Теперь дело за малым – закрепиться на завоеванных позициях. И расширить их.

После чего Горох предложил каждому из присутствующих высказаться по этому поводу. Градус, который не прочь был бы сейчас поспать, как все рядовые солдаты, а не заниматься пустой, как он думал, болтологией на ночь глядя, смачно зевнул, после чего предложил организовать по такому случаю маленький банкетик. Не дав советнику договорить, со своего места вскочил барон Шампиньон, и закричал, что – «маленьким банкетиком тут ни как не обойтись, что это дело не простое, а особенное, и отмечать его следует тоже по особому, с размахом». На что Горох заметил, нахмурившись, что – «сейчас еще не время. Сначала нужно дело сделать, а погулять они всегда успеют». Зевнув в очередной раз, Градус заметил, что «нужно гулять пока есть такая возможность, и пока ни кого из местных нет поблизости».

Но Горох остался непреклонен, – банкет будет проведен лишь по окончании военной операции. А сейчас все свои силы следует направить на ознакомление с объектом завоевания. Градусу ни чего не оставалось, как достать свой ставший уже знаменитым потрепанный атлас и, открыв нужную страницу, зачитать вслух статью касающуюся Бугорландии.

– *«Бугорландия – очень маленькая страна с тихим, миролюбивым населением. Летом в ней не жарко, зимой не хо-*

лодно. Правит страной король Виргеум, который женат на Кисе де Муре, представительнице древне... древнего рода».

– Любят эти короли б... блин, женится на представительницах древне... го рода, усмехнулся Градус. – Как будто других б... барышень нет. Ну да ладно, бог с ними, со всеми...

– Читаю дальше:

– «У королевской четы имеются две дочери – погодки, старшую зовут Шиповничком (названную так в честь дальнего родственника – фон Дорна), а младшую – Лисичкой (названную так в честь еще более дальних восточных родственников)».

– Ну, это не интересно.... И Градус быстро пролистал несколько страниц. – А, вот: «Из водных объектов в стране имеется – речка Кляча, названная так вследствие своего крайне медлительного течения, озеро Водянистое и несколько крупных луз, пересыхающих к середине лета, и вновь наполняющиеся водой в осеннюю и особенно в весеннюю распутицу». Пролистав еще несколько страниц, Градус продолжил:

– «На юге страны находится маленькая (не больше детской песочницы) пустыня Соляра, охраняемая государством. ¼ часть Бугорландии занимают дремучие леса, в которых когда – то водились волки, медведи, кабаны, олени и лоси. Сейчас же из местной фауны остался лишь один плешивый леший. Однако туристам на его счет не стоит особо обольщаться, поскольку этого самого лешего давным –

давно занесли уже в «красную книгу». И с тех пор как его туда занесли, большие оттуда он уже не выходит, как бы его не просили.

Взамен лешего туристам предлагается осмотреть развалины старинного замка, вулкан неизвестного происхождения, и главную местную достопримечательность – личный огород короля Виргеума». Дальше на нескольких страницах шло описание устройства королевского огорода и всевозможных растений произрастающих в нем.

Градус быстренько пролистал и эти страницы, не читая.

– Вот это уже интересно, радостно воскликнул он минутой спустя. – У них тут, оказывается, есть всемирно известная грязелечебница, которую любят посещать коронованные особы перед своей коронацией. Чтобы исполнить древний как мир ритуал – попасть из грязи прямо в князи.

– Нам здесь только грязи еще не хватало, поморщился Горух. – Нельзя, что ли обойтись без всего этого. Градус ни чего на это не ответил, молча пролистав еще несколько страниц.

– В стране имеется три населенных пункта – замки Трунштейн (столица королевства), Ойленберг, Катцебург, а также пережиток темного прошлого и сейчас почти недействующая – Бугорландская тюрьма.

– Что значит – почти не действующая? – не поняли завоеватели. – Тюрьма либо действует, либо нет.

– Я читаю только то, что здесь написано, пробормотал

Градус. – Сами скоро все увидим... – Тьфу, тьфу, поплевал через левое плечо суеверный Градус, – не дай бог, конечно.

– Дайте-ка мне книжку, отобрал царь с недовольным видом атлас у Градуса. – Не умеете Вы читать техническую документацию, проворчал он себе под нос, не спеша перелистывая страницы. – Все Вас на чернуху какую-то тянет.

– *«Местное население очень приветливое и миролюбивое»*, прочитал царь вслух через какое-то время. – *«Главное занятие бугорландцев – садоводство и огородничество, хорошо развита также кулинарная и особенно рыбная промышленность»*.

– Вот как надо читать, удовлетворенно заметил царь, продолжая перелистывать страницы.

«Опасных для жизни животных в стране не обнаружено», что тоже не плохо, прокомментировал он следующий абзац книги. – *«Последнего людоеда видели триста лет тому назад. Тогда же его отловили и попытались перевоспитать в вегетарианца. После этого он долго не прожил, и благополучно скончался прямо у себя на огороде. Кровожадные драконы и те предпочитают облетать эту страну стороной, в виду малочисленности, а самое главное малокалорийности местного населения. По этой же причине страну обходят стороной и великаны»*.

– И это тоже хорошо, радостно заметил царь. – Зачем нам великаны, нам великаны не нужны, с местными аборигенами бы разобраться. Продолжайте в том же духе, сказал царь,

вручая атлас обратно Градусу.

– ВНИМАНИЕ!!! – прочитал Градус предупреждение, написанное большими буквами в самом конце статьи. – БУГОРЛАНДЦЫ, ПРИ ВСЕЙ СВОЕЙ КАЖЕЙСЯ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НАИВНОСТИ И ПРОСТОДУШИИ, ВСЬМА СВОЕОБРАЗНЫЕ ЖИТЕЛИ. ПОНЯТЬ ИХ МОЖЕТ НЕ КАЖДЫЙ. БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ И ОСМОТРИТЕЛЬНЫ.

– Подумаешь, фыркнул на это Шампиньон, – мы и сами не лыком шиты. Нас на мякине не проведешь. Нас – баронов одними голыми словами не запугаешь, разошелся не на шутку барон. – Учись, сынок, заметил он при этом Батону, – как должен вести себя настоящий барон в трудных житейских обстоятельствах. Настоящий барон должен быть вспыльчив и необуздан, и идти напролом к своей цели, не смотря ни на какие преграды. Тем более что цель в нашем деле не так уж и важна, главное сам – процесс. И, посмотрев на недоуменное лицо своего отпрыска, старый барон добавил:

– Сейчас не понял – потом поймешь, главное – не забывай.

– Вот именно, встрял в разговор Горох, – не забывайте, зачем мы все здесь собрались.

– Да разве важно зачем, не унимался Шампиньон, – главное, что сейчас мы все вместе, и нам хорошо. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, просипел он, жутко перевирая, при этом мотив.

– Глядя на Вас, господин барон, укоризненно заметил

царь. – Мне с трудом верится, что в прошлой жизни Вы были доцентом.

– Мне самому, Ваше Величество, иной раз в это верится с трудом, честно признался Шампиньон, и радостно заржал. – Тем не менее – все это было! Было – но прошло. И не стоит сейчас ворошить прошлое. Каким бы оно ни было. Вон Градус тоже, между прочим ...

– Ну, ладно, ладно, перебил барона царь, – не будем о грустном. Мы здесь не для этого собрались. Ваша книга, Градус, вещь хорошая, но для нас совершенно бесполезная. Написали про Бугорландию всякую ерунду в рекламных целях, а самое важное – упустили. Здесь же нет ни строчки о том, сколько у аборигенов полков пехоты, эскадронов кавалерии, где расположены склады ГСМ, какова численность гарнизонов в местных замках, калибр их главной артиллерии, и... и где, в конце концов, у них базируется флот?

И все участники этого тайного совещания вынуждены были признать, что ответов на все эти вопросы в этой книге нет. В поисках ответа они заглянули даже на последнюю страницу, но и там ответа не оказалось. В конце концов, после долгих и безрезультатных обсуждений, завоеватели решили идти строго на север, по пути завоевывая все, что попадетсЯ им под руку. На том и порешили.

Глава 4. Первая встреча, или иногда они возвращаются.

2.4.1.

Из-за бессонной ночи, проведенной накануне на совещании, двинуться в путь завоеватели смогли не раньше двенадцати часов пополудни. Царь Горох резко поменял свои планы, решив не вставать, как планировалось ранее, в пять часов утра, а поспать еще чуток, набравшись как следует сил для дальнейшей борьбы.

Проснувшись же, и плотно позавтракав Горох повел свое войско, как и было решено, прямо на север. Только вот где находится этот самый север, ни кто из завоевателей толком не знал и, после небольшой перебранки, горе – вояки пошли на северо-запад, наивно полагая при этом, что именно там и должен находиться север.

И пошли они на этот север, напрямик, сквозь кусты и дикий лес. Сделано это было в основном для того, чтобы запутать, и сбить со следа предполагаемого противника. А если удастся, то заодно и ошеломить его внезапностью нападения. Боевой порядок завоевателей при этом несколько изменился. Теперь впереди всех гордо шел барон Шампиньон с огромным двуручным мечом на плече, всем своим видом выказывая презрение к любым опасностям. За ним следовал Батон, ведя на поводке свинью, груженную нехитрым баронским скарбом. (Бароны решили побережь свинью для активных боевых действий, и сейчас ее особо сильно старались не эксплуатировать.)

Батон с нескрываемым интересом наблюдал за действия-

ми своего отца. С тех пор, как они поменялись местами, отец сильно возвысился в его в глазах.

Следом за баронами шел Керя, неся на плече свернутое боевое знамя Горохляндии. За Керей ехал Горох, верхом на пони, за ним шли все остальные. Последним не спеша брел бедняга ослик, таща за собой доверху нагруженную тележку с провиантом. На тележке сидел Хомяк и что-то жевал. После того, как он приступил к своим непосредственным обязанностям – приготовлению пищи, его статус среди солдат заметно повысился. И он стал позволять себе всякие небольшие вольности, например, не шел как все пешком, а ехал на обозной телеге. Под тем предлогом, что ему якобы нужно было присматривать за продуктами.

Настроение у всех было самое что ни на есть преотличное. Они только, что сытно позавтракали, погода стояла солнечная, да и само завоевание оказалось не таким уж и страшным делом. Знай иди себе да иди, только от своих не отставай. Так они и шли, ни кого не встречая на своем пути.

Часа через два такой неспешной ходьбы Горох, глядя на окружавший его со всех сторон дикий лес, заволновался, – а не заблудились ли они? В прошлом такие конфузы с завоевателями случались довольно часто. А ведь географичка всегда его предупреждала, когда тот прогуливал лекции, что добром эти прогулы для него не кончатся. «Накаркала, старая карга, мысленно отругал преподавательницу Горох. – Учить надо было лучше».

Но вот завоеватели выбрались, наконец, к реке, пологий берег которого весь зарос камышом. Горох с грустью вспомнил, как в детстве он часто путал название этого растения, и называл его не камыш, а шашлык.

Местная речка и впрямь оказалась настолько медлительной, что было не понятно, куда она течет, да и течет ли она вообще.

Тем не менее, переплываться на другую сторону не зная брода, завоеватели не рискнули, и пошли вдоль берега, в надежде найти какой-нибудь мостик или хотя бы лодку для переправы на другую сторону. Вскоре завоеватели заметили шаткие мостки, по которым, осторожно ступая, и переправились на другой берег.

2.4.2.

И уже на том берегу, завоеватели встретили первых аборигенов, причем, весьма милых и симпатичных. Ими оказались две девушки, лет семнадцати-восемнадцати от роду, которые собирали на прибрежном лугу фиалки. Одна из этих девушек, (та, что постарше), была русоволосой и довольно высокого роста. Другая же, наоборот, была маленькой брюнеткой с короткой стрижкой. Ее чуть раскосые глаза говорили о восточных корнях в ее родословной.

Внезапно при ясном солнце и безветренной погоде, вдруг громко грянул гром, и с небес на землю хлынул проливной дождь. Девушки с шумом и визгом укрылись под широкой

кроной старого раскидистого дуба.

Горох же, не обращая ни какого внимания на возникшие неблагоприятные погодные условия, вдруг спешился и вплотную подошел к русоволосой. Заглянув в ее серые глаза, он молвил:

– Вы не поверите, как долго ждал я этой минуты. В моей жизни было многое... – Были взлеты и падения, были радости и были огорчения, причем падений было намного больше, чем взлетов, но... – Но что бы ни случилось со мной, я всегда знал, что мы встретимся. Обязательно встретимся. Иначе, не стоило бы жить. И вот настал он этот час..., а мне почему – то грустно...

Вскочив, при этих словах, на своего коня, то бишь на пони, царь резким движением узды развернул его, и галопом помчался по полю прочь, сквозь дождь и солнце. Завоеватели, молча, последовали вслед за ним (пешком).

2.4.3.

Проходя мимо опешивших девушек, весь промокший до нитки Батон, озорно подмигнув, крикнул черноволосой:

– Привет девчонки, – мы еще вернемся!

– Странные люди эти иностранцы, заметила русоволосая девица своей подруге, глядя вслед удаляющемуся войску. – Иногда их так трудно бывает понять.

– Эти иностранцы, съязвила младшая, – иной раз так похожи на клоунов. И вообще, делать мне больше нечего, как

думать о каких-то там... туристах. Но, тем не менее, и она искоса посмотрела вслед удаляющемуся войску.

– Кто знает, может они и впрямь, когда-нибудь, вернуться, грустно вздохнула старшая.

2.4.4.

А дождь все лил и лил, не переставая, словно бы желая излить весь свой месячный запас именно сегодня. А тут еще, как назло, пушечное колесо попало в какую-то колдобину, и ни как не хотело из нее вылезать. Несколько клоунов, навалившись всем телом на пушечный лафет, попытались было вытащить колесо из колдобины, только это им не удалось. Лишь вывозились все в грязи с ног до головы. Тогда к ним на помощь поспешили остальные. Столпившись гурьбой возле маленькой пушки, клоуны принялись изо всех сил толкаться и брыкаться между собой, больше мешая при этом друг другу, чем помогая. В это время из общей толпы выделился один тип в кепке с кинокамерой в руках. Накрыв камеру плащом, он принялся бегать вокруг пушки, снимая на пленку все происходящее. После того, как вся эта возня клоунов в грязи была запечатлена со всех сторон на пленку, тип огляделся по сторонам, в поисках новых кадров. Заметив промокших с ног до головы девчушек, он вприпрыжку побежал к ним.

– М... можно мммне вас сснять ... для истории, обратился он к ним с несколько необычной просьбой. Обычно в

таких делах Факс особо не церемонился, и разрешений ни каких не спрашивал, но сейчас ему просто захотелось поболтать с симпатичными девчонками.

– Нахал, фыркнула брюнетка, незаметно поправляя при этом свою прическу. – Идите вон других снимайте, а мы не такие...

И девчонки, засмеявшись, побежали прочь от Факса прямо под непрекращающимися проливными струями дождя.

– Кккуда же вы? – крикнул им вдогонку горе-режиссер. – Ддавайте хотя бы ппросто поговорим.

– Мы с незнакомыми мужчинами не разговариваем, крикнула старшая, на бегу. – Тем более с туристами.

– Да какие мы ттуристы, буркнул с досады режиссер. – Впрочем, если пподумать, все мы в этом мире в какой-то мере ттуристы, философски заметил он, наводя объектив своей кинокамеры на удаляющихся девчушек. И только после того, как те скрылись из виду, режиссер нехотя выключил аппаратуру. Тут и дождь закончился.

– Славно я сегодня ппоработал, остался доволен собой режиссер. – День прожит не ззря. Аккуратно вытащив кассету из киноаппарата, он написал на ней красным фломастером – «Осторожно! Лик врага», после чего отправил эту пленку куда следует.

2.4.5.

Неизвестно сколько еще времени болтались бы завоева-

тели неизвестно где, в поисках неизвестно чего, но тут им неожиданно повезло. Они наткнулись на еще одного аборигена. На этот раз это оказался вполне приличный с виду абориген – пожилого, можно даже сказать старческого возраста. На старичке был ярко – красный стеганный халат в обрамлении из золотых и серебряных звезд. Голову аборигена венчал длинный конусообразный колпак. Тоже со звездами. Незнакомец стоял прямо посреди поля и, не замечая ни кого и ни чего вокруг, увлеченно считал ворон. Поначалу завоеватели приняли было его за пугало, и даже хотели покидать в него немного камнями, но, подойдя поближе, поняли, что обожнались.

– Вот это ддда! – восхитился Факс, снимая на пленку необычного аборигена. – Какой прекрасный экземпляр, не то, что те две пигалицы безмозглые. Вы только посмотрите на эту вввосхитительную окраску, наверняка у него сейчас ббббращный период в самом рррразгаре.

– Тсс, еле слышно прошептал Горох, – не вспугните его раньше времени. Попробуем взять живьем. Он нам многое должен рассказать.

– Вы думаете, что он что-то ззнает? – засомневался Факс. – Вид у него не очень сссмышленный...

– Да заткнись же ты, цыкнул в сердцах Царь. После чего очень медленно, чтобы не дай бог не вспугнуть неосторожным движением колоритного аборигена, стал осторожно приближаться к старику. Только старик оказался «стре-

ляным воробьем», заметив приближающегося к нему царя, он вострепнулся, и стал искоса следить за всеми царскими передвижениями. Поняв, что застать врасплох аборигена не удалось, Горох пошел на хитрость.

– Скажите любезнейший, ласково обратился царь к пожилому аборигену. – Как нам пройти в... к... на... Горох задумался, не зная как закончить свой вопрос. Честно говоря, царь и сам не знал, куда ему собственно нужно было идти. Старик же, не дождавшись покуда его высочество соизволит закончить свою мысль, вдруг как заорет визгливым голосом на царя:

– Да идите вы все..., после чего, резко развернувшись, абориген в мгновение ока скрылся в близлежащем кустарнике, – только его и видели. При всем при этом, он так и не сказал, куда конкретно следовало было идти бедным завоевателям.

– Вспугнул скотина! – заорал, в свою очередь, взбешенный царь на режиссера. – Лезешь везде со своей камерой, куда не просят. Вот, поди, – найди теперь его в лесу.

– Нервный какой-то абориген пппопался, проворчал в ответ Факс, выключая кинокамеру. – Ну, ничего – найдем другого пппервого аборигена, более сссговорчивого.

Градус, наблюдавший всю эту сцену со стороны, тоже остался недоволен поведением местного жителя. «Если здесь все такие нервные, недовольно подумал он, – то мне такой страны и даром не нужно. Ушлепки мне и дома надо-

ели».

Глава 5. Первый блин комом.

2.5.1.

Обескураженные таким неласковым приемом горе – во-яки пошли, тем временем, дальше. Искать аборигенов, им впрочем, даже понравилось. Местные жители оказались совсем не страшными, и едва завидев клоунов, тут же старались убежать от них куда подальше. И теперь каждый из горе – вояк старался найти еще одного нестрашного аборигена. Это занятие чем-то напоминало им поиск грибов, только было еще интереснее и увлекательнее.

Но вот вдалеке, на самом краю горизонта, показались очертания древнего величественного замка. Такого древнего и такого величественного, что едва увидев его, завоеватели остановились, как вкопанные, пораженные открывшимся перед ними видом. Такие замки они видели до этого только на картинках в заграничных журналах. Гороху замок тоже понравился и он приказал войску готовиться к сражению.

И если клоунам приготовится к сражению оказалось плевым делом, они только перекурили, то с Баронами вышла маленькая заминка. Поскольку рыцарские доспехи у них были одни на двоих. Достались они Шампиньону от его дедушки Бульона, который получил их в свою очередь от своего дедушки Патиссона, а тот соответственно получил их от своего предка, фамилию которого Шампиньон уже и не помнил.

Этим латам было, наверное, лет пятьсот, из которых лет триста ими уж точно ни кто не пользовался по их прямому назначению. Один только раз за все это время дедушка Бульон одел их на свою свадьбу с бабушкой Марией- Маргаритой. Да еще сам Шампиньон надевал их как-то раз на школьный маскарад.

Батон давно уже присматривался к отцовским доспехам, всячески намекая тому, что, дескать, пора бы, давно пора бы уже передать их сыну, как того требует древняя традиция их рода. Но Шампиньон отдавать доспехи сыну не спешил, резонно полагая, что время для этого еще не настало. И лишь теперь, перед самым боем, первым боем в их жизни, Шампиньон разрешил, наконец, сыну облачиться в рыцарские доспехи.

– Этот заморыш, (так за глаза Шампиньон называл Факса) опять собирается, что-то снимать. Так, что, если будешь хорошо драться, может и в историю попадешь. Только не мни их сильно, строго – настрого наказал он сыну, – они мне еще самому пригодятся.

Заметив, что Батон при этих словах сразу же как-то сник, Шампиньон добавил, что если с ним (в смысле Шампиньоном), что-нибудь случится во время битвы, тогда он (Батон) может оставить доспехи себе насовсем. И видя, что такое уточнение ничуть не улучшило настроение Батона, Шампиньон весело добавил:

– Не стоит грустить, сын, в такой момент. Может быть, у

нас с тобой это последние минуты в этой жизни, так, давай проживем их весело и красиво.

Сам Шампиньон уже успел облачиться легкую стальную кольчугу, и сейчас размышлял над тем, какое оружие оставить себе, а что отдать сыну. После недолгих раздумий он вручил Батону двуручный и ужасно тяжелый фамильный меч Болинброк. Себе же барон оставил топор с широким лезвием для рубки мяса. Этот топор при определенных обстоятельствах, (таких как сейчас, например) вполне мог бы сойти за боевую секиру. На его рукоятке, Шампиньон нацарапал гвоздем свой родовой герб – обглоданный скелет рыбы. Герб этот означал, что от жизни бароны берут все, оставляя другим только кости. Таким вот образом, точнее сказать – таким вот гербом, бароны метили все свои личные вещи, начиная с оружия и кончая носовым платком, который был у баронов, как и доспехи – один на двоих.

Между тем остальные завоеватели, очень осторожно (во избежание несчастного случая) зарядили свои кремневые пистолеты и мушкеты самодельным порохом. Порох этот они заблаговременно добыли из китайских петард, а вместо пуль решили использовать косточки от вишен, по размеру как раз для этого подходившие. Пороху едва хватило на то, чтобы зарядить все мушкеты и пушку. Узнав, что пороха у них только на один залп, царь Горох несколько самонадеянно заявил, что больше им и не потребуется. Война будет быстрой и скоротечной, и возможно даже победоносной. Но

при этом он все же строго-настрого предупредил всех, чтобы из пушки ни кто не стрелял, до его особого на то указания. В общем, не прошло и часа, как всё было готово к бою.

2.5.2.

Войско свое Горох выстроил в две шеренги, как и пододбает по всем правилам военной науки. Причем если правый фланг его войска занимали гордые бароны (один – верхом на свинье, другой – пусть и пешком, зато в блестящих рыцарских доспехах), то на левом фланге разместились артиллерия и обоз. В центре же топталась в нетерпении пехота, во главе с Гран – Градусом. С это момента мы будем называть его только так, и ни как иначе. Он это заслужил.

– Хорошо стоим, удовлетворенно хмыкнул царь. – Вот как стоим, так и пойдем, перешел на шепот Горох. – Тихо- тихо пойдем, – попробуем застать неприятеля врасплох.

Таким вот макаром завоеватели и пошли на первый в своей жизни штурм средневекового замка. При этом они хоть и старались идти как можно тише, только ни чего из этого у них не получилось. Особенно много шуму было от баронов с их металлическими доспехами, созданными, казалось, специально для того, чтобы заранее предупредить неприятеля о своем появлении. Наконец, кое-как, и с горем – пополам, завоеватели добрались до ворот вражеской крепости.

Но тут их постигло первое разочарование. Огромные, окованные медными листами ворота крепости оказались закры-

тыми, и запертыми на замок. Вокруг стояла мертвая тишина. Удостоверившись, что ворота замка крепко накрепко закрыты, и открыть их снаружи нет ни какой возможности, завоеватели благоразумно отступили от стен замка на безопасное расстояние.

– Молодцы, похвалил невидимого противника Горох. – Эти парни свою службу знают. Их на мякине не проведешь. И врасплох не застанешь.

Поэтому Царь решил кардинально изменить свои тактические действия.

– Трубите в рог, господин барон, обратился он к Шампиньону, – хватит нам прятаться как школярам. Отныне мы всегда и везде будем идти напролом. Как это и положено настоящим завоевателям.

– Что-то мне не хочется сегодня дудеть, буркнул в ответ на это Шампиньон, изрядно уставший от всех этих шатаний туда и обратно. И барон протянул свой рог стоявшему рядом с ним Морозу:

– На-ка, потруби, маленько.

Мороз от такого предложения отказываться, конечно же, не стал, и с радостью загудел на всю округу. Завоеватели, которые к этому времени позволили себе немножко расслабиться, вновь выстроились в полный боевой порядок. На этот раз на построение у них ушло гораздо меньше времени, что-то около получаса.

Факс, в это время, без дела тоже не сидел. Для начала он

заснял крупным планом Мороза, гордо трубившего в боевой баронский рог. (Шампиньон в этот момент сильно пожалел о том, что отказался дудеть в эту чертову дудку. Попасть в какую-нибудь кинохронику была его давней тайной мечтой.) Оставалась еще возможность попасть в кадр во время съемки штурма замка, но и тут барону не повезло. Неожиданно для всех солнце зашло за тучи, и режиссер тут же выключил кинокамеру.

– Ссвета мало, с досадой заявил он, усаживаясь поудобнее в тени ракитового куста. – Со штурмом замка придется обождать, пока солнце вновь не выйдет.

Горох призадумался, ему было крайне важно, чтобы штурм замка был зафиксирован на киноплёнке. Для того чтобы в дальнейшем ни у кого не возникало даже тени сомнения, что замок был захвачен не по правилам. Но в то же время царь не мог позволить, чтобы штурм его первого замка проходил под диктовку какого-то там наглеца режиссера.

В конце концов, царь остановился на компромиссном варианте. Он решил штурм пока не начинать, а послать в осажденную крепость гонца с требованием о немедленной и безоговорочной капитуляции. Только быть гонцом ни кто не захотел. Незваных гонцов, как известно, могут запросто и повесить, если те приходят не вовремя или с дурной вестью.

– А ты, чего не идешь? – простодушно спросил Керя у Яшки-писаря. – Тебе все равно через месяц помирать.

– Вот через месяц и пойду, буркнул Яшка, и злобно дви-

нул Керю локтем.

2.5.3.

Видя, что добровольно ни кто гонцом быть не желает, царь Горох приказал тогда всем тянуть жребий на спичках. Слепой жребий выбрал Керю, вытянувшему короткую спичку. Делать было нечего, и Керя, хмыкая носом, отправился на первые в своей жизни официальные переговоры. Которые, впрочем, вполне могли стать для него и последними.

Подойдя вплотную к воротам замка, бедняжка парламентар замер в нерешительности. Очень уж ему не хотелось встречаться с незнакомыми и, наверняка, крайне разозленными аборигенами. Тут его внимание привлекла резная мраморная табличка, прибитая с правой стороны от ворот и не замеченная ранее завоевателями. На этой табличке золотыми готическими буквами было начертано всего одно только иностранное слово, – «Museumus». Внизу, под иностранным словом стояли цифры: 10-00 : 19-00.

– Смотри-ка, ты, удивился Керя. – Шифр какой-то! Но так как больше ни каких мыслей по этому поводу у него не возникло, он просто взял и еле слышно постучал.

Ему ни кто не ответил.

Тогда Керя постучал сильнее. Сердце его колотилось так сильно, что казалось вот – вот выскочит из груди.

Но ему опять не ответили.

Расхвabрившись, новоиспеченный парламентар принялся

изо всех сил тарабанить в закрытые ворота замка. Вдоволь наступавшись и напинавшись ногой в молчаливые ворота, Керя с чувством выполненного долга не спеша побрел к своим. На душе у него было легко и весело. Он сделал то, о чем не смел даже и мечтать, – и задание выполнил, и жив остался.

– Разрешите доложить, Ваш Велиство, звонко отчеканил новоиспеченный парламентар, стоя навтыяжку перед царем. – Там у них на стене слово одно не по-нашему написано. Только я забыл, как оно называется.

– Вам бы только похабные слова читать на заборах, отмахнулся Горох. – Докладывай, что там, в замке творится.

– В замке, Ваше Велиство, все тихо и спокойно.

– В каком смысле тихо? – не понял Горох.

– Тихо ... – И... и все.

– Ну, и, что они говорят?

– Кто?

– Конь в пальто – вот кто! Защитники замка, что говорят?

– Молчат, Ваше Величество, будто их и нет вовсе.

– Это у них хитрость такая военная, догадался царь. – Притаились, значит. Ну, ну...

Горох в очередной раз задумался, и помрачнел. Это была его первая военная компания, и он, честно говоря, не знал, как следует поступать в данной ситуации. Его верный помощник Гран-Градус, при всем своем большом жизненном опыте, был лицом, как известно, сугубо гражданским, и ничем помочь царю, в этом вопросе, не мог. Между тем, про-

тивник, вместо того, чтобы честно умереть на поле боя, проявил всю свойственную ему подлость и коварство, затаившись в хорошо защищенном замке. И пока было не ясно, каких действий от него следует ожидать в дальнейшем.

После долгих раздумий и размышлений, Горох так и не пришел к какому – либо определенному решению. Тем не менее, войско свое распускать он не решился. Так и стояли завоеватели в полном воинском вооружении до самого вечера в ожидании неизвестно чего.

Факс же, так и не дождавшись своего часа, уснул в тени под ракитовым кустом.

Глава 6. Борода и все, все, все...

2.6.1.

И неизвестно, как долго бы простояли завоеватели перед закрытыми воротами замка, но тут, на их счастье, из лесу вышел местный житель. В руках он держал лукошко, полное спелой земляники. Судя по всему, пробыл он в лесу довольно долгое время, его хмурое и недовольное лицо сильно заросло иссиня-черной бородой. Заметив изнывающую от усталости толпу клоунов, бородач резко остановился, и почесал, в задумчивости, затылок. Клоуны же его в упор не замечали. Тогда абориген не спеша подошел к стоявшему с краю Маргадону и, тронув того за плечо, тихонько спросил ставшую в последствии сакраментальную фразу:

– А чё это вы здесь делаете, а?

Маргадон от неожиданности даже вздрогнул.

– Иди, иди отсюда, зашипел он в ответ, – не мешай.

Абориген недоуменно пожал плечами, и подойдя к воротам замка, принялся озадаченно рыться в своих карманах в поисках ключей. Тут только завоеватели, наконец, опомнились и, набросившись всей гурьбой на бородача, повалили его на землю, и крепко связали.

– Если вы насчет экскурсии пришли, бормотал абориген, отбрыкиваясь, как мог ногами от висевших на нем завоевателей. – То нечего так волноваться, сейчас я вам все покажу

...

– Это мы тебе покажем, радостно пропищал Маргадон, чрезвычайно довольный первым захваченным боевым трофеем.

– Смотри ребята, не упusti его, как в прошлый раз. Этот хоть и без халата, зато с бородой!!!!

Напрасно Факс пытался уговорить солдат сделать еще один дубль сцены захвата в плен неприятеля, (горе – режиссер поздно проснулся, и успел заснять только самый конец потасовки). Солдаты, вдохновленные первым успехом, заткнув бородачу кляпом рот, чтобы тот не орал и не кусался, потащили его прямо в царский шатер.

2.6.2.

В это время царь Горох как раз собрался плотно поужинать. За весь день, проведенный на свежем воздухе, у ворот

замка, завоевателям так и не удалось пообедать, ежеминутно ожидая нападения неприятеля. И к вечеру у всех у них прорезался прямо таки зверский аппетит, в особенности у царя Гороха. Царь так проголодался, что даже известие о пленении неприятеля не смогло оторвать его величество от приема пищи. Посему он не стал прерывать из-за этого свой ужин, решив допросить пленника прямо за столом. А чтобы впоследствии ни кто не смог бы упрекнуть его в жестоком обращении с военнопленными царь разрешил режиссеру заснять на пленку всю сцену допроса.

Страшно возгордившись возложенной на него задачей, Факс немедленно приступил... нет не к съемкам. К подготовке к съемке. Первым делом он достал из нагрудного кармана пиджака дорогую сигару, и не спеша очистил ее от целлофановой обертки. Потом, все также не спеша, закурил. Во время съемок Факс курил только дорогие сигары, (вне съемок он не курил вовсе, – экономил). Окинув критическим взглядом окружающую его обстановку режиссер перво-наперво выгнал всех посторонних из царского шатра. После чего взор его остановился на царском столе. Собственно стола в шатре, как такового не было вовсе, стол царю Гороху заменял большой барабан Маргадона лежавший плашмя прямо на земле. Усадив царя Гороха прямо по центру стола-барабана, слева от царя режиссер посадил Шампиньона, а Гран-Градуса справа. Критично осмотрев получившуюся композицию, Факс поменял Шампиньона и Гран-Градуса

местами. Трогать царя режиссер благоразумно не стал, только попросил его повязать на шею салфетку, а в руки взять нож и вилку. Салфетку Горох повязал, а вот от ножа и вилки благоразумно отказался, чтобы впоследствии ни кто не смог приписать ему пыток над военнопленными.

Тем временем, режиссер переключил все свое внимание на захваченного в плен неприятеля. Внешний вид бородача Факсу не понравился. И он как смог постарался изменить имидж пленника. Для начала режиссер разорвал на бедняге китель, с корнем вырвав при этом несколько медных пуговиц. После чего сняв с пленного новые, почти не ношенные хромовые сапоги, Факс закинул их подальше в кусты, – с глаз долой. Дальше – больше, взяв со стола (барабана) бутылку прекрасного провансальского кетчупа, режиссер выплеснул весь кетчуп пленному на рубашу. Он еще долго бы так экспериментировал, но тут Горох, которому зверски хотелось есть, пригрозил вышвырнуть из палатки самого режиссера вместе со всем его оборудованием. Эта угроза несколько охладила созидательный пыл Факса, и тому ни чего не оставалось, как приступить непосредственно к съемке. При этом он все же не удержался, и вымазал аборигену куском древесного угля все лицо.

– «Допрос партизана». Часть первая, дубль первый, крикнул за кадром сам себе режиссер, и съемка началась.

Но не успел Горох задать свой первый вопрос, как у Факса сразу же что-то сломалось в камере, а может пленку заело, в

общем, съемка приостановилась. Все нервно закурили, в том числе и бородатый абориген, ни когда до этого не куривший.

Наконец камера была починена, и съемка сцены допроса возобновилась.

– Кто ты такой есть? И как тебя зовут? – приступил к допросу Горох, одновременно с этим накладывая себе в тарелку большой кусок копченой грудинки.

– Не верю, неее веерю, заорал возбужденный Факс, сильно размахивая при этом руками. – Все вяло, статично, и вообще – Вы, Ваше Величество, сюда что – есть пришли? Снимаем еще дубль, – всё с самого начала.

В ответ на это Горох попросил Факса на минутку выключить камеру. После чего не спеша встал, вытер руки об салфетку и, подойдя вплотную к испуганному режиссеру, схватил его за грудки.

– Если ты, шнурок целлулоидный, еще раз повысишь голос на меня, – это будет твое последнее повышение, усек?

– У...у... усек, Ваше величество, испуганно проямлил режиссер, опуская глаза. – Погорячился, был не прав, исправлюсь.

Горох же не спеша вернулся за стол, и, взяв с подноса бутерброд с красной икрой, продолжил, как ни в чем не бывало, свой допрос. На вопрос царя, кто он такой будет, задержанный честно признался, что он местный смотритель музея и все зовут его Бородой.

– Бородой, говоришь, зовут, усмехнулся царь. – Прекрас-

но! Ну, просто замечательно, и, ухватив двумя пальцами кусочек сырокопченой колбаски, он не спеша отправил его в рот. – Значит, решил поиздеваться надо мной, да? Сегодня все, как я погляжу, решили надо мной поиздеваться. После чего, вытерев рот бумажной салфеткой, его величество приказал:

– Эй, как там тебя, кинокамера, ну-ка выключи на минутку свою штуковину.

– А чё я сделал, чё я сделал-то? – жалобно заканючил режиссер. Царь же, оставив без внимания все эти режиссерские всхлипы и причитания, обратился непосредственно к Бороде:

– Придется, милый друг, ... тебя, того... – расстрелять. Горох достал из плетеной корзинки с фруктами большое спелое яблоко и смачно надкусил его.

– Ты уж не обессудь, ни чего личного. Сам знаешь, – на войне – как на войне. Факс чуть камеру свою не уронил на радостях от того, что на этот раз это не он разозлил царя. После чего принялся усиленно соображать – с какого ракурса ему лучше всего запечатлеть сцену расстрела.

Борода же принялся орать, что ничего такого он не сделал, ну опоздал немного на работу с обеда. Всего на пару часиков... – Не такое уж это преступление, чтобы за него сразу расстреливать.

– Под дурака косит, определил Гран-Градус, смачно сморкаясь в носовой платок. – Я это сразу понял, и кликуху он

себе идиотскую придумал. «Борода!», ну что это за погоняло? Одно посмешище.

– Ну, что же, решил царь, – сейчас одним посмешищем на свете станет меньше. Эй, ребята, тащите-ка сюда топор.

– Какой еще топор, встрепенулся Борода, – зачем нам топор? Нам топор не нужен...

– А ты, что думаешь, собака, что я на тебя патроны стану тратить?

– Не надо топор, заскулил абориген, – что угодно только не топор. Я... я скажу все... – Все, что хотите.

– А, а... – сразу поумнел, обрадовался царь. – То-то, топор – он, брат, того... – Кого хочешь излечит. Итак, отвечай, – сколько в замке солдат, пушек и боеприпасов? Или опять не знаешь?

– Знаю, знаю, успокаивающе закивал головой Борода. – А, простите, Вы какой сейчас замок имеете в виду?

– Вот дурень – то, изумился царь. – Я имею в виду тот замок, в который ты только что так вероломно пытался пролезть.

– Ах, Вы этот замок имеете в виду, обрадовался Борода, – а я то думал... – Так там нет, сейчас, ни кого... – И пушек нет, и боеприпасов... тоже нет.

– Что ты плетешь, а ворота кто закрыл?

– Я, честно признался Борода, потупив взор.

– Ты?

– Я.

– Врешь, собака

– А вот и не вру, у меня и ключ есть, вот он, радостно заметил Борода, одновременно с этим доставая из кармана большой ключ от замковых ворот.

– Так, ты что, хочешь сказать что, один такую крепость охраняешь?

– Один, вздохнул Борода, – а жалование – кот наплакал.

– Какой еще ккот? – встрепенулся режиссер. – Не ттот ли кот, что ггговорить умеет?

– Нам сейчас не до котов, резко оборвал режиссера царь, вставая из-за стола, то бишь барабана. – Ну, пойдем, ласково сказал он Бороде, – поглядим, что там у тебя внутри делается.

– Без билетов не положено, заартачился неожиданно бородач. – У нас вход платный.

Взятки и подкупы на войне были обычным делом, поэтому Горох не стал особо упираться, и велел Гран-Градусу выплатить Бороде соответствующую сумму.

– Да, за что ему платить, возмутился рачительный Гран-Градус. – Коли мы и так можем войти...

– В стоимость билета входит экскурсия по замку и обед, невозмутимо пояснил бородач. – Детям – скидка.

– Ну, и ну, продолжал ворчать Гран – Градус, – первый раз вижу, чтобы на взятку скидки были. Как бы там ни было, но он все же выплатил аборигену требуемую сумму. При этом Гран-Градус, не удержался, и купил Маргадону, Яшке

и Керя, как самым низкорослым, детские билеты.

Глава 7. Знакомство с замком.

2.7.1.

Но только было Борода открыл, своим большим ключом, ворота замка, как возникла новая проблема. Ни кто из завоевателей не решался первым войти внутрь замка, опасаясь засады или еще какого-нибудь подвоха со стороны местных жителей. Крайним, как всегда, оказался Керя, которого солдаты, вспомнив, что он является официальным парламентом, стали потихоньку подталкивать ко входу в замок. «Дескать, ты начал все это дело, тебе и доводить его до конца». Бедный Керя упирался, как мог, но сила в тот день явно была не на его стороне. И неизвестно чем бы все это закончилось, но тут, неожиданно для всех в дело вмешался старый барон. Шампиньон, надобно сказать, любил покрасоваться на публике, особенно когда это ему ни чего не стоило. К тому же он надеялся, что режиссер обязательно запечатлит этот важный момент на кинолентку.

– Оставьте пацана в покое, рявкнул барон во все свое баронье горло. – Я пойду, вместо него.

Эффект получился просто ошеломляющим, клоуны застыли в изумлении выпучив глаза. Такого поворота событий они ни как не ожидали.

– Bravo, господин барон, bravo, опомнившись и словно боясь, как бы старый барон не передумал, дружно зааплоди-

ровали клоуны. В ответ на это Шампиньон театрально принялся раскланиваться. Только вот Факс и не думал включать свою кинокамеру.

– А ты чего стоишь и не работаешь, спросил тогда у него напрямик Шампиньон. – Опять камера, что ли сломалась?

– С камерой все в порядке, пояснил режиссер, – света маловато.

– Предупреждать надо, процедил сквозь зубы раздосадованный барон. После чего, громко высморкавшись, Шампиньон добавил:

– Если через десять минут я не выйду, – рубите этого аборигена в капусту вместе со всей его бородой. Немного подумав, Шампиньон добавил:

– И этого кинокамерника заодно порубите, от него все равно толку ни какого. После чего скрылся за воротами замка.

– Папа, постой, я с тобой, спохватился тут Батон, и побежал вслед за отцом.

2.7.2.

Прошли долгих десять минут, в течение которых от баронов не было ни каких вестей. Завоеватели все это время заметно нервничали, грозно посматривая при этом на Бороду и режиссера. Режиссер внешне оставался спокоен, делая вид, что не замечает этих грозных взглядов, и только поглядывал время от времени на небо, не появилось ли там долгожданное солнце. Борода же, в отличие от режиссера, был

куда менее спокоен, и все силился вспомнить – были ли на руке у барона часы или нет. Наконец, из замка вышел, весь взмокший и бледный как молоко, Батон и молчаливым жестом пригласил всех входить.

– А отец твой где? – обеспокоенно спросил Гран-Градус.

– Он уже там, в подземелье, вас дожидается. Идемте же скорей.

2.7.3.

Такой двусмысленный ответ слегка озадачил завоеватель, но отступать было поздно – деньги за билеты были уплачены... И вот клоуны, с оружием в одной руке и с билетами в другой, осторожно вошли в центральные ворота замка, с опаской оглядываясь при этом по сторонам. Убедившись, что внутри вроде бы все спокойно, они быстренько втащили во внутренний дворик замка баронскую свинью, пони, ну и, конечно же, ослика с прикрепленной к нему тележкой и пушкой. После чего сразу же крепко-накрепко заперли ворота изнутри. Замковые ворота изнутри, как оказалось, запирались всего лишь на один замок, да маленькую задвижку, державшуюся на честном слове. Чугунная подъемная решетка заржавела настолько, что опустить ее не представлялось ни какой возможности.

Борода в душе хоть и возмутился, такой наглости и бесцеремонности новоявленных экскурсантов, но виду не показал, решив не связываться с безкультурными иностранцами.

Тем более что деньги за экскурсию были уже уплачены, и возвращать их обратно он не собирался. «Ничего, подумал тогда Борода, – помучаюсь два часа с этими придурками, и больше мы с ними ни когда не увидимся". Бедняжка даже не подозревал о том, что эти самые так называемые придурки в клоунских нарядах пришли сюда всерьез и надолго.

Для начала Борода повел завоевателей, вдоль крепостных стен замка, рассказывая при этом древнюю как мир историю, о том, кем, когда и при каких обстоятельствах были возведены сие могучие укрепления. Клоуны следовали за ним по пятам, широко разинув рты от удивления и восхищения. Они впервые были в заграничном замке, и все здесь было им в диковинку.

Некоторые из них, а именно – Гран-Градус, Яшка и Керя, даже достали из карманов маленькие блокнотики и вносили туда, время от времени, какие-то записи. Остальным солдатам оставалось только с завистью смотреть на своих продвинутых собратьев.

Яшка записывал то, что ему диктовал Горох, а именно военные и оборонительные особенности данной крепости, сколько потребуется для ее обороны солдат, пушек, снарядов к пушкам и т.д. Горох диктовал все это не спеша, вспоминая всевозможные цифры и формулы, поэтому Яшка успевал записывать на последней страницы еще и стихи собственного сочинения, которые с недавних пор стали, изредка, приходиться ему в голову.

Гран-Градус тоже зря время не терял, и попутно с осмотром замка делал опись их будущего имущества. Не всего конечно, а наиболее значительного.

Керя же так ни чего в свой блокнот и не записал, ему было жалко марать чистые страницы.

– Согласно последним научным изысканиям, рассказывал, между тем, Борода, – первое поселение на этом месте было основано еще за несколько тысячелетий до нашей эры. В результате многочисленных раскопок, так популярных среди бугорландцев в прошлом веке, когда всю страну охватила сначала золотая лихорадка, потом нефтяной бум, а потом... – А, потом, когда ни золота, ни нефти ни кто так и не нашел, все увлеклись поисками чего-то более существенного, а именно – клада Пипика Коротконового... Клада этого впрочем, тоже ни кто так и не нашел... Борода задумался, – эээ... о чем это я, ах да. Так вот, хотя нефти, золота и бриллиантов найти тогда так и не удалось, зато были обнаружены важные исторические находки... – Такие как – левый кирзовый сапог Мамалыги Первого, упомянутого еще в древней Лоскутной грамоте, – большой коренной зуб Хильдерберта Восьмого со свинцовой коронкой, – граненый стакан Финикуса Большелобого, а также проломленный череп неизвестного доисторического джентельмена. Проломлен этот череп был, как впоследствии установила судебно-медицинская экспертиза, тупым тяжелым предметом, возможно бутылкой или даже кирпичом. Сей факт отчетли-

во говорит о том, что в ту далекую эру у древних бугорландцев уже имелись некоторые зачатки цивилизации.

– К сожалению, печально заметил Борода, – среди этих находок нет ни одного предмета из золота, серебра или иного драгоценного металла. Отсутствуют в нашем музее и изделия из драгоценных камней, что связано в первую очередь с несознательностью местных кладоискателей, ни коим образом не соглашавшихся добровольно сдавать в музей такие находки. Поэтому основные дорогостоящие экспонаты хранятся сейчас не здесь, а в банках и частных коллекциях.

– А, что у вас еще и банки есть? – встрепнулся Горох

– Банок у нас полно – на любой вкус. Мы же цивилизованное государство, усмехнулся Борода. – Есть железные банки, есть стеклянные, есть даже фарфоровые с китайским рисунком, вас какие интересуют? И видя, что Горох как-то недобро посмотрел на него, Борода поспешил продолжить лекцию:

– Первое письменное упоминание об этих местах мы находим уже в Потерянной рукописи, в которой на стр. 35-36 рассказывается о неких двух братьях близнецах, решивших построить в здешних местах скромный загородный домик. Как звали этих братьев, история умалчивает. Известно одно – чтобы осуществить свою мечту, эти близнецы вынуждены были в течение долгих двадцати лет без перерыва и выходных грабить, и убивать проезжающих мимо купцов. И так им понравилось это занятие, что вместо маленького загородного домика братья выстроили со временем вот такой вот ве-

личественный... ммм... замок.

– Еще в процессе строительства, братья решили не давать название сему замку, чтобы ограбленные ими купцы не смогли предупреждать друг друга об опасности или писать на братьев жалобы в вышестоящие инстанции. И вот с тех самых пор замок этот так никак и не называется.

– Это ничего, злорадно усмехнулся Горох. – Это дело мы исправим. Были бы стены... и крыша.

– Вы и в самом деле это можете? – удивился Борода.

– Могу, без ложной скромности заметил царь. – Я теперь многое чего могу. Но продолжайте, я хочу знать об этом замке все. Все до мельчайших подробностей.

– Вот с подробностями- то здесь как раз и не все так гладко, как хотелось бы, печально заметил Борода. – История не любит подробностей, ей подавай только крупные события. Поэтому про раннюю историю замка мы знаем совсем немного. – Знаем в частности, только то, что построив замок, братья тут же сели пить чай с медовыми пряниками. Однако попить спокойно чаю в тот раз им так и не удалось. Не успели братья сделать и нескольких глотков – как тут же раздался сильный стук в ворота.

– Налоговый инспектор нарисовался, со знанием дела заметил Мороз. – Я этих козлов знаю, они нарочно ждут, когда все будет тип-топ, и только после этого предьяву кидают.

– Это вполне мог бы быть и санэпиднадзор, резонно заметил Маргадон, – или теща пожаловала на новоселье.

– Как вы правильно сейчас заметили, невозмутимо продолжал Борода, – пока замок строился ни кому не было до него ни какого дела, не считая ограбленных купцов, конечно же. Но стоило братьям завершить строительство, как к замку повалили толпы желающих им овладеть. Захватить готовый замок ведь намного проще, чем его построить. Эти слова мнительный Горох принял на свой счет, и грозно нахмурился. Борода же сделал вид или на самом деле ни чего не заметил, и продолжал, как ни в чем не бывало:

– Представьте себе такую картину – сидят братья на самом верху самой большой башни замка и пьют себе чай из блюдечков с голубой каемочкой. А внизу толпа ярится, стрелы свистят, летят – камни, комья грязи, по приставным лестницам лезут на стены толпы варваров. А братьям хоть бы что, знай спокойно пьют себе чай. Борода в запале лекции даже закрыл глаза.

– Ну, а дальше, а дальше-то что? – в нетерпении поинтересовались у него клоуны.

– Да это собственно и все, грустно заметил Борода. – Больше об этих братьях нам ни чего не известно. Потомки их сильно измельчали, и не смогли удержать замок без названия в своих руках. И как только они его потеряли, их тут же самих вычеркнули из летописи. Ничего нет хуже, скажу я вам, когда вас вычеркивают из летописи, грустно заметил Борода. – Получается, будто бы вас и не было вовсе. Немного помолчав, он добавил:

– С тех пор замок много раз менял своих хозяев. За него бились не на жизнь, а на смерть, до тех пор, пока не оказалось, что он ни кому не нужен. Вот тогда-то из него и сделали музей.

2.7.4.

Между тем Факс, незаметно для всех включил свою кинокамеру, и принялся записывать на пленку самые интересные и занимательные моменты экскурсии, озвучивая их собственными комментариями. Но толи из-за того, что сегодня он еще не ужинал, толи по какой-то иной причине, только комментарии получались у режиссера все время в каких-то мрачных тонах.

Стоило, например, зрителю музея рассказать старинную красивую легенду о принцессе из восточной башни, как Факс тут же все извратил, и переиначил. В далекие предальные времена, (по версии Бороды) жили – были, как и положено, принц и принцесса. И полюбили они друг друга, как и положено, с первого взгляда. Но официально оформить свои отношения влюбленные не успели. Принца срочно вызвали на войну, где он благополучно и погиб, защищая свою честь и честь своей родины. Узнав о гибели своего возлюбленного, несчастная принцесса, тоже защищая свою честь и честь своей родины, бросилась с самой высокой (восточной) башни вниз. Прямо на голые камни.

Факс же в своем фильме озвучил эту историю несколько

иначе. Жила, да не жила, а существовала, или лучше сказать – прозябала на белом свете старая дева, с неуравновешенной психикой. (Кто будет играть главную роль? Может одна из тех симпатичных незнакомок, что они видели недавно. Решено – задействуем блондинку, она постарше выглядит.) Как-то раз, эта старая дева, 23 лет от роду, собралась на бал... (Массовая сцена, – кругом свечи, хрусталь, паркет блестит, массовки потребуется- человек пятьсот не меньше. Только где взять столько народу? У них, наверное, во всем королевстве столько людей не найдется. Придется выписать из-за границы). Так вот, собралась Наташа на свой первый бал, а одеть ей было не чего – злая мачеха забрала все ее вещи себе... (Нет, это уже где-то было, да ни кто и не поверит, что первый бал у нее состоялся в 23 года.) Всё – меняем сцену.

– Дело происходит... происходит... происходит на охоте. Охотница дева, (тогда на эту роль больше подойдет младшая девчонка – черненькая, она побойчее будет...) Во время охоты на дикого зверя... Медведя... (Хотя какой к черту медведь, у них тут, поди, и медведей-то живых не осталось – дикий народ... – Пусть будет охота на кабана, тем более, что с ролью кабана прекрасно справится баронская свинья.) – Итак, юная дева встречает в лесу своего принца... (И пусть принц будет старым и безобразным! А то эта девчонка много о себе не воображает!) – Принц этот приехал сюда из соседнего королевства, в командировку. (Ну, очень безобраз-

ный, – настоящая обезьяна – квазиморда. Стоп, стоп. И это, где – то уже было).

Меняем сцену – война. (Некоторые кадры массовых батальных сцен мною уже сняты, это хорошо). И вот принцу приходит повестка в военкомат (или в суд, что тоже не плохо.) Ладно, решим так, – если Горох победит бугорландцев тогда повестка будет на войну, а если проиграет, тогда в суд. В этом случае у него будет хорошая возможность заснять сцены суда и казни заговорщиков, т.е. завоевателей.

И заключительная сцена – главная героиня, не пожелав закончить свои дни в монастыре, как все другие благопристойные особы ее пола и в ее ситуации, бросается под поезд. (Вообще – то это тоже уже где-то было, да и поезда здесь ходят редко, – так можно поезда и вовсе не дожидаться).

А может сделать из всего этого комедию? Принцесса, прогуливаясь тихой лунной ночью по крыше замка, поскользнулась на банановой корке, и ... – Но тогда возникает другой вопрос – что она делала на крыше поздно ночью? Идея! Она – лунатичка! Или еще лучше – вампирша, и...

Не известно чем бы закончилась эта история в изложении Факса, но тут, по счастью, в его кинокамере сели батарейки. И пока он их менял у самого режиссера закончилось вдохновение.

2.7.5.

Но вернемся непосредственно к нашей экскурсии. Замок этот, как выяснилось, оказался ни чем иным, как музеем под

открытым небом. В свое время у прапрадедушки нынешнего короля Фердинанда Пятого не оказалось средств на содержание такого огромного замка, вследствие чего ему пришлось переоборудовать старую цитадель под музей. Что позволило этому самому Фердинанду Пятому не только сэкономить огромные средства, ежегодно уходившие на содержание крепости, но и получить, вдобавок ко всему, значительные налоговые льготы.

Обо всем этом и еще о многом другом поведал Борода своим экскурсантам, то бишь клоунам – завоевателям пока они обзревали замок со всех сторон.

Впрочем, не успели клоуны как следует насладиться прекрасными видами древней крепости, как неугомонный гид повел их дальше – в мрачное и глухое подземелье. Здесь даже самым ярким солнечным днем было темно и сыро. Бедные клоуны невольно сгрудились возле зрителя музея, державшего в руках маленький огарок сальной свечи. Тусклый свет, испускаемый этой свечой, выхватывал из темноты страшные картины средневекового прошлого. Всюду по каменным стенам сочилась вода, а под ногами шныряли наглые полуметровые крысы. На прогнивших от сырости балках белели, подвешенные на ржавых цепях человеческие скелеты. В общем, и целом подвал оставил в душах завоевателей крайне гнетущее впечатление. И у многих из них в тот момент возник резонный вопрос – «И стоило ради всего этого рисковать своей жизнью?» Такой подвал был им и даром не

нужен. Доволен осмотром остался один только Факс, израсходовавший на съемку этих страшилок целых две кассеты с пленкой. Да еще Гороху все было нипочем, он знай диктовал Яшке технические характеристики исследуемого объекта:

– Подвальное помещение, вполне пригодное для хранения влагостойких изделий, и особо опасных преступников. В случае крайней необходимости его можно использовать и как массовое бомбоубежище...

О том, что крысы были заводными, а скелеты сделаны из пластика, и подарены музеем одним из заграничных медицинских институтов, завоеватели, конечно же, не знали. Между тем все эти спецэффекты были предназначены специально для привлечения в музей впечатлительных иностранных туристов.

Глава 8. Пир на весь мир.

2.8.1.

После мрачного подземелья завоеватели в крайне подавленном состоянии поднялись в главный зал замка, где для них уже был накрыт стол по случаю благополучного окончания ознакомительной экскурсии. На огромном столе, за которым когда-то пировали обитатели замка, сейчас были расставлены мельхиоровые тарелки и кубки, стилизованные под старинное серебро. Меню было составлено исключительно по рецептам местной средневековой кухни. В каждой тарелке лежало по кусочку холодной телятины, хлеба грубого по-

мола и заплесневелого сыра. В кубки было налито кислое дешевое вино.

В ожидании начала банкета клоуны принялись с интересом рассматривать помещение, в котором сейчас находились. Огромный зал, сложенный из массивных каменных глыб больше подходил под жилище великанов, чем простых смертных. Люди в нем казались карликами и пигмеями. Нештукатуренные стены были украшены головами тех тварей, что когда-то в изобилии водились в Бугорландии. Здесь были головы давно вымерших винторогих козлов, грациозных ланей, длинношерстных туров, саблезубых тигров и даже гигантских ящеров. Тут же висело и самое разнообразное вооружение, начиная с каменных топоров и кончая современными духовыми ружьями. Стекла в узких окнах – бойницах были сделаны из разноцветного витража, вследствие чего в зале даже в самый яркий солнечный день царили полумрак и прохлада.

– Прошу вас господа отведать нашей средневековой пищи, пригласил Борода заждавшихся экскурсантов к столу.

Ложек и вилок на столе не было, так, что есть пришлось, как и в средние века, руками. Проголодавшиеся завоеватели сразу же накинулись на еду, и мигом все смели с тарелок. Они не отказались бы и от добавки, только ни кто ее им так и не предложил.

Между тем Борода, видя, что все уже поели, встал из-за стола, и объявил во всеуслышание:

– Прошу на выход, господа, громко объявил Борода. – Экскурсия закончена, все свободны.

2.8.2.

– Ура, радостно закричали в ответ на это заявление клоуны, – теперь можно и поесть по человечески. И они тут же разбрелись по замку в поисках нормальной еды, и еще чего-нибудь интересенького. Не прошло и получаса, как рыцарский зал стал наполняться разнообразными трофеями, которые приносили, и сваливали в одну кучу раззадорившиеся клоуны. В числе этих трофеев были – ветхие средневековые гобелены, украшавшие много лет стены этого замка, бронзовые канделябры, старинные картины в позолоченных рамах и еще многое, многое другое.

– Ваше величество, с ужасом обратился Борода к царю, – прошу Вас, остановите это безумие.

Царю, такие грабительские действия своих поданных, тоже не понравились.

– Отс-тавить, громогласно просипел он на весь зал. – Немедленно вернуть все вещи на свои места. Что это за варварство такое, обязательно нужно все сломать или испортить.

– Но это же наша добыча, возмутились солдаты.

– Наша добыча – весь замок целиком, невозмутимо пояснил Горох всем присутствующим, – так, что пусть все остается на своих местах. Солдаты хмуро переглянулись между собой, им было не столько жаль, сколько лень относить эти

вещи обратно.

– Кому, что не понятно? – подоспел на помощь царю, Гран-Градус. – Быстро все вернуть на место. Солдаты нехотя понесли вещи обратно. Царь же, подойдя к стенду с королевскими регалиями, приподнял стеклянную крышку и извлек оттуда королевскую корону образца позапрошлого века.

– Мечты сбываются, усмехнулся за его спиной Гран Градус. – Надевай ее и пошли праздновать.

– Если бы все было так просто, вздохнул царь, – корону нельзя просто так одеть, корону следует ВОЗЛОЖИТЬ!

Отложив корону в сторону царь добавил:

– Ищите лучше продукты, сейчас устроим грандиозный пир по случаю нашего первого успеха.

Такое приказание проголодавшимся солдатам два раза повторять не понадобилось. С радостными воплями они разбежались по углам и помещениям замка в поисках продуктов. Оказалось, что кладовые в замке просто ломились от всевозможных припасов. Бугорландцы, надобно заметить были народом очень запасливым, и расчетливым. Продуктов и вещей у них было такое количество, что для их хранения у бугорландцев даже не хватало собственных помещений. Поэтому местные жители, издавна, приспособили пустовавшие помещения музея для хранения всякого барахла и продуктов. И вот теперь все это добро стало легкой добычей завоевателей. Поначалу Борода, как смотритель музея, хотел было вновь вмешаться и попытаться как-то остановить это без-

образии, но, посмотрев на голодных и усталых завоевателей, делать этого не стал. К тому же он сам частенько наведывался в эти кладовые, и теперь у него появилась прекрасная возможность списать недостачу на непрошенных гостей.

Между тем Хомяк разжег огонь в камине, и принялся застряпню. Солдаты, сняв с себя каски и спасательные жилеты, стали помогать ему накрывать на стол. Главной их задачей при этом было расставить на столе красиво и аккуратно тарелки, ложки, вилки, кубки, и другую посуду. К продуктам же, предусмотрительный Хомяк, ни кого раньше времени не допускал. И правильно делал, иначе на стол нечего было бы ставить, всё расхватали бы, даже не донеся съестное до стола.

Свои мушкеты завоеватели, как и положено в военное время, поставили в специальные пирамиды. Так, чтобы в любое время ими можно было быстро воспользоваться. На сторожевой башне замка был поднят Гороховский флаг в знак того, что отныне замок полностью принадлежит завоевателям. Под флагом стоял дозорный, который должен был следить за появлением неприятеля и в случае чего сразу же трубить тревогу. Дозорный этот сменялся каждый час.

Но вот, наконец, усилиями Хомяка и его многочисленных добровольных помощников праздничный ужин был готов. Пиршественный стол был заставлен всевозможными яствами, какие только можно было пожелать. Здесь были – жареные до ярко-золотистой корочки индейки, запеченные в тесте сосиски, молочные поросята, воздушные мясные пиро-

ги с олениной, бочонки с пивом, бутылки с дорогим вином, терпкие маслины, фаршированные анчоусами оливки, устрицы в лимонном соусе, гроздья винограда и многое другое. Сочные персики и апельсины соседствовали с пирожными «бизе», жареные гуси с яблоками лежали на одном блюде с копченными бараньими ребрышками и свиными окороками. Одних только сыров было около сорока видов, колбас больше двадцати.

При виде такого разнообразия продуктов клоуны поспешили поскорее занять свободные места за столом. Когда же все, наконец, расселись, и вино было разлито по кубкам, первым взял слово царь Горох:

– Ну..., за то..., чтобы этот замок служил нам долго и на радость.

– Ура, закричали все сидящие за столом, и залпом осушили кубки, после чего дружно набросились на еду. Даже Факс, и тот на время отложил в сторону свою кинокамеру. На какое-то время в зале установилась относительная тишина, было слышно только глухое урчание, да треск перемалываемых костей.

2.8.3.

Поздним вечером, сидя в мягком кресле у жарко натопленного камина, с бокалом старого вина в руке, Горох объявил пирующим:

– Ребята, вы как хотите, а я отсюда ни куда не уйду. Мне

этот замок нравится. Есть в нем что-то такое – притягательное... Такое, от чего просто невозможно отказаться. Решено! С этого момента повелеваю считать этот замок моей главной резиденцией, и называться он будет отныне – «Горохшин». Чтобы каждый проезжающий мимо точно знал, чьи это владения. И да будет так – отныне и навсегда. Попрошу, он кивнул Яшке, -подготовить соответствующий указ. Завоеватели единогласно поддержали такое царское решение, дружно осушив за него свои кубки.

– Стойте, стойте, заорал тут слегка уже захмелевший Шампиньон. – Что же это получается, – Гороху замок, Гороху резиденция, Восточная башня, опять же, – ему... – А нам, баронам, что, – шиш с маслом?

– Берите, что хотите, сделал красивый жест Горох. – Все, что сможете отсюда унести.

– Вот это я понимаю, вот это по-нашему, обрадовался Шампиньон, успокоено садясь на свое место.

– Позвольте, встрепенулся мирно дремавший до этого на дальнем конце стола Борода. – Чё это вы тут распределяете? Какие еще резиденции? – Музей не сдается.

Солдаты дружно заржали в ответ.

– Перед Горохом все сдаются, сострил Гран-Градус.

– Поздняк метаться, осадил аборигена царь, – что сделано, то сделано. Обратной дороги нет. Скажи-ка лучше, отец, а священники в вашей стране имеются?

– Сначала натворят делов, недовольно пробурчал абори-

ген, – а потом о священнике вспоминают. Грешить не надо тогда и священник не потребуется. Вам сейчас не священник, а тюрьма светит...

За такие дерзкие речи солдаты хотели немного побить зрителя музея, но царь не разрешил. У него на Бороду были свои планы.

– Этим зажавшимся козлам никогда нас не понять, сколько их не бей, заметил Горох при этом. – Они же все тут уроды, самые настоящие – моральные уроды.

– А что, у вас в стране и тюрьмы есть?

Борода смутился.

– Ну как сказать... – Можно сказать что ее и нет... – Почти...

– Как это – почти? – не понял Горох. – Тюрьма либо есть, либо ее нет...

– Это у вас она либо есть либо нет, а у нас ее скорее нет, чем есть...

Клоуны в очередной раз собрались побить несчастного аборигена, но Горох опять им этого не позволил.

– Ступай-ка ты милоч в ближайшую тюрьму и проверь есть она или нет. А мне на глаза больше не попадайся, второй раз так легко не отделаешься.

И Царь, не обращая больше ни какого внимания на зрителя музея, провозгласил очередной тост:

– Ну, за то, чтобы у нас все было, а нам бы за это ни чего не было. В ответ раздался громкий одобрителный гул и звон

серебряных кубков.

Глава 9. Некоторое время спустя.

2.9.1.

Отпущенный на свободу Борода, тем временем, не спеша брел по направлению к Трунштейну. Настроение у него самое что ни на есть мерзопакостное.

Мало того, что он в одночасье лишился и работы, и крыши над головой, так теперь ему нужно было еще и перед королем объясняться по поводу потери музея. И объяснения эти предстояли не самые веселые. Король Виргеум был очень прижимистым королем, и строго спрашивал со своих подчиненных за любую поломку своего имущества, даже самую незначительную. А тут вообще целый музей отобрали. Борода мог бы сослаться на численное превосходство противника, если бы не одно маленькое обстоятельство. Маленькое, но весьма существенное для Бороды. А именно то, что на момент начала захвата музея он отсутствовал на рабочем месте. А это было уже явное должностное преступление. И угораздило же его пойти именно сегодня за этими чертовыми ягодами. И ягод, как следует, не набрал, и музей потерял.

В таких вот нерадостных раздумьях добрел, наконец, Борода до Трунштейна.

Однако попасть внутрь королевской резиденции было не так-то просто. Главные ворота замка охранял грозный страж, облаченный в длинный черный балахон с глубоким, полно-

стью скрывающим лицо, капюшоном. На иностранцев это одеяние всегда производило крайне удручающее впечатление, Дюбель же (так звали стражника) чувствовал себя в таком необычном одеянии весьма комфортно. В нем в любую погоду было тепло, сухо и можно было даже подремать, незаметно от посторонних глаз.

Дюбель единолично охранял замковые ворота с 10 часов утра до 19 часов вечера. В ночное время ворота замка не охранялись вовсе. Ведь страж у ворот был нужен не столько для охраны, сколько для показного величия, на тот случай если страну ненароком посетит какая-нибудь иностранная делегация. За ночную же охрану, нужно было платить по двойному тарифу, поэтому прижимистый Виргеум давно уже отказался от ночной стражи, и саморучно, каждую ночь, запирали ворота замка на засов.

Стражнику же – было скучно просто так стоять целый день у ворот, поэтому он постоянно дремал на посту, облокотившись на свою алебарду, если ни кого не было поблизости. Либо, что еще хуже, цеплялся к каждому входящему или выходящему из замка с разными дурацкими вопросами и разговорами. Так, за сном и разговорами быстрее проходило его рабочее время.

Бороде же сейчас было не до пустой болтовни, и он, тихо ступая на цыпочках, попробовал незаметно прошмыгнуть мимо стража ворот. Не тут – то было.

– Ты чего это здесь делаешь? – поинтересовался Дюбель,

не открывая глаз.

– Мне к Виргеуму надо, срочно, по делу...

– Если ты на счет прибавки жалования, пробормотал стражник, сильно зевая, – то ни чего не выйдет, я сегодня уже просил. Ну, а уж если мне не дали, то тебе и подавно откажут. А будешь настаивать – так вообще выгонят вон из музея.

– Уже, печально проямлил Борода

– Что – уже? – не понял стражник.

– Уже, говорю, выгнали.

– Ну, и правильно, заметил Дюбель, в очередной раз зевая. – Давно пора.

Но тут Борода изловчился, и прошмыгнул мимо стражника внутрь замка.

2.9.2.

Поднявшись бегом по парадной лестнице на второй этаж, он без стука, как к себе домой, ворвался в рабочий кабинет короля. Малоознакомый с местной спецификой сторонний наблюдатель с первого взгляда и не догадался бы, куда он попал. Все стены этого королевского кабинета были увешаны всевозможными удочками, марлевыми сачками, гербариями с засушенными злаками и растениями. На подоконниках в обрезанных картонных коробках из-под молока созревала рассада с капустой, кабачками и сладким перцем.

Прямо посреди кабинета стоял массивный круглый стол

из орехового дерева, на котором сейчас были разложены всевозможные рыбацкие прибабасы – лески, грузила, поплавки, спиннинговые катушки, воблеры и много других не менее интересных вещей. Владельцы всех этих вещей находились тут же, за этим самым столом. Помимо короля Виргеум здесь также присутствовали – первый мудрец королевства – Али ибн Лура, военный начальник Тортенсон, а также Корень, простой солдат, допущенный в эту компанию, единственно из-за своих уникальных рыбацких способностей. Ни разу за свою долгую рыбацкую карьеру не возвращался он с рыбалки без рыбы. Он мог поймать рыбу даже там, где ее сроду не было. Однажды он поймал рыбу даже в бассейне. Злые языки поговаривали, что он сам же туда ее перед этим и запустил, но, тем не менее – факт остается фактом, он был лучшим рыбаком королевства.

Таким образом, весь «цвет» местного рыболовства сидел сейчас за круглым столом и увлеченно обсуждал вопрос, куда завтра пойти рыбачить. Вариантов было два. Либо на дальнюю заводь, где в это время года можно было поймать неплохого хариуса, либо к кривой березе, где в любое время дня и ночи хорошо брали на червя мелкие пескарики. Виргеум предлагал не увлекаться гигантоманией и довольствоваться малым, все же остальные хотели поймать более крупную рыбу. И вот когда совещание достигло своего апогея, и все уже чуть было не передрались между собой, в кабинет и зашел бывший смотритель музея. Несколько минут он про-

сто стоял у круглого стола и печально смотрел на происходящее. Но потом просто так смотреть ему надоело, и он тихонько кашлянул. Все враз замолчали и удивленно уставились на него.

– Ты что ест здесь делают? – первым опомнился Тортенсон.

– Ваше благородие, и вы туда же! Бедный я и несчастный, запричитал Борода, – остался я один одинешенек... – В смысле без крыши над головой.

– Что такое, испугался король, – неужели музей сгорел?

– Хуже, Ваше Величество...

– Как хуже? Неужели град побил мою капусту?

– Еще хуже...

Виргеум схватился за сердце,

– Так я и знал, это проклятая тля все – таки добралась до спаржи.

– Да причем здесь ваша спаржа-маржа, разозлился не на шутку Борода. – Царь Горох захватил Музей, и выгнал меня оттуда к чертовой матери.

– Тьфу ты, сразу успокоился Виргеум, – разве можно так пугать наше величество. С такими подданными я, когда-нибудь, точно, инфаркт заработаю. Только я не понял, что – ты там бормотал про горох? Гороха в этом году мы мало сажали...

– Да не горох, дерзко перебил короля Борода, – а – царь Горох! Его Вы вообще еще не сажали... – Это он... меня...

и из музея выгнал... – Бездомный я теперь... – А за что...

– Опять, небось, рабочий время ягода ходить гулять, грозно заметил Тортенсон. – Теперь быстро-быстро ходи наряд.

– Караул, заверещал Борода.

– И караул тоже. Заступайт прямо сразу. Раз, два, раз, два.

Робкие замечания Бороды о том, что царь Горох будет ждать их завтра на поле у главного входа, Виргеум отверг сразу же – категорически и бесповоротно.

– Завтра у меня весь день занят, заявил король, – мы идем на тихую заводь.

– К кривой березе...

– Я сказал на заводь...

– Ну, вот сам и иди на свою заводь мелочугу ловить, а мы пойдем к березе. В порыве спора ни кто и не заметил, что спорщики всё перепутали, но сейчас это было ни кому уже не важно. Главное было настоять на своем.

Виргеум, как видно из всего происходящего, был правителем не злобным, можно даже сказать мягким правителем. Поэтому его подданные часто и подолгу с ним спорили, особенно в неофициальной обстановке. В официальной же обстановке все бразды правления государством держала в своих твердых руках его жена – королева Киса де Мура, с которой спорить уж точно ни кто не решился бы.

Между тем Борода, видя, что разговор опять уходит в сторону от основной темы, вновь встрял в разговор:

– Какая там к черту береза, когда у нас, в смысле у вас Го-

рох музея отбирает. Государственное, между прочим, имущество.

– Государство – это мы, заметил с некоторым пафосом Виргеум. Эту фразу король услышал еще в школе, и так она ему понравилась, что он частенько втыкал ее в разговор, в тему или не в тему. Сейчас получилось в тему.

Все призадумались. Если разбираться с этим Горохом по всем правилам придворного этикета, – с арестом, погонями, зачитыванием приговора и отрубанием головы виновным, то на это уйдет как минимум весь день, а это значит, что о завтрашней рыбалке можно было бы забыть. Тем более что завтра была суббота – выходной день. А в Бугорландии больше всего на свете не любили двух вещей – давать в долг, и работать в выходные дни. Поэтому, все тут же принялись искать всяческие отговорки, лишь бы не ходить на эти разборки. Но ничего путного придумать не смогли. Тогда всю свою злость горе – рыбаки перевели на бывшего теперь уже зрителя музея.

– А все ты виноват, заорал в гневе король на несчастного Бороду. – Сначала музей мой потерял, а теперь еще хочешь, чтобы мы и без отдыха остались. Да тебя в тюрьму за такие дела посадить следует!

– А, што ваше величество, это мысль, дерзко поддержал короля Корень, который на рыбалке, а также во время приготовления к ней (а сейчас был именно такой случай) позволял себе некоторые вольности. – Посадите его в тюрьму до

понедельника, а там разберетесь, что к чему. Ему все равно теперь жить негде... – Да и королева его там не увидит, она терпеть не может такие заведения. Больше всего рыбаки боялись, что Бороду ненароком увидит королева, и поинтересуется, – «а что тот здесь делает?» Тогда вся их рыбалка точно накрылась бы. В государственных делах королева любила порядок, превыше всего.

На том и порешили – посадить зрителя музея на выходные дни в тюрьму. А в понедельник – отдохнувшие, с новыми силами, вновь вернуться к решению этого вопроса. Наказав, строго настрого, Бороде отправляться напрямик в тюрьму, и никоим образом при этом не попадаться королеве на глаза, рыбаки вновь вернулись к главной теме своего разговора – о тихой заводи и кривой березе.

Глава 10. На следующее утро...

2.10.1.

На следующее утро, в Горохшине, Царь Горох прощался со своим верным другом и соратником Гран – Градусом. Еще вчера вечером, на праздничном пиру, было решено, что в замке останется небольшой гарнизон, состоящий из Гран-Градуса и Кери. Сам же Горох, с оставшимися солдатами, пойдет дальше вглубь страны. Одного замка завоевателям было мало. Чтобы основательно укрепиться в этом государстве, им нужно было завоевать еще как минимум парочку крепостей.

– Прощу тебя только об одном, сказал Горох, крепко обнимая Гран-Градуса на прощание, – сбереги этот замок. Кроме него у нас пока и нет ничего. Так, что, если, что – действуй по обстоятельствам.

Гран-Градус молча кивнул в ответ, хотя, что подразумевалось под фразой «действуй по обстоятельствам» ни знали, ни он, ни сам царь Горох.

Попрощавшись таким вот образом со своим другом, царь вышел, не оглядываясь, за ворота. Его объевшееся войско, с больными животами и раскалывающимися от вчерашней попойки головами, нехотя последовало за ним. Из захваченных трофеев завоеватели не взяли с собой ровным счетом ничего. Во – первых у них и своего барахла было навалом, – целая тележка. А во – вторых, ни кто не хотел тащить на себе лишний груз, тем более что все они надеялись пожить еще чем-нибудь при захвате следующего замка.

2.10.2.

Одни лишь бароны прихватили с собой из замка большой персидский ковер, да и то не для себя, а приспособив его как попону для своей свиньи. Еще им приглянулись огромные лосиные рога, висевшие в тронном зале над камином. Эти рога Батон, не долго думая, закрепил ремнями на голове все той же свиньи. Сделал он это не столько для красоты, сколько для увеличения ее боевой мощи. Теперь баронская свинья издали стала походить на гигантского древнего ящера – бронтозавра.

Поначалу Батон хотел было взять с собой еще много всякого барахла (картины, там всякие, бронзовые подсвечники, и все такое), но Шампиньон вовремя его остановил.

– Жизнь и так коротка, сынок. И не стоит захламлять ее всякой ерундой. Бери только то, что тебе и впрямь по душе. Батон подумал, подумал, и... решил идти налегке.

Таким вот образом завоеватели, окрыленные первым успехом, отправились завоевывать очередной бугорландский замок. На этот раз Царь решил не мелочиться, и ударить в самое сердце неприятеля – а именно – захватить столицу страны – замок Трунштейн. Тем более, что добраться до него теперь не составляла особого труда. От Горохшина (бывшего Музея) к Трунштейну вела прямая дорога из желтого кирпича. Вдоль обочины росли многочисленные кусты роз, правда еще не распустившихся. А для совсем уж непонятливых туристов были выставлены специальные указатели. И хоть указатели стояли задом наперед и слова на них были не совсем понятные – «вотевц агород», но завоевателей это ни чуть не смутило. Все же знают, что у этих иностранцев – все не как у людей.

Глава 11. Новая жизнь.

2.11.1.

Лишь только Горох со своим войском скрылся за горизонтом, как новые обитатели Горохшина, принялись обустроить свой быт. И хоть на душе у них было грустно и тоскливо,

они старались особо не думать о том, что их ждет впереди. Так было легче жить.

Гран-Градус, как начальник гарнизона, выбрал себе под апартаменты самую светлую и теплую комнату в замке. Хотя, справедливости ради следует сказать, что это была и не комната вовсе, а скорее небольшой зал. Все стены этого зала были увешаны всевозможными гобеленами, со сценками из средневековой жизни, на полу у камина лежала огромная медвежья шкура. С тех пор как Гран-Градус сделался первым царским помощником, он сильно полюбил уют и комфорт. А так же вкусно поесть и сладко поспать. Поэтому он первым делом приволок в свой кабинет самое мягкое кресло, которое только нашлось в замке, и доверху заполнил буфет всевозможными съестными припасами. Не забыл Гран-Градус и про теплый шотландский плед в черно-зеленую клеточку.

2.9.2.

И потекла у них жизнь тихо и размеренно. Распорядок в замке был такой. В девять часов утра, взяв из замковой библиотеки книжку, Гран-Градус заступал в дозор. На самом верху смотровой башни замка он устроил себе уютный наблюдательный пункт. Вдвоем с Керей они притащили сюда тяжелое дубовое кресло и резной столик для еды и напитков. Сидя в кресле и закутавшись в плед, Гран-Градус целыми днями осматривал близлежащие окрестности в трофейный бинокль, найденный им в одном из кабинетов замка. Когда

осматривать окрестности ему надоедало, Гран-Градус читал книжку или просто дремал в кресле. В шесть часов вечера его рабочее время кончалось и он спускался к себе в кабинет. Где продолжал читать все ту же книжку или дремал под тем же пледом, но уже у камина. Перерабатывать Гран-Градус не любил.

Керя же, занимался в основном хозяйственной деятельностью. Готовил еду на кухне, подметал двор, колол дрова или делал какой-нибудь мелкий ремонт в замке.

Жизнь в замке, таким образом, протекала мирно и спокойно, Все были довольны и счастливы. О том, что такое положение вещей не может продолжаться вечно, все, конечно же, знали, но старались особо не думать о том, что их ждет впереди. Сейчас им было хорошо, и это главное... – А там – будь, что будет...

Глава 12. А в это время на рыбалке... или – пленных – не брать.

2.12.1.

В Трунштейне же все шло по заранее обговоренному рыбаками плану. Рано утром, король Виргеум, с частью своих особо приближенных подданных, отправился, как и планировалось, на рыбалку. Предупредить королеву о своем походе король благоразумно не стал, справедливо считая это бесполезной тратой времени и нервов. Киса де Мура всегда крайне негативно относилась к таким вот отлучкам короля

из замка. Королева предпочитала, чтобы муж ее всегда находился в зоне видимости, и был занят делом, а не какой-то там бесполезной ерундой. Под «бесполезной ерундой» королева подразумевала любые действия короля, за исключением государственных дел и балов. Заниматься же все время только государственными делами королю давно уже надоело. И поэтому, он как мог, старался отлынить от этой своей пусть и почетной, но крайне обременительной обязанности.

Таким вот образом, на момент нашего повествования, из руководства страной в замке осталась одна Киса де Мура, которая любила с утра подольше поваляться в постели. Проснувшись, и не обнаружив во дворце своего супруга, королева страшно рассердилась. Однако выместить свою досаду королеве было не на ком, король был далеко, а остальные придворные благоразумно попрятались, кто как мог. Королеве пришлось даже завтракать в полном одиночестве, если не считать старую кухарку, которая накрыла ей на стол. Но с этой кухаркой даже королева предпочитала не связываться, ибо та была весьма бойка на язык, зарплата у нее была маленькая поэтому она ни кого и ни чего не боялась.

Наспех позавтракав, королева стала мысленно готовиться к предстоящему развлечению, т.е. к скандалу, который она устроит горе – рыбакам. Фрейлины за ее спиной горячо обсуждали, сколько тарелок разобьет королева на этот раз. Королева обожала бить посуду по любому поводу, даже самому незначительному. Особенно ей нравилось бить нежно-ро-

зовый фарфор из большого королевского сервиза. Виргеум один раз попытался было, в целях экономии, подsunуть ей сервиз из дешевой керамики, но получилось еще хуже. В место пола этот сервиз полетел тогда в него самого, после чего король сразу же понял, чем дорогой королевский фарфор отличается от дешевого ширпотреба. И больше с этим делом не экспериментировал.

2.12.2.

Тем временем рыбаки, так и не договорившись между собой об окончательном месте рыбалки, расположились на единственном в Бугорландии каменном мосту через речку Клячу. С этого моста можно было удить как мелкую рыбешку, так и довольно крупную рыбу. Таким образом, каждый из рыбаков мог ловить то, что ему больше нравится и все были довольны.

Особенно был доволен рыбалкой королевский мудрец – Али ибн Лура. Рыбаки как замороженные следили за поплавками, и не лезли к нему со своими дурацкими вопросами. Не имел оснований для недовольства и Корень, который в тот день превзошел самого себя. За двадцать минут неспешной ловли он поймал трех карпов, двух щук, и одного полутораметрового сома. И он поймал бы еще, да только Тортенсон, его непосредственный начальник, стал как-то нехорошо поглядывать на своего неугомонного подчиненного. И тогда Корень решил не испытывать судьбу и быстренько смотал

удочки. Тортенсон же, как ни старался, поймал в тот день всего лишь одного, правда, весьма шустрого окунька. Хуже всех, в этом смысле, пришлось королю, которому как всегда с поклевкой не везло. И это притом, что в арсенале у короля были всевозможные импортные блесна, воблеры, искусственные мухи, и многое чего еще. Да только все было без толку. Дело дошло до того, что Виргеум начал подумывать уже о динамите. Единственно, что останавливало его от такого опрометчивого шага, было то обстоятельство, что пару лет назад он сам – собственноручно подписал закон о запрете глушить рыбу динамитом. Сделано это было конечно не просто так, а под прямым нажимом Кисы де Муры, которой надоело каждый выходной слушать взрывы у себя под окнами. И хотя он, как король, мог нарушить любой закон, почему-то нарушать свой собственный закон Виргеуму не очень-то хотелось. Да и королева могла услышать шум от взрыва, отсюда до замка было не так далеко. К тому же всегда оставалась надежда, что рыба все-таки одумается, и клюнет на чудесную королевскую приманку.

2.12.3.

Внезапно из-за ближайшего пригорка показалось утомленное переходом Гороховое войско в своем ярко-пестром, клоунском одеянии. Заметив рыбаков, Шампиньон резко остановился, и радостно потер руки:

– Ух, ты! Аборигены! Причем целая куча! Берем всех ско-

пом, вместе с удочками.

– Отставить брать всех, поморщился царь Горох, у которого со вчерашнего похмелья страшно болела голова. – С этими пленными одна морока, – корми их, пои, гулять выводи по три раза в день. Опять же смотри, чтобы их права, не дай бог, не были бы нарушены. А ты вот знаешь, какие права у местных военнопленных? То-то. Да и тюрьмы у нас своей еще нет. В общем, так, решил царь, – пленных – не брать! В плен, этих чудиков возьмем чуть позже. Запомните место, – мы за ними потом вернемся. А пока что, перешел на шепот царь Горох, – всем идти тихо и осторожно, дабы не вспугнуть их ненароком. Солдаты в очередной раз остались довольны царским приказом, воевать с похмелья ни у кого из них особого желания не было. И клоуны, на цыпочках, проследовали по мосту.

Таким вот образом Горох упустил реальную возможность захватить в плен короля Виргеума и часть его особо приближенных подданных и тем самым одним махом решить судьбу всей военной компании.

А произошло это из-за того, что местного короля в лицо ни кто из клоунов не знал. Да и на Виргеуме, в это время, не было основной отличительной черты его от простых смертных – его королевской короны. Хотя в Бугорландии было целых две королевских короны – большая и малая. Большую корону, всю увешанную старинными рубинами и изумрудами, и от этого очень тяжелую, Виргеум одевал только по осо-

бо торжественным случаям, как-то – рождение детей, приезд официальной иностранной организации и т.д. и т.п. Малую же (облегченную) корону король одевал во всех остальных, менее значительных случаях. Но даже малая корона (что уж там говорить о большой) была несколько великовата для Виргеума, и постоянно натирала ему лоб. Поэтому король в повседневной обстановке старался, без особой на то надобности, корону не надевать, и таким образом внешне ничем особо не выделялся среди своих подданных. Да в этом и не было особой необходимости, королевство было маленьким, и подданные хорошо знали своего короля и без короны.

Для пришлых же завоевателей все аборигены были на одно лицо.

Ознакомиться с портретом короля можно было еще и на местных деньгах, да только вот этих денег завоеватели и в глаза не видели. В захваченном им музее было все, что угодно, кроме денег.

2.12.4.

Рыбаки, конечно же, заметили клоунов, на цыпочках проходивших мимо них, но не придали этому большого значения. Бугорландцы не больно-то жаловали заезжих туристов, и терпели их только за тот доход, что те приносили в королевскую казну. Вот и сейчас рыбаки сочли ниже своего достоинства отвлекаться от рыбалки ради каких-то там заезжих иностранцев.

Таким вот образом и произошла первая встреча главных

героев нашей истории. (Если, конечно, это вообще можно было назвать встречей).

Глава 13. Повторение пройденного.

2.13.1.

Прошло еще какое-то время, прежде чем завоеватели благополучно добрались, наконец, к главной королевской резиденции. Трунштейн, с военной точки зрения, представлял легкую добычу для завоевателей. В результате многочисленных перепланировок мощная когда-то цитадель превратилась нынче в пряничный дворец с нелепыми парадными лестницами, мраморными завитушками и кружевными беседками. И теперь издали Трунштейн напоминал старый пень, облепленный со всех сторон грибами- башенками.

И вот выстроившись в очередной раз напротив ворот Трунштейна Горохово войско приготовилось к бою. И хоть в этот раз Шампиньон лично протрубил в рог, Факс снимать его на пленку не стал, поскольку у него уже были отсняты кадры с трубачом. Так, что старому барону со съемкой в очередной раз не повезло, а он так надеялся попасть в кадр. А просить режиссера напрямую гордый Шампиньон не стал бы ни за что на свете.

У Факса же были свои заботы. Он с тревогой следил за солнцем, боясь, как бы оно опять его не подвело, и не скрылось бы раньше времени за тучами.

Между тем на призывный звук баронского рога из замка

опять ни кто не отозвался. «Одно из двух, решил царь, либо это очередной музей, либо они нас тут за дураков держат.» Тем не менее, от своих правил он отступать не стал и вновь решил послать гонца.

2.13.2.

Гонцом на этот раз вызвался быть Яшка Земляничка, который таким образом тоже захотел попасть в Факсовскую кинохронику. Только режиссер и его снимать не стал, решив поберечь пленку для более интересного момента.

Попрощавшись на всякий случай со всеми своими соратниками, вновь испеченный парламентар отправился к воротам замка. Заметив Дюбеля, мирно дремавшего у ворот, Яшка несколько растерялся. Он то надеялся, что как в прошлый раз в замке ни кого не будет, и он тихонько постучав в ворота героем вернется к своим. Встречаться же с вооруженным стражником, лицо которого к тому же было скрыто под мрачным капюшоном, в планы писаря ни как не входило. Поэтому горе-парламентар хотел было, покуда его не заметили, отступить назад. Но не тут-то было...

– Закурить не найдется? – хмуро поинтересовался Дюбель из темноты своего капюшона. Отступить было поздно, и писарь, достав из кармана мятую пачку сигарет, с некоторой опаской протянул ее стражнику, после чего закурил сам. Несколько минут они молча курили, наслаждаясь дымом крепкого солдатского табака. Потом, впрочем, понемногу разговорились.

– А, ты, чё такой грустный? – поинтересовался Дюбель у Яшки.

– Умирать не охота.

– Не охота – не умирай, логично заметил страж ворот. – Кто тебя заставляет?

Яшка ни чего на это не ответил, только посмотрел на стражника печальными глазами. Какое-то время они вновь молча курили.

– Как же хорошо жить, первым прервал затянувшееся молчание писарь. – Ты посмотри, – как прекрасно все вокруг. Какой тут воздух.

– По мне так лучше в помещении стоять, заметил в свою очередь, Дюбель. – Там сквозняков меньше, и дождь не капает. Нет, что ни говори, тут хорошо, а дома лучше.

При этих словах Яшка, вспомнив о своих парламентарских обязанностях, спросил у стражника напрямик:

– Кстати, а у вас сегодня – все дома?

– В каком смысле? – не понял Дюбель.

– В самом прямом.

– Да пошел ты! – огрызнулся стражник.

В ответ на это Яшка, отбросив окурочок в сторону, прямо на чистейший тротуар, хотя урна для мусора стояла рядом, с гордым видом заявил, чтобы все обитатели замка немедленно выходили на поле, биться – не на жизнь, а на смерть.

– Ты, что обиделся что ли? – удивился Дюбель. – Вот не знал я, что ты такой вспыльчивый. С тобой уж и поговорить

ни о чем нельзя, сразу драться лезешь. На, что Яшка заявил, что сам-то он ни каких претензий, ни к кому не имеет, лично ему и так жить осталось от силы пару месяцев, но вот его начальник, царь Горох сюда за тем и прибыл, чтобы драться со всеми.

– Его хлебом не корми, дай что-нибудь завоевать, добавил писарь для большей остратки.

Дюбель озадаченно почесал в затылке и, так ни чего путного не сообразив, кивнул на стоявшее вдалеке войско.

– Это они, что ли?

– Они самые.

– То – то я – то думаю, чего это они с утра орут там, и трубят не переставая. Демонстрация думаю какая-нибудь, или свадьба. А это оказывается вона что... – Ты, тогда это... – Постой здесь немного на воротах, предложил Дюбель писарю, – а я быстренько сбегаю, доложу обо всем кому следует. А то мне ворота одни без присмотра оставлять не положено. Хорошо?

– Ладно, уж, постою, согласился безотказный Яшка. – Только ты давай это, побыстрей... – Одна нога здесь – другая там. Мне, сам знаешь, время попусту терять нельзя.

2.13.3.

Не успел Яшка договорить, как стражника уже и след простыл. Только побежал он не докладывать, кому надо о царе Горохе, а напрямик в противоположную сторону – на королевскую кухню. Дюбель был опытный солдат, и знал, как из

любого поручения извлечь максимум пользы и выгоды для себя лично. Вот и сейчас, узнав о приближении неприятеля, Дюбель первым делом подумал об ... обеде. «Эти завоеватели так быстро не уйдут, трезво рассудил многоопытный стражник. – Не успеешь доложить о них, как сразу разборки всякие начнутся. Зачем пришли? Да что им тут надо? Пока начальство разберется со всем этим делом, столько времени пройдет, что и поесть толком не получится. А есть на скорую руку Дюбель ой как не любил. Так, что, решил стражник, завоеватели ни куда не денутся, пока я пообедаю не спеша. Последнее дело – обедать второпях».

Рассуждая таким вот образом, стражник добрался наконец до кухни. За себя Дюбель не переживал, зная, что всегда может отвертеться, сославшись на то, что он добросовестно искал начальство, искал, но не нашел.

На кухне Дюбель взял себе двойную порцию гуляша с картофельным пюре. Он всегда брал двойную порцию, пользуясь своим служебным положением. Ведь от его расположения многое зависело в нелегкой солдатской службе. Дюбель запросто мог взять, например, и не впустить чем-то не угодившего ему солдата (и не только солдата) внутрь замка, придравшись к какой-нибудь мелочи. И этот несчастный должен был стоять у ворот несколько часов кряду, в ожидании пока Дюбель не смилостивится и не впустит его вовнутрь. А в это время все его товарищи давным-давно уже отдыхали после тяжелого трудового дня. Поэтому все в зам-

ке предпочитали без особой нужды не ссориться со стражником, особенно во время приема пищи.

Тем временем, посолив обильно пищу (соль на кухне выдавалась бесплатно и в неограниченном количестве), Дюбель принялся жадно поглощать содержимое своей тарелки. Утолив первый голод, страж ворот стал жевать чуть помедленнее, тщательно смакуя при этом каждый кусок, и довольно урча. В его нелегкой солдатской жизни такие моменты случались нечасто, (всего три-четыре раза в день), но зато когда это происходило, Дюбель наслаждался по полной программе.

Покончив со вторым блюдом, Дюбель, все также не спеша, обменял у знакомого повара пачку сигарет на кулечек с ванильными пряниками. Помимо жалования всем бугорландским солдатам выдавались еще и сигареты, независимо от того, курят они, или нет. Некурящие солдаты обменивали сигареты на вино, либо на продукты, кто, что больше любил. Дюбель же, хоть и курил, но никогда при этом не пользовался своим табаком. Курил он только те сигареты, которыми его угощали сослуживцы. Свой же табак Дюбель всегда на что-нибудь выменивал. Вот и сейчас, выменяв сигареты на дополнительное лакомство, стражник принялся не спеша пить чай, макая в чашку с чаем жесткий ванильный пряник.

Покончив с едой, страж ворот собрался было вздремнуть немного у камелька, но тут, в коридоре послышались недовольные чем-то возгласы королевы. Дюбель нехотя поднял-

ся, смачно зевнул, сладко потянулся и пошел, наконец, докладывать.

Глава 14. «День закрытых дверей», или враг у ворот.

2.14.1.

Узнав о том, что неприятель стоит у ворот, а муж ее в это время околачивается неизвестно где, королева впала в неопишемую ярость. Она тут же велела Дюбелю закрыть центральные ворота замка и ни кого внутрь не впускать. Даже короля, пусть тот как хочет, так и выкручивается. Более того, на ворота замка королева велела вывесить объявление – «Сегодня в Трунштейне – День закрытых дверей». Киса де Мура временами была вспыльчивой и крайне мстительной королевой. Но ее можно было понять, она заботилась в первую очередь не столько о себе, сколько о престиже своего государства.

2.14.2.

Рыбаки же, вернувшись к обеду в замок, преспокойненько вошли в него через черный вход. Они всегда в таких случаях старались вести себя как можно тише и не заметней. Вот и сейчас, зная по горькому опыту, чем кончаются такие вот несанкционированные походы, горе – рыбаки тихонько разбрелись по своим комнатам -как будто ни чего и не произошло.

Глава 15. Клоуны не обижаются, – клоуны мстят.

2.15.1.

А Горох все ждал, и ждал противника, а противник все не шел, и не шел. Вернувшийся парламентар Яшка, тоже ни чего толком сказать не смог. Дюбель посоветовал ему зайти на следующей неделе, после чего быстренько захлопнул перед изумленным писарем ворота.

Ясно было одно – завоеватели в замке имелись, но как их вытащить оттуда Горох не имел ни какого понятия.

Его верноподданные клоуны ни чем помочь ему в разрешении этой задачи не могли. Это было не их дело, их дело – выполнять распоряжения руководства, а это самое руководство ни каких распоряжений не давало. Вторжение таким образом зашло в тупик.

2.15.2.

Киса де Мура всё искала своего мужа, а тот как мог, старался не попадаться ей на глаза. О том, чтобы самой возглавить оборону замка королева даже и не думала, считая, что каждый должен заниматься своим делом ее дело – вести светскую жизнь и поддерживать имидж государства. А военными делами должен заниматься тот, кому это и было положено по должности – т.е. ее муж.

2.15.3.

Горох же все бродил по округе в размышлениях о том как выбраться из создавшейся ситуации и ничего путного не приходило ему в голову. Не известно сколько он еще бы так ходил, и чем бы все это закончилось, наверняка ни чем хорошим, но тут ему повстречалась девушка, одетая в простое ситцевое платьице в зеленый горошек, что показалось Царю хорошим предзнаменованием.

– Вы меня не помните? – первой завела разговор русоволосая девушка. – Мы с вами недавно встречались, тогда еще дождь лил как сумашедший. И Вы тогда еще сказали, что давно знали о нашей встрече... – А потом куда – то исчезли. Гороху в очередной раз стало стыдно за такие свои поступки, поэтому он лишь угрюмо кивнул, и хотел было побыстрее уйти, но девушка не отставала.

– Не обижайтесь, я ни хотела Вас обидеть.

– Клоуны не обижаются, буркнул в ответ Горох, – клоуны мстят. Впрочем, Вас это не касается... – В смысле – к Вам это не относится.

– Жаль, искренне огорчилась девушка. – А я-то думала, что...

– Я бандит и завоеватель, деточка..., процедил сквозь зубы Горох.

– У вас глаза хорошие. Такие глаза не могут быть у плохого человека, не поверила царю девушка. – У Вас, наверное, что-то не получается, вот вы и сердитесь. Знаете, мне мама всегда говорила, если у тебя что-то не получается, отложи

это дело в сторону, и займись взамен чем-нибудь другим.

– Вы и в самом деле так думаете?

– Не знаю, я как-то не думала об этом, честно призналась незнакомка.

– И как же зовут тебя, прекрасная советница, несколько смягчившись поинтересовался у нее Горох.

– Шиповничек

– Спасибо, тебе, Шиповничек. Ты даже не представляешь, как мне помогла. Я тебя ни когда не забуду, прокричал царь, убегая прочь. Девушка же, печально вздохнув, пошла себе дальше одна.

А в это время царь Горох, подняв всех своих солдат по тревоге, увел войско прочь от Трунштейна. Но только лишь для того, чтобы завоевывать себе другой замок. Но об этом чуть позже, а пока ...

Глава 16. Срочная и всеобщая.

2.16.1.

Обратимся же пока к другому немаловажному персонажу всей нашей истории – королю Виргеуму. Какое-то время несчастный король скрывался от королевы на кухне, самом любимом его месте в Трунштейне. Но даже там он не мог чувствовать себя спокойно, поскольку королева прекрасно знала об этой его дурацкой привычке – околачиваться без дела на кухне. Там-то она и застукала короля за питьем чая с баранками.

– Враг у ворот, гневно воскликнула при этом королева, – а мой муж шляется не известно где. А я, бедная женщина, все должна делать сама. Извольте немедленно одеться, и ступайте на войну.

При этих словах Виргеум закашлял, поперхнувшись баранкой, но на королеву его кашель не произвел должного впечатления.

– Не надо, не надо вот этого, недовольно поморщилась королева. – Война она для всех... – война.

Так что Виргеуму ни чего не оставалось, как всерьез заняться приготовлениями к войне. Даже чаю не допив. При этом король так и не рискнул спросить у королевы, одному ему следует идти на войну или можно взять с собой еще и войско. Ну, или хотя бы часть его. После некоторого раздумья король решил, что одному ему воевать будет как-то несподручно. Оно и понятно – гурьбой воевать веселее, есть вероятность, что тебя могут и не заметить в толпе.

Успокоенный таким доводом, Виргеум тут же объявил о всеобщей и скорейшей мобилизации. Иными словами, он приказал всем своим верноподданным, (тоном почти не терпящем ни каких возражений,) оставить все свои дела, и немедленно собираться вместе с ним на войну.

Верноподданные короля тут же засуетились, забегали, стараясь успеть при этом сделать несколько дел сразу. Издревне подготовка к войне в Бугорландии занимала подчас времени не меньше, чем сама война. Поскольку перед тем,

как отправиться воевать, практичным бугорландцам нужно было успеть сделать очень много дел. И в первую очередь им нужно было привести в порядок все свои финансовые дела. А именно – взыскать долги, (если таковые имелись), потратить взысканные долги (если таковые удалось взыскать), потратить все свои сбережения (если таковые имелись) и т.д., и т.п.

Жениться! – в конце концов! Неизвестно по какой причине, но перед войной количество свадеб в Бугорландии значительно увеличивалось. Объяснить этот факт ни кто из бугорландцев не мог, и все списывали это на старую бугорладскую традицию. Бугорландцы всегда, когда не могли объяснить тот или иной свой поступок, списывали его на старую бугорладскую традицию.

Еще было бы неплохо успеть продать что – либо не нужное, чтобы на деньги, полученные от продажи ненужного, напоследок хорошенько повеселиться. Бугорландцы прекрасно понимали, что с войны вернутся далеко не все, а значит, и деньги им могут больше не понадобятся. Вот они и расставались с ними легко и непринужденно. Справедливости ради нужно заметить, что это был единственный случай, когда бугорландцы расставались с деньгами легко и непринужденно.

Помимо денежных вопросов, бугорландцам нужно было решить еще один немаловажный вопрос, а именно – подыскать себе подходящее, и самое главное – боеспособное оружие, что сделать было совсем не просто. Все оружие в Бу-

горландии было старое, если не сказать старинное, и висело оно на стенах замков в основном для украшения этих самых стен.

Бугорландцы не воевали уже много лет, поэтому современных образцов оружия в стране не имелось вовсе, старые же образцы остались только потому, что прижимистым бугорландцам попросту жалко было их выкидывать. Заступавшие в караул солдаты, хоть и брали с собой на пост старинные мушкетеры и аркебузы, но это опять же была дань скорее традициям, чем жизненная необходимость.

Хотя, если говорить честно, такое положение вещей было далеко не всегда. Когда-то, много лет назад, бугорландцы были не прочь кого-нибудь убить или ограбить. И когда карманы их пустели, а пустели бугорландские карманы в те далекие времена довольно часто, бугорландцы становились крайне нервными и обидчивыми аборигенами. И начинали ссориться друг с другом по всякому пустяку. И тогда бугорландские жены отправляли своих мужей в какой-нибудь небольшой грабительский набег на соседние страны, для того, чтобы те немного развеялись там, а заодно и пополнили семейный бюджет.

Но со временем воинственный пыл бугорландцев стал потихоньку утихать, и они все реже и реже покидали пределы родного государства. Официальной датой окончания завоевательских походов считается тот знаменательный год, когда неизвестный бугорландский солдат, написал своей кро-

вью на боевом знамени: – «Мама, я хочу домой». И, хотя некоторые злые языки утверждали впоследствии, что это и не кровь была вовсе, а клюквенный сок, тем не менее, факт остается фактом. Остальные солдаты с радостью поддержали этот популистский лозунг, самовольно вернувшись домой, к своим семьям. И с тех пор бугорландцы если и ходили изредка в набеги на соседние государства, то только на их рынки и магазины во время сезонных распродаж.

Учитывая все вышеизложенное, а также тот факт, что Виргеум и сам не брал в руки оружия, (за исключением охотничьего, но оно сейчас не в счет) с момента своей учебы в институте, то не было, ни чего удивительного в том, что, ни он сам, ни его подчиненные, ни как не могли быстро собраться и вооружиться. И потому вся эта всеобщая неразбериха затянулась до самого обеда.

Особенно тяжело пришлось королю. Сначала он ни как не мог найти свои армейские ботфорты, в которых испокон веков воевали все его предки. Ботфорты эти были сделаны из толстой бизоньей шкуры мехом внутрь, и практически не имели сносу. Тем более что одевали их бугорландские короли только во время военных действий. Такова была местная военная традиция. Без этих ботфорт ни о каких военных действиях не могло быть и речи. Зная это, Виргеум отыскивать ботфорты не спешил.

Видя, такое дело, Киса де Мура подключила к поиску ботфорт всех своих придворных. Наконец совместными усили-

ями ботфорты были обнаружены на чердаке, где они лежали уже лет сто, покрытые многолетним слоем пыли. Осталось найти остальное обмундирование, в том числе оружие и доспехи. Часть вооружения нашлась на кухне, где их в свое время забыл папа Виргеума – Леопольд Простодушный, который тоже больше любил околачиваться на кухне, чем сражаться на бранном поле. Забытое им оружие кухонная прислуга быстренько приспособила под свои личные нужды. Так, знаменитым некогда мечом Синекуром поварята рубили мясо, а фамильный рыцарский щит повариха приспособила для варки варенья и мармелада. Больше же всего досталось старому доброму шлему, в нем теперь хранился чеснок. И сколько потом не мыли шлем с мылом и хлоркой, до конца отбить стойкий запах чеснока так и не удалось. Что явно не добавило королю хорошего настроения. Остальные доспехи нашлись в огороде, где они своим грозным видом отпугивали ворон.

И вот, облаченный в боевые доспехи, и поддерживаемый с двух сторон расторопными придворными, Виргеум вышел, наконец, на поле брани. И тут-то выяснилось, что от Гороха с его войском и след простыл. Этого король вынести уже не смог, и первый раз в своей жизни прилюдно нецензурно выругался:

– Гребанный экибастуз! И за что мне такие мучения?

Оглядев еще раз простиравшееся перед ним пустое поле, король добавил в сердцах:

– Я всегда говорил, что – «если хочешь поработать, – ляг – поспи и все пройдет», и с чистой совестью отправился на кухню допивать свой остывший чай.

2.16.2.

На кухне король несколько расслабился, позволив себе снять шлем и перчатки. Остальные доспехи он снимать не стал, показывая, таким образом, Кисе де Муре, что он вовсе не отлынивает от своих военных обязанностей, и готов в любой момент выступить в поход. Пусть враг только появиться вновь. А пока врага нет, он имеет полное право спокойно выпить чаю.

В большой королевской столовой чай пили строго по расписанию, и если король хотел попить чай в неурочное время, он вынужден был спускаться на кухню и пить его там. Такое положение дел короля вполне устраивало, пить чай на кухне ему нравилось даже больше, чем в столовой. Тут не нужно было соблюдать всякие там придворные церемонии, при которых чай всегда неизменно остывал, а он любил пить горячий чай с лимоном, в отличие от Кисы де Муры, которая любила пить теплый чай с молоком.

Глава 17. Новый подход к старым проблемам.

2.17.1.

Пока Виргеум пил свой чай, Горох тоже зря время не терял, и в спешном порядке подошел со всем своим войском к

очередному бугорландскому замку. Замок этот был выбран Горохом не случайно, из всех обозначенных на карте замков он был самым маленьким. Настолько маленьким, что на карте он обозначался всего двумя буквами – «БТ». Этот маленький замок Горох надеялся захватить быстро и без проблем.

Не тут-то было. Хоть на воротах замка и было написано крупными буквами «Добро пожаловать», сами ворота, как и все предыдущие замковые ворота, оказались закрытыми перед завоевателями. Это было какое-то наваждение – третий замок и третьи запертые – ворота.

Когда-то, очень давно, один умный человек заметил, что история только и делает, что повторяется. Вот и сейчас все повторилось вновь. На призывный зов трубы опять ни кто из замка не откликнулся. Трубил в этот раз вновь Шампиньон в надежде, что Факс все – таки одумается, и заснимет его на пленку. Только его желанию и на этот раз не суждено было сбыться, Факс даже не расчехлил свою кинокамеру. Разозленный Шампиньон в сердцах зашвырнул трубу в кусты, где ее тут же подобрал и припрятал у себя хозяйственный Маргадон.

Горох же на этот раз не стал впадать в хандру и уныние, наоборот, сильно разозлившись на негостеприимных бугорландцев, он решил не посылать больше к ним ни каких парламентариев, а взять этот замок хитростью. Хитрость царя заключалась в том, чтобы вместо парламентария послать в замок лазутчика, который должен был незаметно перелезть

через высокую стену замка и открыть завоевателям ворота изнутри.

Таким лазутчиком вызвался быть Мороз, самый безбашенный из завоевателей, которому Горох пообещал, в случае удачного исхода, подарить любую вещь из захваченного замка.

А т.к. приставной лестницы у завоевателей не было, то для того, чтобы перелезть через крепостную стену, Мороз воспользовался услугами своих товарищей по оружию. Для начала высокий и толстый Хомяк стал лицом к крепостной стене, широко расставив при этом ноги. На плечи Хомяка взгромоздился высокий и тощий Цап Царапыч, а уж с его плеч Мороз легко взобрался на гребень замковой стены. Закрепив заранее прихваченную с собой веревку за зубец амбразуры, Мороз благополучно спустился по ней вниз, но уже по другую сторону замка.

2.17.2.

И первое, что Мороз увидел внутри замка, был плакат, на котором крупными буквами было написано – «Внимание! Всем казнимым, срочно, (до казни), пройти флюорографию!» Думать над смыслом этого плаката у Мороза не было сейчас ни времени, ни желания. Он осторожно огляделся вокруг в поисках ворот, которые снаружи были у всех на виду, а вот внутри куда-то запропастились.

В замке, в это время, тоже не дремали. Местный житель,

сидя на скамеечке у колодца с интересом наблюдал за тем, как черно-белый котик с сигарой в зубах охотился на воробьев, беспечно барахтающихся в пыли. Однако охота в этот раз у котика явно не удалась. Как ни пытался кот незаметно подкрасться к воробьям, как не прижимал спину к земле, все оказалось напрасным. В самый последний момент кот был обнаружен и вся воробьиная стая, вспорхнув на близлежащую ветку, стала оттуда поносить, на чем свет стоит незадачливого охотника. Кот же сделал вид, что он и не охотился вовсе, а просто разминался после сна.

Тут кот заметил осторожно крадущегося вдоль стены Гороховского лазутчика. Выплюнув сигарету на землю, и задржав хвост трубой, котик со всей прыти подбежал к Морозу и принялся тереться об его ноги, блаженно урча при этом на весь двор. Мороз попытался тихонечко отодвинуть кота от себя, но тот и не думал уходить, лишь еще громче при этом заурчал.

Тут, наконец, и местный житель, заметил, непрошеного гостя. Осторожно подкравшись к нему сзади, он ткнул стволом мушкета Морозу в спину и радостно произнес – «Попался, гад».

Горе – лазутчику ни чего не оставалось, как подняться, в растерянности, руки.

Глава 18. Гриффусс, или «с вещами – на выход».

2.18.1.

Завоеватели ждали, ждали Мороза, а тот все не шел, и ворота не открывал. Наконец, когда ждать уже не было больше сил, Горох решил послать еще одного лазутчика. Добровольцу он пообещал подарить любую вещь из захваченного замка. А когда желающих не нашлось, добавил в придачу к этому еще две пачки сигарет. Бедняга Фиштулла перед такой наградой не устоял, перелез через стену, и тоже пропал. Видя такое дело – клоуны сильно приуныли. И тогда Горох решил отправиться туда лично.

– Ваше величество, Вы, что – с ума сошли? – испуганно пролепетал Хомяк. – Оттуда же не возвращаются.

– Иди-ка ты... на кухню, разозлился не на шутку Горох. После чего, оглядев понурых завоевателей, царь добавил:

– Если через двадцать минут я не вернусь, идите в Горохшин к Гран-Градусу, он Вас не бросит.

– Ваше Величество, заскулил Хомяк, – да на черта Вам сдался этот замок? Давайте лучше вернемся, ... пока не поздно. Нам одного Горохшина вполне хватит.

– Тебе, может быть, и хватит, а вот Морозу и Фиштулле уже нет. Да и мне тоже, процедил сквозь зубы Горох, осторожно взбираясь на стену.

2.18.2.

И уже по ту сторону крепостной стены царскому взору открылась совершенно неожиданная картина. Мороз, Фиштулла и местный абориген сидели на скамейки у беседки, и

оживленно о чем – то беседовали. Точнее Фиштулла и абориген мирно беседовали о чем-то между собой, а скотина Мороз лежал у их ног в стельку пьяный. На скамейке стояла початая бутылка водки, в окружении трех граненых стаканов. Еще две бутылки, уже, правда, опорожненные, валялись рядом на траве.

– Наливай – давай, пробубнил местный абориген Фиштулле, еле ворочая языком. – Пользуйся моментом, что у меня сегодня, ик... выходной. А то бы...ик... не сидели... бы вы...ик.. сейчас здесь со мной. А ...ик... сидели бы... в другом ... ик...месте... – У меня... знаешь ли.... не забалуешь... – Я...ик... с заключенными не пью.

– Я... ик... тоже, ответил ему Фиштулла, они чокнулись, и выпили.

– Завтра... вот..., с утречка, выйду на работу...ик... и оприходуя вас всех... по полной программе, не унимался абориген. – Вот тогда вы у меня... ик, попляшете... – А сегодня, абориген сделал широкий жест рукой... – Разрешаю... – гуляйте, ик... на всю катушку.

– А что сегодня., ик... выходной, что-ли?– удивился Фиштулла. – У нас, вот, рабочий день... ик... мы замки... ик... завое... вываем...

– У меня тоже ... с утра был рабочий... – признался абориген. – А вот когда ко мне через стену клоуны полезли, – сразу понял... ик... – что сегодня – ик... выходной.

Абориген хотел еще что-то сказать, но тут он заметил Го-

роха.

– О... вот еще ... один... из вашей братии пожаловал, обрадовался он очередному посетителю.

Горох же, не обращая внимания на провокации со стороны врага, осторожно, на цыпочках подошел к маленькой калитке в воротах и быстренько отодвинул засов. Посторонившись, он пропустил в тюрьму (а это была самая настоящая тюрьма, которую Горох по неопытности принял за замок) все свое немногочисленное войско. Включая баронскую свинью, пони и ослика с тележкой.

2.18.3.

Абориген, видя такое дело, с трудом приподнявшись, подошел заплетающимися шагами к калитке и запер ее на засов и два замка.

Удивленные клоуны обступили аборигена со всех сторон, и принялись разглядывать его с нескрываемым интересом. Местный обитатель был невысокого роста, довольно полноват, и с большой залысиной на макушке. И то ли от выпитого, то ли еще по какой иной причине, только абориген смотрел на захватчиков без всякой робости и страха, и только по идиотски улыбался.

– Там, что... грузовик с клоунами перевернулся что-ли? – наконец спросил он.

Сидевшая на плече у режиссера ворона, вдруг встрепенулась вся, и коряво прокаркала:

– *Бывает и хуже...*

– Ни фиги себе, удивился абориген, от неожиданности даже перестав икать. – Какой большой воробей. Сроду таких не видел, мутант, наверное. Где мое ружье? – и абориген принялся рыться в своих карманах в поисках ружья. Клоуны с интересом наблюдали чем закончатся его поиски.

Тут в дело вмешался режиссер, вовсе не желавший рисковать жизнью своей помощницы. Тем более, что глупая птица сидела у него на плече и улетать явно ни куда не собиралась. Наведя объектив своей кинокамеры на аборигена, Факс громкогласно объявил:

– Ввнимание! Ннначинаем съемку ннного фильма под нназванием – «Еще один кккадр»! Кккадр первый, дубль пппервый! Снимаем сссцену встречи. Пппредставьте, поожалуйста, обратился Факс непосредственно к аборигену.

– Рано мне еще представляться, все так же по идиотски улыбаясь, ответил абориген, слегка качнувшись. – Я еще пожить хочу.

– Да ты, как я погляжу шутник, заметил царь, несколько разозленный тем, что Факс опять влез впереди него. – Если хочешь еще пожить, отвечай нам без утайки, что это за замок, какова численность местного гарнизона, основной калибр пушек .. – Ну и так далее...

– Так далея?– не понял абориген. – Чего далея?

– И этот под дурака косит, разочаровано выключил камеру Факс. – Они тут все под дураков косят. Может у них тут

эпидемия какая?

– Ни какая тут не эпидемия, разозлился окончательно Горюх. – Они просто драться не хотят. Впрочем, народу тут и впрямь нет..., испугано осекся царь. – Слушай, это часом не музей?

– Типун тебе на язык, огрызнулся абориген. – Какой к черту музей... – Вот она – современная молодежь. Вам бы только музеи...ик, подавай, да танцульки там всякие. Ни чего святого... ик, не осталось. Уже и сюда...ик, добрались.

– Зайдем с другой стороны, не отставал царь. – Скажи-ка нам, любезнейший, а где мы сейчас находимся?

– Здесь, уверенно заявил абориген.

– Что здесь, не понял царь.

– Сейчас вы находитесь... ик – здесь

– Ну, это понятно, а где конкретно? – Как вот это все, царь обвел вокруг руками. – Как вот это все называется?

– Ну, замялся абориген. – Так сразу сложно... ик... сказать

– Не тяни резину, разозлились завоеватели, – говори скорей, куда мы попали?

– У нас это место не особо почитается, замялся абориген. – Но я рад любым гостям... Ик.. – Даже клоунам...

– Так где же мы? – заорал в сердцах царь. – Говори! – А не то я за себя не отвечаю...

– Вы...абориген осторожно огляделся по сторонам, – в тюрьме, друзья мои, признался наконец абориген.

Вокруг установилась мертвая тишина.

– Где? – ошарашено переспросил Горох.

– Да, да, заорал в ответ разозленный абориген. – В тюрьме.

Не хотел я вас расстраивать раньше времени, но вы сами...
ик... пристали... – Говори, говори...

– Ну и как, добавил он чуть погодя, – лучше вам стало?

Все молчали, ошарашенные услышанным.

Первой среагировала ворона, прокаркав свою сакраментальную фразу:

– *Бывает и хуже...*

– Опять он прилетел, взмахнул руками абориген. – Дайте-ка мне камень, да побольше. Режиссер с досады спихнул ворону со своего плеча, и та с диким шумом перелетела на ближайшую ветку.

– Ваше Величество, пойдете отсюда пока не поздно, потянул Яшка-писарь царя за рукав.

– Постойте, сделал царь последнюю попытку, – у меня тут на карте ни какой тюрьмы нет. Здесь вот стоит значок населенного пункта и название его – БТ.

– Правильно, БТ – это, ик... сокращенное название Бугорландской...ик, тюрьмы. Местные... ик, не любят указывать ее на карте полным именем, стесняются.

Царь окончательно смутился, попасть в тюрьму таким вот образом он ни как не ожидал. Видя замешательство царя, клоуны-солдаты стали потихоньку пятиться к выходу. Однако ворота как всегда оказались закрытыми на замок.

– Да, что это за страна такая, возмутился царь. – Все у них, понимаешь, под замком. Воруют у вас тут что-ли?

– Просто, ик, традиция, – пояснил абориген. – Раньше много, ик, воровали, сейчас уже не то – разучились...

Горох же, мрачно посмотрев на многочисленные засовы на воротах, добавил:

– Мало того, что войти, здесь, ни куда не войдешь, так еще и выйти – не выйдешь.

– Отсюда так просто...ик, не уходят, зловещим голосом прохрипел им вслед абориген. – Попасть сюда легко, а вот выйти...ик, намного сложнее. По себе знаю, я ведь тут без малого сорок...ик, лет отбарабанил.

– Ох, бедняжка, вздохнул Яшка-писарь. – Тяжело тебе, небось, пришлось.

– А ты как думаешь, одному в тюрьме сидеть ох как не сладко. По душам поговорить и то не с кем. Одни пауки да...ик, крысы вокруг. Так, что оставайтесь-ка вы лучше тут. У меня здесь...ик, хорошо, тихо, спокойно, как в ...

– Как в могиле, оборвал его цветастую речь Горох. – А ну, живо открывай ворота, коли жизнь дорога. Абориген нехотя направился к калитке, доставая на ходу из кармана связку ключей.

Тут ворона вновь не выдержала, и прокаркала откуда-то сверху:

– *Бывает и хуже...*

– Куда уж хуже, возмутился царь. – До тюрьмы докати-

лись... – А ты, обратился Горох к режиссеру, – следи лучше за своей птицей, – а то она у тебя совсем базар не фильтрует.

– Базара нет, начальник, пробормотал тут Мороз, силясь приподняться с земли. – Пока я тут фраерка отвлекаю... – Пошманяете... хабарок какой. Зря что-ли мы сюда зафортачили...

– И точно верно, дело превыше всего, – при этих словах, Факс включил камеру, и как ни в чем не бывало, обратился к местному жителю:

– Расскажите нам, любезнейший, – кто Вы, откуда, и за что попали сюда?

Абориген, увидев, что его снимают, в который раз по идиотски улыбнулся, поправил рукой остатки своей редкой шевелюры, и заявил:

– Зовут меня...ик, Грифусс, пишется с двумя...ик, «С». А попал я сюда, так же как и все – не за что... – Случилось это...ик, как сейчас помню, без малого 40 лет тому назад. В тот теплый... ик.. летний июльский день был я не то, что сейчас – молодым, ик... высоким, стройным юношей, вот с такой вот... ик... пышной шевелюрой. И случилось со мной тогда... ик... несчастье... – Хотя кто его знает, может быть и совсем наоборот... – В общем – разбил я ...ик, по глупости одно стекло. Да и стекло-то это было не такое уж и большое, можно сказать совсем крошечное... ик... стеклышко.

– Неужели в этой стране за разбитое стекло на 40 лет в тюрьму сажают, ужаснулся Хомяк. – Тогда, что же нас ожи-

дает...

– Нас ожидает почет и слава, огрызнулся Горох. – А ты постеснялся бы врать в камеру, заявил царь аборигену.

– Куда врать? – не понял Грифусс, – в какую именно камеру? У меня их здесь много.

– В кинокамеру не ври, дурень, более спокойно пояснил царь.

– А я и не вру я ни сколько, обиделся абориген, – вам любой подтвердит, что все так и было. Ведь то стекло, что я разбил, в очках было, а очки...ик, были на лице одной...ик, высокопоставленной особы. Так, что поделом мне тогда дали месяц... ик, тюрьмы.

– Да ведь ты только, что сказал при всех, возмутился царь, – что отсидел здесь сорок лет.

– Не отсидел, обиженно поправил Грифусс, – а отработал. Честным...ик, трудом... – Да...ик, 40 лет, как копейка в копеечку. И ни награды тебе за это... ик... ни звания, ничегошеньки. Где, скажите мне на милость тут эта, как ее... ик, всегда забываю это слово... – А, вспомнил – справедливость?

– Так ты, что, работаешь здесь, что ли?

– Ну, да, я же говорю, сорок лет... ик, как копейка в ...

– И кем же ты тут ... работаешь, не унимался царь. – Уж не палачом ли?

– Тсс, приложил палец к губам Грифусс. – Местные... ик, ужас как не любят таких слов. Они предпочитают говорить

– исполнитель приговоров.

– Да какая разница – хрен редьки не слаще...

– Не скажите... – обиделся Гриффусс. – Одно дело – палач, есть в этом слове что-то отвратительное, противозаконное. А вот – исполнитель – совсем другое дело... – Он исполняет то, что должен исполнять, по трудовому договору. Хотя я давно уже замечаю, что нас, ик, исполнителей, ни кто не любит, а за что? Я за всю свою жизнь ни одного... ик, закона не нарушил, ну, не считая того стекла. А, что имею... ик, взамен, – сорок лет не вылезаю из тюрьмы, и все меня за это еще и... ик, попрекают. А я ведь только исполняю решение суда. Судью, приговоривший подсудимого к смерти, ни кто не считает злодеем и... ик, негодяем. Зато мы... ик, исполнители – все до единого выродки, и... ик, изгой. Или вы считаете, что к смерти приговаривают невинных людей? Если смертная казнь предусмотрена... ик, законом, значит это – законное дело. Так почему же нашу работу считают отвратительной и ... ик, поганой, а?

– В твоих словах есть определенный резон, вынужден был согласиться с палачом Горох. – Только можно подумать, что ты гордишься своей работой.

– Не просто горжусь, я свою работу, ик... люблю!

– Мы свою работу тоже любим, можем часами на нее смотреть, сострил кто-то из завоевателей.

Гриффусс же шутки не понял, и заявил на полном серьезе:

– Мы – ведь, как... ик, врачи, очищаем общество от всякой

гнили и отбросов.

– Это точно, злорадно заметил Фиштулла, лютой ненавистью ненавидевший всех врачей. – Что врач, что палач – все едино.

– А Вы думаете, не унимался Грифусс, – легко быть палачом? Вы думаете, человека легко казнить? Попробуйте, а я посмотрю, что у вас из этого получится.

– Да врачу человека убить – раз плюнуть, вновь перебил палача Фиштулла. – Ему и топором махать не нужно, выпишет рецепт – и дело с концом.

– А вот настоящий исполнитель так ни когда не поступит, возмутился Грифусс. – Он бумажной волокитой не занимается... – Для него... ик... для настоящего исполнителя – человек всегда на первом месте.

– А вот у врачей...

– Да достал ты меня уже своими врачами, возмутился Грифусс. – Ты, кто такой – санитар... ик... небось?

– Сам ты санитар, обиделся Фиштулла. – А я – фельдшер.

– Ну, тогда сиди ... в смысле – стой и помалкивай... – Пока не посадили. Настоящий исполнитель, – не какая-нибудь там бездушная машина, нет, он – сопровождающий. Он сопровождает в последний путь приговоренного к смерти. И только от нас зависит, каким он будет этот его последний путь. Легким и красивым или... – Не хочу об этом даже говорить. Немного помолчав, Грифусс не удержался, и продолжил:

– В нашем деле нужны и чувство юмора, и такт, и глазомер, и сноровка, ну и крепкие нервы, конечно. А еще нужна каждодневная и постоянная...ик, тренировка. Лично я вот каждый день по два часа...ик, тренируюсь, час до обеда и час перед ужином. От таких слов бедным завоевателям стало совсем не по себе, и будь тюремные ворота открыты, они бросились бы отсюда прочь.

– То-то же у него тюрьма такая пустая, с дрожью в голосе прошептал Цап Царапыч. – И нас не хочет выпускать... – Вали его ребята, заорал он вдруг во всю глотку.

Тут, опомнившись, клоуны набросились на незадачливого палача, и быстро связали его по рукам и ногам. Горох, вплотную подойдя к палачу, заглянул ему прямо в глаза, и грозно спросил:

– Ну, а трупы ты куда деваешь?

– Какие еще...ик, трупы? – не понял Гриффус.

– Трупы тех, кого убил.

Палач поник головой, потом прошептал:

– Ничего-то вы не поняли. Я вам о душе толкую, а вам только трупы подавай. Хорошо, я все скажу, только уберите камеру. Факс сделал вид, будто бы выключил кинокамеру.

– Мне стыдно в этом признаться, зашмыгал носом Гриффус, – но за все эти годы я не казнил ни одного даже самого завалящегося преступника.

– Но почему? – не поняли завоеватели.

– Здесь это не принято.

– Но ты же сам только, что сказал, что тренируешься каждый день.

– Да, тренируюсь, на чурбаках, признался Грифусс, и горько заплакал. Завоевателям даже стало его немножко жаль.

– Ты, что и впрямь здесь сорок лет... оттарабанил? – сочувственно спросил палач Яшка.

– Правда, ответил Грифусс, вытирая слезы. – Я даже на палача, то есть на исполнителя приговоров и то, учился заочно.

– Но ты ведь мог уйти отсюда в любое время

– Мог, конечно, только куда? У меня ведь нет ни родственников, ни знакомых.

– А, ты еще, что-нибудь, кроме... рубки дров делать- то умеешь?

– Веревки могу завязывать, любым узлом. Даже с закрытыми глазами. Костер могу с одной спички зажечь, при любой погоде, хоть в дождь, хоть в снег. Ведь казнь должна состояться при любой погоде.

– Ну, ты и кадр, удивились завоеватели.

– Да я такой, согласился с ними Грифусс, вытирая рукавом слезы. – Единственный... и неповторимый.

Когда же клоуны спросили, в чем же заключается его неповторимость, Грифусс ответил без всяких обиняков, что каждый человек в этом мире, единственный и неповторимый. А он еще, к тому же пофигист, или пацифист. Сейчас в

таком состоянии палач точно не мог вспомнить кто именно.

– Ну, а вот, предположим, хобби у тебя есть? – задал очередной провокационный вопрос режиссер.

– А как же, обрадовался Грифусс, – конечно есть. Какой же палач обходится без хобби. Мое хобби это яды, я знаю тысячу рецептов. Хотите попробовать? У меня на любой вкус имеются. Вам какой яд больше нравится – со вкусом малины или черешни? А может лимонный, или ванильный? Однако попробовать яды завоеватели наотрез отказались.

– Напрасно, напрасно, неодобрительно покачал головой Грифусс. – Яд в малом количестве безвреден, а в правильной пропорции даже полезен для здоровья. Я всегда говорил, говорю и буду говорить, что яд – это тоже лекарство, – нужно только меру знать.

– Вот, вот, а врачи меры не знают, вновь встрял было Фиштулла, но на него сердито зашикали остальные и он замолчал.

– Про яды не интересно, ты лучше про тюрьму нам расскажи, попросили клоуны. – Чем ты тут все это время занимался?

– Когда у меня еще были заключенные, в далекой преддальней молодости, мечтательно произнес Грифусс, – чем мы с ними только не занимались... – Лучше и не вспоминать... веселое было время. И он стал перечислять, загибая пальцы – Образованием мы с ними занимались, физкультурой занимались, общественным и полезным трудом тоже занимались.

Когда-то я им даже курс лекций читал по истории тюремного дела. А какие они у меня подкопы рыли на практических занятиях, как решетки перепиливали, просто загляденье. А еще мы с ними на уроках труда изготавливали из подручных материалов (ложек, вилок, и гвоздей) всякие режущие и колющие инструменты, а из одежды – веревочные лестницы. Потом они все это прятали, а я находил... почти всегда. Только все мои заключенные давно уже освободились, грустно заметил палач, – один я не освободился... Здесь, наверное, меня и похоронят. Может быть, хоть тогда меня оценят, пусть хотя бы после смерти эту тюрьму назовут в мою честь.

– Да, что ты все о смерти, да о смерти... – Как будто больше и поговорить не о чем... – Есть тут у тебя еще что-то интересного? – продолжали допытываться завоеватели.

– Тут, у меня, от моих бывших заключенных, остались кое-какие вещички, на память. Вот подумываю на досуге устроить у себя что-то типа выставки или даже – музея.

– Даже и не думай об этом, резко оборвал палача Горох. – Музеями мы сыты по горло. Что за страна такая, – одни музеи. Что не завоеешь, все музеем оказывается... – А потом будут говорить, что, дескать, царь Горох культуру разрушает.

На что палач заметил, что это в первую очередь будет все же тюрьма, а уж потом только музей, но ни кто его больше уже не слушал.

– Ты мне своими байками совсем голову заморочил, заметил царь. – Признавайся честно, есть еще кто-нибудь в тюрь-

ме или нет?

– Да как вам сказать...

– Говори, как есть!

– Есть тут один, нехотя признался Грифусс, – правда он того..., немного неучтенный. Посадил я его на свою голову без суда и следствия, в смысле без документов... – Очень уж скучно мне было. Но он так просился, так просился, чтобы я его впустил.

– Диссидент, что ли? – не понял Горох

– В моей тюрьме, обиделся Грифусс, – попрошу не выражаться,

– Деревня – ты, рассмеялся Горох. – Во-первых тюрьма эта больше не твоя, а наша, в смысле – моя. Решил я ее приватизировать, уж больно красочно ты нам ее описал. А во-вторых – диссиденты тоже люди... Только не такие как мы...

Грифусс удрученно уставился на Гороха, потом пробубнил:

– Ну, не знаю – сидент он или не сидент, а вот впустил я его зря, это точно. До него сроду ни каких проверок не было.

– Хорош болтать, в какой камере сидит наш собрат по духу?

– В самой дальней, у туалета.

2.18.4.

Завоеватели со всех ног помчались открывать эту камеру, но там их ожидал неожиданный сюрприз. В дальней камере, у туалета, они обнаружили того, кого ни за что не ожидали

здесь увидеть – Бороду, собственной персоной. Облаченный в стеганный халат, Борода сидел в мягком кресле, у ярко на-топленного камина, и безмятежно читал прошлогоднюю га-зету. На журнальном столике перед ним стоял незатейливый ужин, – плов из курицы и компот.

– Это опять вы! – заорал Борода, взбешенный появлением в своей камере непрошенных гостей. – Ну, нигде от вас покоя нет, уже и до тюрьмы добрались.

– А ты, что здесь делаешь? – удивились завоеватели.

– Я здесь живу теперь.

– Теперь мы здесь будем жить, резко перебил его Горох. – А ты давай, – вали отсюда, по добру – по здорову. Как гово-рится – «с вещами – на выход».

– Ни куда я отсюда не пойду, заартачился Борода.

– Т.е. как это не пойдешь? – удивились завоеватели. – Те-бя же на свободу отпускают, чудик.

– Нужна мне ваша свобода, как собаке пятая нога. Вы там, на свободе, глотки друг другу рвете из-за всякой ерунды, а крайним всегда я остаюсь. Нет уж, я лучше здесь пока поси-жу.

– Ну, вот, что, гражданин, не на шутку рассердился царь Горох, – попрошу немедленно освободить помещение.

– Ваше величество, дернул Яшка за рукав Гороха, – здесь жить нельзя, это же тюрьма.

– Ну, и что, что тюрьма. И в тюрьме люди живут. Да еще как живут. Питание трехразовое, бесплатное, крыша над го-

ловой, ни каких тебе проблем, что еще нам надо. К тому же у меня в конспекте прямо так и говорится, что завоеватели имеют полное право взять себе все, что попадется у них на пути. Нам вот на пути тюрьма попала, чего же тут плохого?

Услышав, как бесцеремонно распоряжаются его вотчиной, Грифусс категорически воспротивиться этому, во всеуслышание заявив, что не позволит делать из тюрьмы балаган. После чего попросил всех присутствующих немедленно выйти вон.

– Как вы только что сами сказали, добавил он, – «с вещами – на выход».

– С какой это стати, возмутились завоеватели из чувства противоречия.

– Потому, что, спокойно пояснил Грифусс, – «Посторонним вход сюда воспрещен».

– Это кто же тут посторонний? – не понял Горох. – Да я может всю свою жизнь в тюрьме прожил, образно говоря.

– Все равно, без документов я принять вас не могу.

– Ну, ты сам подумай, – какие у клоунов могут быть документы?

– Ни чего не знаю, не унимался палач, – без документов – вы здесь находиться не имеете права. Понаехали тут всякие, а тюрьма – она ведь не резиновая.

– Ну, тогда мы тебя, козла, расстреляем. Вот место сразу и освободится.

– Расстреливать здесь имею право только я, возмутился

тюремщик, – у нас тут, как – никак – цивилизованное государство. Хоть и тюрьма... – Так что – сдайте-ка оружие. При выходе вам все вернут.

Сдавать оружие, клоуны, конечно же, не стали, они просто сложили его в отдельную камеру, под охраной часового. Да еще один часовой забрался на смотровую вышку, чтобы наблюдать оттуда за приближением неприятеля.

Палач поначалу сильно возмутился таким положением дел, где это было видано, чтобы заключенные сами себя охраняли, но поделаться ни чего не мог, сила была в тот день явно не на его стороне. Горох, в свою очередь, тоже хотел было выгнать Грифусса из тюрьмы, но тот заперся в одной из камер, и ни за что не желал оттуда выходить. Он даже объявил голодовку в знак протеста. После нескольких часов безуспешных попыток вытурить его оттуда Горох сдался и разрешил Грифуссу остаться в тюрьме при условии, что тот примет гороховское подданство. Царь даже в мыслях не мог допустить, чтобы жить под одной крышей с врагом. Немного подумав, Грифусс согласился принять второе гражданство, если его за это назначат начальником тюрьмы. Получить должность начальника тюрьмы Грифусс мечтал с того самого момента, как попал сюда, т.е. уже больше сорока лет. Но все эти годы он так и оставался простым палачом, поскольку не имел высшего тюремного образования. В свое время он окончил только шестимесячные курсы палачей, да и то заочно. И вот сейчас у него появилась реальная возмож-

ность осуществить свою мечту. Царь же, хоть и планировал в самом ближайшем будущем переоборудовать эту тюрьму под замок, но пока этого не произошло, великодушно разрешил Гриффуссу считать себя начальником тюрьмы.

2.18.5.

Между тем пока все разбирались, кто в тюрьме хозяин, Борода незаметно перелез через тюремную стену, и был таков.

Глава 19. Новый порядок

2.19.1.

Таким вот образом вышло, что, являясь абсолютно свободными людьми, завоеватели оказались в тюрьме, причем по собственной воле. После нескольких безуспешных попыток уговорить незваных гостей покинуть сие заведение, Гриффусс вынужден был оприходовать завоевателей в своем тюремном журнале как временно задержанных и поставить их на тюремное довольствие. Палач ни как не мог допустить, чтобы в его тюрьме околачивались посторонние.

2.19.2.

Только завоеватели оказались очень беспокойными и неправильными заключенными. Они постоянно нарушали тюремный режим и распорядок дня. Сидеть в тюрьме, пусть даже и по собственной воле, оказалось очень тоскливым

занятием, и завоеватели стали придумывать всевозможные предлоги для того, чтобы хоть на время покинуть ее стены.

Первым не выдержали Шампиньон с Батоном. Воспользовавшись своим древним баронским правом делать все, что им вздумается, они каждое утро, после завтрака стали покидать тюрьму для совершения всевозможных подвигов. Им баронам, время от времени нужно было совершать такие подвиги, чтобы не потерять квалификацию. Шампиньон это время попусту не тратил, и всюду занимался воспитанием сына, треск его ремня был слышен на много миль вокруг.

– Папа, а какова в этой жизни главная задача баронов? – спрашивал, бывало, Батон, потирая ушибленное место.

– Главная наша с тобой задача, сынок, отвечал ему старый барон, – это – жить. Жить так, чтобы не жалко было и умереть.

2.19.3.

Вслед за баронами на волю потихоньку потянулись и все остальные.

Всё чаще и чаще стал покидать тюрьму Факс, якобы потому, что он – натура творческая, легкоранимая, и в заключении творить не может. Нет, он вовсе не отказывался жить в тюрьме, где у него была постоянная пища и крыша над головой, но ему время от времени просто необходимо было глотнуть свежего воздуха для вдохновения. В целом же тюремные декорации режиссеру очень понравились, он даже

решил задействовать их в съемках очередной серии своего фильма под поэтическим названием – «На дне».

Хуже всего приходилось простым клоунам-солдатам. Выйти из тюрьмы они могли только для сбора ягод, грибов или дров, и то только в свободное от несения службы время. А так как солдат у Гороха было очень мало, то и свободного времени на волю у них почти не оставалось. Не говоря уже о том, что за каждый такой выход на свободу им приходилось отчитываться всевозможными дарами природы. Но все равно, это было лучше, чем сидеть сутками напролет в тюремной камере.

Со временем такую затворническую жизнь не выдержал даже царь. Переодевшись в полосатую арестантскую робу, чтобы его не опознали аборигены, Горох часами бродил по окрестностям. Просто так, без всякой цели, дыша свежим воздухом и дожидаясь перемен. К лучшему, разумеется, не век же ему в тюрьме было сидеть. И теперь все вместе заводятелы собирались только лишь к обеду или даже к ужину. Так вот они и жили, до поры до времени.

Один только Грифусс был доволен всем происходящим – мало того, что у него впервые за много лет появились, наконец, заключенные, так его еще и в должности повысили. А если учитывать и то, что со старой должности его тоже, пока еще, ни кто не увольнял, то Грифусс надеялся теперь получать двойное жалование, по одному окладу от каждой из сторон. По крайней мере до тех пор, пока не закончится вся эта

неразбериха с дележом тюрьмы. А там, резонно размышлял палач, кто-то из проигравших обязательно вновь окажется за решеткой, только уже на законных основаниях. В любом случае он-то уж точно без работы не останется.

Глава 20. Кто виноват? Или «Что делать?»

2.20.1.

Между тем в королевском замке Трунштейн поначалу тоже было все тихо и спокойно. Киса де Мура, занятая очередными покупками, совсем забыла про завоевателей, а ей ни кто об этом благоразумно не напомнил. Но вот как-то утром на завтрак королевской чете была подана гороховая каша, и Лисичка, до смерти не любившая ни какие каши, а гороховую в особенности, есть эту кашу, наотрез отказалась.

– Принцессы каши не едят, заметила при этом привередливая принцесса. – Тем более гороховую.

– Да, чем тебе, доченька, горох не угодил? – благодушно усмехнулся Виргеум.

– Он... Он... – Он подгорел, вот!

– Что, что? – встрепелась Киса де Мура. – Горох прогорел? На чем? На бирже, или на скачках? И вообще – как прошла битва? Почему мне ни кто, ни чего об этом не доложил? Тут Виргеум вынужден был признаться, что Горох пропал.

– Так он пропал или прогорел? – не поняла королева. – И почему все новости, в этом королевстве, я узнаю в последнюю очередь, возмутилась она. – И куда только смотрят мои

фрейлины? Уволю – всех, к чертовой матери!

Выяснив, наконец, что Горох не прогорел, а просто пропал, Киса де Мура, со свойственной ей импульсивностью приказала в срочном порядке его отыскать, и пригласить, в ближайшее воскресенье, на обед.

– К нам не так часто приезжают иностранные делегации, чтобы можно было ими так просто разбрасываться, пояснила королева свое необычное требование.

– Но, рыбка моя... , попробовал было возразить Виргеум.

– Как Вы меня назвали? – вскипела королева. В гневе она обращалась к королю исключительно на «Вы», указывая тем самым на огромную пропасть в тот момент их разъединяющую.

– Кисонька, но где же я тебе его найду? – взмолился Виргеум.

– Меня это не волнует, король Вы или не король? В кои веки у Вас, в смысле – у нас, наконец-то, появились иностранные гости, а Вы взяли их и проворонили. В смысле – прошляпили. Да нас теперь все соседи засмеют. Немедленно! Вы слышите, я сказала – немедленно найти их, и доставить сюда, во дворец.

Бедному Виргеуму ничего не оставалось, как подчиниться, и издать указ о розыске царя Гороха и всего его войска. Надобно заметить, что все указы в Бугорландии были краткими и лаконичными. Бережливые бугорландцы, таким образом, экономили на бумаге и чернилах. Вот и на этот

раз указ получился кратким как телеграмма. Приводим его дословно – «*Срочно всем найти Гороха зпт вместе с войском тчк Нашедший – получит вознаграждение тчк*». Каким именно будет это вознаграждение, в указе не было сказано ни слова, и это было одним из преимуществ (или недостатков, смотря с какой стороны смотреть) коротких бугорландских указов.

Как бы там ни было, но указ нужно было выполнять, ведь бугорландцы были законопослушным народом. И они со всей тщательностью обыскали все королевство, но Гороха так и не нашли. Царь словно бы сквозь землю провалился, вместе со всем своим войском. Искать Гороха в музее или в тюрьме ни кто из бугорландцев не догадался. Местным жителям и в голову не могла придти мысль, что кто-то по собственной воле пойдет в музей, не говоря уже о тюрьме. Тюрьма была единственным темным пятном на карте их королевства, и бугорландцы предпочитали делать вид, что ни какой тюрьмы у них и нет вовсе.

Виргеум же, наивно полагая, что Горох сидит себе спокойно в музее, ничего не предпринимал для того, чтобы выдворить его оттуда. Сидит ну и пусть себе сидит. Король решил дождаться зимы, покуда не закончатся сезонные работы на огороде, и уж только потом спокойно, без спешки заняться непосредственным выдворением Гороха из страны. А еще король надеялся, что до зимы захватчики одумаются и быть может сами уйдут, по доброй воле.

Таким образом, все в Бугорландии были в неведении, что им теперь делать, и, в конце концов, пришли к заключению, что ни каких завоевателей и не было вовсе. Что всё это им только привиделось. После чего все сразу же успокоились, и занялись своими повседневными делами.

2.20.2.

Успокоились все, кроме королевы, которую успокоить было намного сложнее, чем разозлить. Вот и сейчас разгневанная Киса де Мура во всеуслышание заявила, что это дело она так просто не оставит, и кто-то за весь этот обман очень сильно ответит. При этих словах придворные не на шутку всполошились. По своему горькому опыту они знали, что это не пустые угрозы, а посему решили не пускать это дело на самотек и самим найти виновного. И такой виновный нашёлся. Им оказался, по всеобщему мнению, ни кто иной – как Лёлик. И это была истинная правда. Лёлика (полное имя – Леопольдус) в Бугорландии знали все, от мала – до велика. Он был такой невезучий, что вечно попадал в какие-нибудь истории. Если где-нибудь случалось какое-нибудь происшествие в нем обязательно был замешан Лёлик. Сам того не желая этот несчастный совершал один проступок за другим. Вот и сейчас все решили, что без Лёлика здесь точно не обошлось. И если в деле с пропажей Гороха он, до поры до времени, ни как не фигурировал, то это было тем более подозрительно.

Виргеум очень огорчился, узнав, что нашёлся виновный в

исчезновении Гороха. В душе он был добрый и безобидный правитель, и не любил без особой на то нужды кого – либо наказывать. Но сейчас был особый случай, поэтому королю ни чего не оставалось как посадить Лёлика в тюрьму. На целую неделю.

Узнав о решении короля посадить его в тюрьму, несчастный Лёлик (он же Леопольд, он же Леопольдус) ничуть этому не удивился. Бедняга лишь постарался припомнить, что же такое он натворил на этот раз. Но ничего стоящего тюрьмы вспомнить не смог. Тем не менее, спорить с королем Лёлик благоразумно не стал, и прямым из караула отправился в тюрьму. Размышляя по дороге на всякие отвлеченные философские темы, в частности о том, где лучше кормят в армии или в тюрьме?

Вот только узнать это, в тот раз ему было не суждено, поскольку в тюрьму его попросту не пустили. Произошло это так. Когда печальный Лёлик тихонько постучался в тюремные ворота, из зарешеченного окошка выглянуло заспанное лицо Мороза в мятом клоунском колпаке:

– За что базар? – грубо поинтересовался тот.

– Позовите, пожалуйста, господина Гриффусса, жалобно попросил Лёлик.

– На кой он тебе?

– Мне по личному вопросу.

Морозу было лень ходить за палачом, и он закричал на весь тюремный двор:

– Грифусс, тут к тебе фраер один нарисовался.

Удивленный палач подошел к воротам.

– Это ты, что ли Леопольдус? – не сразу узнал он беднягу.

– Я, дядя Грифусс... – Вот прислали... к тебе... в тюрьму...

– Ну, что, доигрался, злорадно процедил палач. – А ведь я тебя предупреждал, что ты плохо кончишь...

– Предупреждал, дядя Грифусс, вздохнул Лёлик.

– Что ты заладил, дядя, дядя, племянничек, тоже мне, нашелся. А помнишь, сколько раз я тебя приглашал к себе. Сколько раз предлагал посидеть здесь немного, образумиться. И тебе было бы на пользу, и мне не скучно. Помнишь?

– Помню, дядя Грифусс.

– А помнишь, не унимался палач, – что ты мне всегда на это отвечал? Что, дескать, в тюрьму сесть ты всегда успеешь. Помнишь?

– Помню, дядя Грифусс.

– Ну, так вот, милый мой – в тюрьму-то сесть ты как раз и не успел. Давай вали отсюда! – заорал взбешенный Грифусс, и с треском захлопнул тюремное окошечко.

Лёлик ни чего не понял. Он постоял немного в нерешительности и снова постучал.

– Ты, что рехнулся, что ли, дядя Грифусс? Открывай, давай, свою контору.

– Ишь, умник, какой выискался, послышался из закрытого окошка недовольный голос палача. – Проваливай отсюда,

я сказал. Свободных мест нет. Это не тюрьма, а проходной двор какой-то. То силком сюда ни кого не загонишь, то табуном валят, как будто здесь медом намазано.

Тут из-за тюремной ограды послышалось приглушенное жужжание пилы.

– Это кто там у тебя, жужжит, дядя Грифусс? – Пчел, ты, что ли завел?

– Уж лучше бы были пчелы, тяжело вздохнул Грифусс, по другую сторону ворот. – Новые жильцы это, что-то пилят.

– Побег, что ли готовят?

– Если бы побег, опять вздохнул палач, – это было бы полбеда. Только этих отсюда и поганой метлой не выгонишь. Они, пожалуй, сами кого хошь выгонят. И, открыв тюремное окошечко, он рассказал удивленному Леопольдусу все, что недавно приключилось в тюрьме.

– Так выходит, что Горох у тебя сидит, обрадовался Лёлик.

– Да кто его знает, вздохнул в очередной раз Грифусс. – Честно говоря, я сейчас и сам не пойму, кто у кого сидит. Толи он у меня, то ли... – Как ты думаешь, озабоченно спросил палач у Лёлика, – за незаконное заключение клоунов под стражу сколько лет тюрьмы мне могут дать? Или может все штрафом обойдется?

– За клоунов много не дадут, оптимистически заметил Лёлик. – Расстреляют пару раз и все... – Ну, так я, дядя Грифусс, пожалуй, того – пойду...

– Иди.

– Я ухожу, дядя Грифусс...

– Иди, иди...

– Я ведь совсем ухожу...

– Да иди же ты черт безрогий, заорал разозленный палач.

Лёлик от испуга отбежал на несколько метров от ворот, но потом вновь вернулся.

– Дядя Грифусс, а справку можно получить, что ты сам меня в тюрьму не пустил. А то ведь мне ни кто не поверит.

– Ну, все, ты меня достал, заорал окончательно выведенный из себя Грифусс. – Сейчас я тебе покажу справку... – Я тебе сейчас такую справку покажу...

По ту сторону тюремных ворот послышался лязг отпираемых многочисленных замков. Лёлик не стал дожидаться покуда Грифусс выполнит свои угрозы, и благоразумно побегал к своим, докладывая о том, что царь Горох нашелся.

2.20.3.

Грифусс же в избежание в дальнейшем подобных эксцессов дописал на воротах тюрьмы, пониже надписи – «Добро пожаловать» еще три слова – «Посторонним вход воспрещен».

Бедолага Лёлик, по возвращению из тюрьмы, снова заступил в караул.

Глава 21. Тюремная история.

2.21.1.

Известие о том, что Горох перебрался из музея в тюрьму, поначалу весьма обрадовало Виргеума. Музеи в Бугорландии всегда ценились значительно выше тюрем. Но, потом, немного поразмыслив, королю стало жалко тюрьму. Какое – никакое, а все же родное имущество, которое он бесплатно отдавать ни кому не собирался.

Хотя тюрьма эта была больным местом для всей просвещенной бугорландской общественности. Поскольку это, с позволения сказать, исправительное учреждение, фигурировало во всех справочниках по Бугорландии, и пятнало, (по мнению все тех же просвещенных бугорландцев), светлый образ их страны.

«Раз в стране есть тюрьма, значит там не все в порядке с порядком», логично считали иностранцы, и отказывались иметь из-за этого с бугорландцами какие-либо дела. Между тем в Бугорландии уже много лет не совершалось ни каких преступлений, и тюрьма простаивала все эти годы без дела. Бугорландцы уже не раз подумывали о сносе тюрьмы, чего бережливый король, допустить, конечно же, ни как не мог. Он дорожил любым своим имуществом, каким бы нелицеприятным оно не было. Вот продать тюрьму Виргеум продал бы с радостью, однако желающих купить ее до сих пор не находилось.

А ведь когда-то эта тюрьма знала и лучшие времена. Еще каких-нибудь триста лет тому назад именно здесь сидел мя-

тежный герцог Рокфор, отказавшийся жениться на дочери короля Вига Пятого – принцессе Гере. Отсидел он тогда добрых 9,5 недель. Отсидел бы и больше, но тут тюремная жизнь ему наскучила, и он уехал лечиться на воды, где подхватил воспаление легких, отчего в скором времени и умер.

А вот если бы он остался в тюрьме, то глядишь, был бы жив, и здоров. Впрочем эта сиятельная особа, и так успела сделать для тюрьмы много полезного и значительного. Первым делом мятежный Герцог велел выкрасить тюремные казематы в нежно-розовый цвет, и украсить стены всевозможными коврами и гобеленами. Сами камеры при этом были значительно расширены за счет сноса внутренних перегородок. В результате чего в тюрьме появилась возможность проводить балы, рауты и другие торжественные официальные мероприятия. Тогда же в тюремном дворике были высажены целые клумбы гиацинтов и эдельвейсов, а центральную лестницу облицевали нежно – голубым каррарским мрамором. Все это было сделано с одной лишь целью – чтобы герцог мог принимать гостей с подобающим ему шиком и блеском.

Желаемое было достигнуто, вследствие чего вся культурная жизнь королевства плавно и незаметно переместилась из Трунштейна в тюрьму. Неугомонный герцог давал здесь балы, устраивал маскарады и всевозможные торжества. Бродячие циркачи и комедианты первым делом ехали не куда-нибудь, не в Трунштейн, а именно сюда, в тюрьму. В тот период тюрьму посетили многие знаменитости – как местные, так

и заграничные. Ворота тюрьмы в те дни были открыты для всех желающих. Историки же окрестили тот период просто и незатейливо – тюремным ренессансом. Но с отъездом герцога всё закончилось также внезапно, как и началось.

И с тех самых пор, сколько не пытались бугорландские короли сбегать кому-нибудь эту злополучную тюрьму, ни чего у них из этого не получалось. Тюрьма ни какого дохода не приносила, а средств на ее содержание с каждым годом требовалось всё больше и больше. И вот теперь продать ее стало делом вообще не мыслимым. Ну, кто же в здравом уме купит тюрьму с сидящим в ней Горохом.

«Нет, так дело не пойдет, решил король. Ладно бы я сам его туда посадил, это еще куда ни шло... – А самовольно занимать пусть и пустующие тюрьмы я не позволю! Да он там еще и не один сидит, ужаснулся король, – а с целой бандой. Это что же за границей скажут, – что в Бугорландии тюрьмы переполнены! Какой ужас! – Ну уж нет, – Гороха нужно выселять! И немедленно! Нечего ждать зимы. Приняв такое судьбоносное решение, король со спокойной душой отправился спать.

2.21.2.

В тюрьме же тем временем вовсю продолжалась масштабная перестройка затеянная Горохом для улучшения бытовых условий новых жильцов. Все камеры были вычищены от многовековой пыли и паутины, потолки побелены, засовы

и замки смазаны машинным маслом. Завоеватели поначалу хотели даже спилить решетки на окнах, да только прутья эти оказались слишком толстыми, поэтому решетки просто покрасили белой краской, чтобы они так не бросались в глаза.

В довершении ко всему Горох издал очередной указ о переименовании тюрьмы в замок Кремнице, от слова кремень. Указ этот он издал в стихотворной форме. У царя, видать от долгого сидения взаперти, крыша слегка поехала, иначе как еще можно было объяснить его рифмоплетство. Приводим полностью это царское творение:

*«Тюрьма без названия
– Кремницею стала,
Гороховым замком
– оплотом державы,
И это не все-
это только начало!»*

Солдаты дружно похлопали в ладоши такому необычному царскому указу, и разошлись по камерам спать.

Глава 22. Уравнение в правах.

2.22.1.

На следующее утро, после завтрака, Виргеум принялся в очередной раз собирать свое войско. На этот раз он подошел к этому делу более основательно. Для начала он издал указ, согласно которому со всех концов страны в Трунштейн должны были прибыть солдаты, до этого по каким либо при-

чинам оставшиеся не задействованными в предыдущих сборах.

Не осталась в стороне и королева. Начитавшись дамских романов о воинственных амазонках, Киса де Мура тоже решила внести свою лепту в формирование королевского войска. Фрейлины ее величества часто ссорились между собой, и шуму от них было много, а вот толку ни какого. И вот теперь, в свете предстоящих событий, королева решила отослать самых нерадивых из них в отдаленный замок Катцебург, чтобы те заменили собой местный гарнизон. Таким образом, сама того не ведая королева уравнила в правах мужчин и женщин, о чем издавна втихаря мечтала вся женская половина королевства. И вот мечта их осуществилась. Теперь умирать на войне имели право не только мужчины, но и фрейлины. Понравилась ли местным женщинам такая уравниловка история умалчивает.

Королева оставила при себе только свою любимицу, имя которой автор запомнил. Остальные же фрейлины сразу же после завтрака отправились в Катцебург. Неожиданная ссылка в отдаленный замок казалось ни чуть не огорчила легкомысленных фрейлин. Они ушли, как настоящие фрейлины, подобрав юбки и гордо задрав носы.

2.22.2.

Когда Тефлон, начальник Катцебургского гарнизона, увидел, кто пришел им на смену, он ни сказал ни слова, лишь молча сплюнул на землю. Тефлон был старый служака, сол-

дат до мозга костей, и приказы начальства привык исполнять не обсуждая, какими бы дурацкими они не были. Вот и сейчас, они с Кварком, (вторым и последним солдатом катцебургского гарнизона) честно выполнили свой военный долг, – передав управление крепостью в нежные и избалованные руки фрейлин.

При этом они строго настрого запретили фрейлинам, что-либо трогать в крепости до их возвращения. После чего солдаты с глубокой печалью на лице покинули замок.

– Фи, как тут грязно и пушка вся в паутине, только и фыркнули на прощание фрейлины. Но протереть пыль даже и не подумали, они же были фрейлинами, а не какими-нибудь там служанками.

Глава 23. Война – войной, а обед по расписанию.

2.23.1.

И вот, собранное общими усилиями Бугорландское войско выступило, наконец, в поход. Впереди всех, на ярко разукрашенном ради такого случая слоне (старшем, более спокойном) ехал король Виргеум. За его спиной гордо развивалось знамя Бугорландии – шелковое полотнище, на красном фоне которого сияла белая подкова.

Несмотря на всю торжественность обстановки король сильно нервничал, ведь для него это была первая военная компания. До этого дня его роль верховного главнокомандующего состояла в том, чтобы руководить ежегодным во-

енным парадом. На этом параде все было красиво и торжественно, а если и стреляли, то только вверх и только холостыми патронами. Сейчас же могло произойти всякое.

В самый последний момент Виргеум совсем уже было решил ни куда не ходить, и отправить с войском вместо себя Тортенсона, но у королевы на этот счет были другие планы. Ее муж, за все время их супружества ни чем особенным себя, как король, не проявил. И при встрече с другими королевами, когда речь у них заходила о своих мужьях, Кисе де Муре и сказать-то было нечего. Теперь же у нее, точнее у Виргеума появилась хорошая возможность показать себя великим полководцем или гениальным политическим деятелем – освободителем страны от жестоких и коварных захватчиков. Поэтому ни какие доводы короля насчет того, чтобы остаться дома хотя бы до ужина, королева и слушать не желала.

– Съездите в небольшую командировку, проветритесь немного, приказала она Виргеуму. – А там, глядишь, и медальку получите. Все лучше, чем на диване лежать.

Таким образом, Виргеуму ни чего не оставалось, как последовать вместе со всеми на войну. Он уже десять раз пожалел, что поддался сиюминутному импульсу, и затеял все это дело. Но назад пути не было.

Вслед за королевским слоном шли пехотинцы во главе с Тортенсоном. Шли они налегке, без артиллерии, поскольку король строго-настрого запретил Тортенсону брать с собой пушки. Иначе солдаты не оставили бы от его тюрьмы и кам-

ня на камне. Бугорландские солдаты любили палить из всех видов оружия почем зря. Особенно за чужой (т.е. королевский) счет. Поэтому даже на войне бугорландским солдатам порох и патроны выдавали только перед самым боем, а если этот бой по каким либо причинам не состоялся, солдаты должны были сдать полученные боеприпасы обратно. Вот и сейчас солдаты шли в строю с незаряженными мушкетами.

Замыкал колонну пехоты Али ибн Лура верхом на младшем слоне. Его, беднягу, (мудреца, конечно же, а не слона) на старости лет, тоже привлекли к этой компании для увеличения общей численности войска. Мудрец хотел было отвертеться от такой принудилочки, на том основании, что воевать он не нанимался, но хитрые бугорландцы показали ему пункт в договоре, в котором говорилось о том, что главный мудрец королевства должен был всегда находиться подле короля. Так, что Али ибн Луре ни чего не оставалось, как покорно следовать за своим королем. При всем при этом он старался без особой надобности не слезать со слона, всячески надеясь на его защиту в трудный момент.

2.23.2.

Спустя какое-то время королевское войско дошло неспешным шагом до тюрьмы, и также не спеша, окружило ее со всех сторон. Таким образом, местные жители и завоеватели поменялись местами, теперь в замке сидели завоеватели, а аборигены собирались их оттуда вытурить.

Впрочем, хоть войско Виргеума и окружило со всех сто-

рон тюрьму, дальше этого дело не пошло. Тюрьма в Бугорландии была построена на совесть, и взять ее штурмом было не так-то просто.

Горох обрадовался поначалу, что наконец-то нашлись официальные власти, которым можно было предъявить свою лицензию на завоевание. Что он и сделал. Предъявив документ Горох попытался объяснить бугорландцам, что он имеет законное право на завоевание любого королевства, какое он только в состоянии завоевать.

На что разозленные бугорландцы посоветовали царю идти с этой бумажкой, а главное со всем своим войском, куда подальше. У бугорландцев тоже было свое право – право на защиту своего королевства. И их право (по мнению бугорландцев) было намного правее.

Все эти тонкости юриспруденции и объяснил Гороху парламентар Тефлон, стоя у ворот с рупором в руке. При чем объяснил он это в самой доступной форме, используя в своей речи весьма двусмысленные фразеологические обороты и специфические местные идиотизмы. Проще говоря – ненормативную лексику. Надобно сказать, что культурные бугорландцы в быту вообще не имеют привычки грубо выражаться, но на войне порой происходят и не такие вещи.

Ошарашенный услышанным, Горох так растерялся, что ни чего не смог на это ответить. Исправить создавшееся неловкое положение и пошатнувшийся престиж завоевателей, взялся безбашенный Мороз. Встав в полный рост в про-

еме амбразуры, так, чтобы его отовсюду было хорошо видно, он без всякого рупора так отчехвостил Тефлона, и всю его родню до седьмого колена, по отцовской и уж тем более по материнской линии, что тому ни чего не оставалось, как в спешном порядке, позорно, ретироваться. Мороз же еще долго посылал ему вслед самые страшные проклятья, а напоследок даже в ключья разодрал свой новый клоунский сюртук.

Тем временем, все Виргеумское войско, выстроившись в боевой порядок, прямиком отправилось ... на обед.

Согласно бугорландским военным законам, солдатам и офицерам строго настрого запрещалось воевать в выходные и праздничные дни, а также во время обеденного перерыва. Первый пункт военного устава Бугорландии так прямо и гласил – «Война – войной, а обед по расписанию». Второе пункт устава был на эту же тему, и гласил – «Режим питания военнослужащих нарушать нельзя».

В обеденное время в Бугорландии ни кто не работал. В это время дня в стране закрывались абсолютно все предприятия и учреждения, магазины, школы, библиотеки, и все жители дружно шли домой на прием пищи.

Даже Дюбель, и тот закрывал с часу до двух пополудни центральные ворота Трунштейна и шел на кухню обедать. И все, кто опоздал, вынуждены были заходить в Трунштейн с черного хода, даже короли.

Так повелось издавна и ни кто не смел эти правила ме-

нять. Когда Вильдебранд Третий хотел было урезать обеденное время на пятнадцать минут, его самого тут же урезали на целую голову. После этого ни кто из королей на обеденное время покушаться не решался. В том числе и Виргеум.

Глава 24. Первые потери.

2.24.1.

После того, как Виргеумское войско отправилось на обед, Горох решил от них не отставать и тоже пойти отобедать. Обедал Горох вместе со своими приближенными за одним общим столом. В тот раз, как пишут историки, на обед у завоевателей был вермишелевый суп с тушенкой, а на второе овсяная каша. Питались завоеватели в основном местной пищей, поскольку тюремного пайка, выдаваемого им Грифусом, вполне хватало. Только в выходные и праздничные дни Горох разрешал увеличить тюремный рацион продуктами из своих личных запасов. В будние же дни тюремная пища была хоть и калорийной, но недостаточно вкусной, что нравилось далеко не всем завоевателям.

И вот, когда Хомяк принес из кухни огромный котелок с овсяной кашей, Факс поморщился, и спросил у него:

– Это что это еще за баланда такая?

– Овсянка, сэр! – пафосно ответил Хомяк, накладывая молочно – зерновую жижу ему в тарелку.

Этого режиссер уже не выдержал и во всеуслышание заявил, что эту дрянь он есть не будет.

Горох же, будучи не привередливым царем, ел все, что ему положат в тарелку. Того же он требовал и от своих поданных.

– Овсянку будут есть все, заявил царь Факсу.

– А я – ннне буду, заартачился режиссер.

– Будешь, собака! – заорал в гневе царь.

– Нннне бууууду...

– Тогда – вон отсюда! – воскликнул в сердцах царь, удаляя со всей силы кулаком по столу. И тогда Факс молча собрал свои вещички и покинул столовую, а потом и тюрьму. Спрыгнул со стены и даже не расшибся.

Оставшиеся за столом клоуны, в установившейся мертвой тишине, быстро, не поднимая глаз, доели свою кашу.

– Такая прекрасная, понимаешь, пайка, несколько успокаиваясь, заметил Горох, с удовольствием поедая овсянку. – Здоровая и калорийная, чего ему, еще нужно?

Историки до сих пор спорят о том, выгнал ли тогда Горох режиссера только из-за стола или из тюрьмы вообще. Современные ученые все больше и больше склоняются к тому мнению, что Факс и Горох просто не поняли друг друга. И царь вовсе не собирался выгонять строптивного режиссера из своего окружения, а только хотел лишить его сладкого на десерт. Так или иначе, но факт остается фактом – на одного завоевателя в тот злополучный обед в тюрьме стало меньше.

Злоключения же режиссера на этом не кончились. Не успел он отойти от тюрьмы, как его тут же поймали, арестовали и напрямик доставили в стан к Виргеуму.

– Очень, очень рад Вашему решению добровольно покинуть мою тюрьму, похвалил испуганного Факса король. – Еще мой дедушка, несравненный Фердинанд Пятый, говорил, – что «настоящей интеллигенции не место в тюрьме. Она должна быть здесь, в окопах». Вспоминая этот известный лозунг своего деда, Виргеум тактично заменил слово «гнить» на слово «быть» по простоте своей наивно полагая, что суть высказывания от этого не меняется.

Факс же, в свою очередь, расплакался, и пожаловался королю на то, что в тюрьме его талант совсем не ценили, на волю выпускали редко, и кормили всякой гадостью. И в таких вот невыносимо-тяжелых бытовых условиях он вынужден был снимать свой новый фильм – «Битва титанов». На что Виргеум заметил, что название у фильма хорошее только немного неточное. Ну какой из Гороха титан. Правильнее было бы назвать этот фильм «Священная война». Факс благоразумно спорить с королем не стал, чем сразу же заслужил одобрение бугорландцев.

2.24.3.

После обеда переговоры между сторонами возобновились. Только вместо Тefлона, который так и не смог придти в себя от эмоционального выступления Мороза и остался на

кухне мыть посуду, вести переговоры поручили Кварку.

Тот не стал разводить особых церемоний и, подойдя вплотную к стенам тюрьмы, громко закричал:

– Самозванец Горох, извольте немедленно освободить помещение. Вы – обречены.

– И не подумаю, ответил ему с крепостной стены царь, беззаботно ковыряясь в зубах зубочисткой.

– Да тут и думать ни чего не надо, по простоте душевной посоветовал Кварк царю. – Отдайте нам тюрьму и – все. Ну, чего Вам стоит, а? А то вас наказать могут, даже посадить.

– Куда посадить? – не понял Горох

– Как, куда? – в тюрьму.

– Дурень, так мы и так уже здесь.

– Н-да, Кварк в задумчивости почесал затылок, – об этом, я как-то не подумал...

– Ну, так иди, и подумай для начала, посоветовал Горох озадаченному Кварку. И тому ничего не оставалось, как вернуться в лагерь.

– Ваше величество, запугать их не удалось, жизнерадостно отрапортовал он при этом Виргеуму. – Поскольку пугать у нас нечем... Я вот тут подумал – может им денег предложить?

– У меня таких умников и без тебя хватает, недовольно проворчал король. – За деньги каждый из тюрьмы выйдет, а ты попробуй их без денег оттуда вытащить.

– Без денег трудно, согласился с королем горе – парламен-

тер, на этом переговоры и закончились.

Глава 25. Первый бой – он трудный самый, или живи и – помни!

2.25.1.

Время шло, а дело с мертвой точки не двигалось, Горох и не думал сдаваться, и возвращать тюрьму его законному владельцу.

Бугорландцы не уведомляли, что Горох нашел в этой тюрьме, что он так за неё держится? Первый раз в своей жизни они столкнулись с тем, что кто-то по собственной воле забрался в тюрьму, и никак не желал оттуда выходить.

Ситуация, при этом, получалась весьма абсурдная. Бугорландцам предстояло изгнать Гороха и его подчиненных из тюрьмы лишь для того только, чтобы потом их туда же (в тюрьму) обратно посадить. Тем не менее, сделать это было необходимо. Ведь сейчас Горох и компания сидели в тюрьме незаконно, т.е. без суда и следствия, а это было явным нарушением всех юридических норм и правил, с чем бугорландцы смириться, конечно же, не могли.

А лето между тем неумолимо подходило к своему закономерному концу. Еще немного и наступит осень, – время сбора урожая.

Но не это смущало сейчас Виргеума, на время сбора урожая осаду тюрьмы можно было бы и приостановить. Смущало короля другое обстоятельство, о котором он ни когда, ни

кому не говорил, даже своей жене. Боялся, что его засмеют. Дело в том, что у Виргеума не было специального военного образования. Так уж сложилось издревне, что все короли в его роду были профессиональными военными. Все, кроме него. А все из –за того, что Виргеум в молодости рано лишился родителей, и не кому было наставить его на путь истинный. Поэтому после окончания средней школы он поступил не в военную академию, как все его предки до седьмого колена, а в сугубо гражданский сельскохозяйственный институт. (Виргеум с детства увлекался ботаникой и биологией.) Были бы живы его родители, они, конечно же, никогда бы не допустили бы такого безобразия. И вот теперь король боялся, чтобы кто-нибудь, невзначай, не вспомнил об этом нелицеприятном факте в его биографии. Тогда все военные неудачи (если они, не дай бог, случатся) точно спишут на его непрофессионализм в ратном деле. Поэтому королю как воздух была необходима быстрая и громкая победа.

Между тем реальный выход из создавшегося положения предложил первый мудрец королевства Али ибн Лура. Предложил он это сам, по собственной инициативе, так и не дождавшись, покуда у него об этом спросит король. Уж больно мудрецу хотелось побыстрее закончить с этим делом и вернуться домой.

Мудрец предложил, во избежание большого кровопролития, и для ускорения процесса выявления победителя, выставить от каждого войска по одному представителю, кото-

рые в схватке между собой и решили бы исход битвы. Царь Горох по своей неопытности с радостью согласился на это предложение. Ему тоже чертовски надоело сидеть взаперти.

Бугорландцы же, при всей своей кажущейся наивности временами были довольно коварным народом, особенно когда дело касалось денег либо иной материальной выгоды. Вот и сейчас они ловко подловили завоевателей на незнании местных национальных особенностей. Бедные завоеватели даже и предположить не могли, с кем им придется встретиться в этом поединке. Ведь они никогда до этого еще не видели местную знаменитость – Тумбу, двухметрового гиганта, со стальными мышцами и полным отсутствием каких либо мозгов. Поскольку этот самый Тумба, хоть и был уроженцем Бугорландии, в последнее время жил и работал в основном за границей, постоянно с кем-то там дерясь и прославляя тем самым свою малую родину. То одного борца отлупит, то другого, то отлупят его самого, впрочем такое случалось крайне редко. Обычно победа оставалась за Тумбой. И вот сейчас, наконец-то его неумная (по местным понятиям) сила пригодилась и родной стране. Посему Тумбу срочно вызвали домой, для участия в намечающемся поединке.

Тумба прибыл из-за границы на личном паровозе. Паровоз этот ему подарили благодарные зрители одной из соседних стран, (как говорили злые языки, – только ради того, что бы тот побыстрее от них уехал). Как бы там ни было, увидев своего знаменитого соотечественника, бугорландцы ра-

достно заорали. Многие из них уже забыли, как выглядит их прославленный боец, и сейчас, глядя на него, они искренне радовались тому, что так редко видят его у себя на родине. Тумба был ужасен в своей мощи. Огромный топор для рубки мяса в его могучих руках казался просто-напросто детской игрушкой.

Гороховцы же, увидав, в свою очередь, с кем им придется бороться, сразу же сильно приуныли.

– Первый раз в жизни из тюрьмы выходить не хочется, задумчиво молвил Цап Царапыч. – Кто бы мог подумать...

– А вы еще удивляетесь, чего это я тридцать лет здесь сижу, грустно заметил Грифусс. – Вот так вот выйдешь однажды... и все – обратно уже и не вернешься.

– Ну, вот и всё, сынок, печально заметил Шампиньон, пристально глядя на Тумбу. – Погуляли мы с тобой, пора и честь знать. Пришло время платить.

– За что платить? – не понял Батон.

– За всё, сынок, и за всех. Ну, я пошел, не поминайте лихом, джентмены.

– А как же я? – не понял Батон.

– А ты? Ты – живи... – Живи и помни...

– Спокойно ребята, тихо сказал Яшка, сплевывая на землю сигарету. – Не надо ни кому, ни куда уходить. У меня тут идейка одна появилась, как этого урода завалить. Только мне нужен будет кое-какой реквизит. Хочу – чтобы все было красиво. Озадаченный Горох повелел выдать писарю

все, что тот не запросит. Яшка взял из неприкосновенного запаса две бутылки водки, потом, подумав, добавил еще одну, потом еще одну, так, на всякий случай. Водки, как известно, много не бывает, бывает мало закуски. Из закуски же Яшка взял с собой увесистый шмат сала, с тонкой розовой прослоечкой мяса, пару луковиц, пачку плавленого сырка (в простонародье называемый – «мылом»), и батон свежего белого хлеба. Не забыл он взять с собой и два граненных стаканчика, и газету вместо скатерти. Не прошло и пяти минут, а Яшка уж был готов к поединку, о чем и доложил царю.

– Не стоит тебе туда ходить, задумчиво произнес Горох. – Я..., я все отменю...

– Вот всегда Вы так, Ваше величество, укоризненно заметил Яшка. – Чуть, что – сразу на попятную идете. Таким макаром Вы никогда настоящим правителем не станете. Да и поздно уже, что – либо менять. Люди, вон, ждут, кивнули Яшка в сторону стоявших в ожидании бугорландцев.

– Ты, что, удивился Фиштулла, – смерти не боишься?

– Мне мой врач твердо обещал, что умру я через два месяца, пояснил Яшка. – А прошло только три недели, так, что помирать мне пока рановато... – Мы еще поживем.

Заткнув бутылки с водкой, за пояс, словно гранаты, он вышел из стен тюрьмы на свободу.

– На его месте, задумчиво почесал голову Фиштулла, – я не стал бы так безрассудно доверять врачам.

– Поэтому – то ты и не на его месте, ухмыльнулся Марга-

дон.

2.25.2.

Завидев худосочного Яшку, в толпе бугорландцев пронесся гул разочарования. Поединок, которого они ждали с таким нетерпением, обещал быть скорым и... неинтересным.

Яшка же, тем временем, недоуменно огляделся по сторонам.

– Вроде бы и выпивка есть, и я на свободе, и погода хорошая, а что-то мне не весело, грустно заметил он при этом сам себе. – Привередливые мы все нынче стали, всё – то нам не угодишь. После чего, разыскав в толпе бугорландцев режиссера – перебежца, Яшка обратился непосредственно к нему:

– А ты, целлулоидная голова, чего уставился? Проверь-ка лучше кассету в аппарате, а то у тебя вечно пленка на самом интересном месте кончается. Я хочу, чтобы хоть память обо мне хорошая осталась. Режиссер ничуть не обиделся на то, что его при всех обозвали целлулоидной башкой, наоборот, он был даже рад, что его выделили в такой момент среди прочих. Значит, он что-то да значит еще в этой жизни, если люди, идущие на смерть, вспоминают о нем. Выполняя пожелания Яшки, он вставил в аппарат новую кассету и, глядя в видоискатель, спросил у него:

– Скажи нам, напоследок, что-нибудь этакое... героическое, чтобы дух перехватило.

Писарь печально взглянул в объектив кинокамеры, и тихо

произнес:

– Я вернусь... мама.

После чего, напрямик направился к Тумбе. Силач яростно завертел над головой своим огромным топором, разгоняя ветер по сторонам. Поднявшийся ветер был такой силы, что со многих бугорландцев сорвало шляпы.

– Да подожди ты топором-то махать, зашибешь еще кого-нибудь невзначай, отмахнулся от Тумбы, как от назойливой мухи, Яшка. – Давай лучше выпьем.

– Ты, что, меня не боишься? – удивился Тумба, с интересом рассматривая маленького клоуна.

– Да чего тебя бояться-то? Ты, чай, не налоговый инспектор? – вопросом на вопрос ответил Яшка, раскладывая закуску на траве. – Я инспекторов знаю, они маленькие такие, плюгавенькие. Опять же все в очечках, и немного как пришибленные. Да, ты присаживайся, давай, в ногах правды нет.

Присаживаться Тумба не стал, а вместо этого, схватив писаря за загривок – высоко приподнял его над землей. Бугорладское войско вновь радостно заголосило.

Да только вот и Яшка оказался не промах, изловчившись, он выхватил из кармана небольшой перочинный ножик с ярко-красной пластмассовой ручкой. Схватив одной рукой Тумбу за волосы, писарь второй рукой приставил лезвие ножа ему к горлу. Бугорландцы тут же притихли, затаив дыхание. Тишина на бранном поле установилась такая, что было слышно, как муха жужжит, пролетая над изумленным вой-

СКОМ.

– Ну, чего ты ждешь, шкура канцелярская. Подсекай, подсекай резче, заорал тут в сердцах Цап Царапыч, с крепостной стены. – Ну, и молодежь пошла, развел он руками, – ни чего толком делать не умеют.

– Бей в глаз – не порти шкуру, посоветовал в свою очередь Шампиньон. Но Яшка их советов не послушался.

– Поставь туда, – откуда взял, тихо приказал писарь Тумбе. – Не нервируй народ. Тумба молча опустил Яшку на землю.

– Так- то лучше будет, пробормотал писарь, облегченно вытирая пот со лба.

После чего он на глазах у изумленных зрителей, сделал то, чего еще ни когда не случалось в многовековой истории Бугорландии. Усевшись прямо на поле битвы, он постелив газетку, принялся нарезать хлеб и сало толстыми ломтями, потом почистив луковицу, нарезал ее кольцами. После чего откупорил одну из торчащих у него за поясом бутылок, и разлил водку по стаканам.

– Давай-ка, мы с тобой, того... дерябнем, для начала, по маленькой, предложил писарь Тумбе. – Надо пользоваться каждым мгновением, что дает нам жизнь. Ведь обратно его уже не вернешь ни за какие богатства на свете. Ты вот можешь купить себе многое – даже паровоз вон купил, как я слышал. А вот лишнее мгновение даже ты купить не в состоянии.

Покончив с приготовлениями, писарь протянул стакан с водкой Тумбе:

– Предлагаю выпить за мгновения, каждое из которых бесценно и неповторимо. Чокаться не будем, мы с тобой, как ни как в состоянии войны находимся.

– Во – дает, восхитились солдаты из Гороховского войска, и горько пожалели в душе о том, что сами не додумались до всего этого. Бугорландцы же задумчиво чесали затылки, не понимая, чтобы все это значило, и где во всем этом скрывается подвох. Видя, что Тумба пить водку не спешит, Яшка выпил первым. После чего взял большой смачный кусок сала и отправил его в рот. Тут, наконец, и Тумба осушил стакан, после чего занюхал водку рукавом и громко рыгнул.

– Нравится, басурманская морда? То – то, это тебе не воздух топором гонять. Тут думать надо. Ну, давай еще по одной. И они выпили еще, потом еще, и еще...

2.25.3.

– Знаешь, Тумбочка, как мне умирать не охота, изливал Яшка душу своему собутыльнику, ближе к вечеру. – Разве для того я родился, чтобы умереть? Тумба на это ни чего не ответил, лишь тяжело вздохнул, и молча осушил очередной стакан.

2.25.4.

Смеркалось.

Хлипкие стрижи

летали в вышине.

Неугомонные сверчки

– стрекочили в ниве,

в большой

безмолвной

тишине.

Оранжевое солнце

садилось за моря...

И все на этом свете

казалось

было

зря...

2.25.5.

А бугорландцы все стояли в полном вооружении в ожидании окончания поединка, а тот все ни как не заканчивался.

Горох, глядя на вконец изможденное долгим стоянием королевское войско, язвительно заметил, что «дескать, вот и мы когда-то так стояли, а теперь пусть и местные постоят – помучаются». Сам-то он сидел в шезлонге в тени крепостной стены, попивая дорогой коньяк из тюремных запасов. Дешевое когда-то спиртное, конфискованное у заключенных много лет тому назад, приобрело за годы заточения в тюремных кладовых тонкий букет и нежный аромат. И теперь пить такое спиртное могли позволить себе только царственные особы.

А в это время на поле боя Яшка, откупоривая очередную бутылку дешевой водки, учил Тумбу уму разуму:

– Ну, вот скажи мне, – кто ты есть такой? Думаешь, кусок мяса и ничего более. Нет. – Ты есть центр вселенной. И я центр. Ну, давай вот за этот центризм и выпьем.

2.25.6.

Поздним вечером, как взошла полная луна, поединок пришлось прекратить, по техническим причинам – у соперников кончилась водка. Солдаты с обеих сторон оттащили в усмерть пьяных поединщиков по своим лагерям. Победу же решили ни кому не присуждать, хотя Яшка, в отличие от Тумбы, свой стакан из рук не выпустил. Так закончился первый день официальных боевых действий.

Тумба после этого весь следующий день отлеживался в полевом лазарете, где его отпаивали пивом и огуречным рассолом.

Яшка же с утра заступил в караул.

Книга третья

Мы будем жить...

теперь...

по новому.

Глава 1. Взаперти.

3.1.1.

Между тем, осада замка-тюрьмы продолжалась. Правда, без каких либо видимых результатов. Стены у тюрьмы были толстенные, не хуже чем у любого замка. Припасами она была обеспечена на несколько лет вперед, (это не считая того, что у завоевателей еще и своих продуктов был целый воз). Так, что голодная смерть им не грозила. Больше всего осажденных (чуть не написал – осужденных) донимала скука, сидеть целыми днями взаперти было очень тяжело. Но тюрьму за просто так отдавать ни кто не собирался. Какая – ни какая, а все же – почти что своя, родная. За время своего вынужденного заточения клоуны уже успели к ней немного привыкнуть и даже чуть – чуть полюбить.

Осаждающие (и осуждающие) тюрьму бугорландцы, в отличие от клоунов, от безделья не страдали. Они, (опять же – в отличие от клоунов), регулярно получали положенное им по контракту жалование, а иногда даже и премию. Поэтому сидеть просто так без дела и скучать бугорландцам не полагалось. В свободное от несения службы время бугорландские солдаты занимались благоустройством своего лагеря и его близлежащих территорий. За время осады они нарыли вокруг тюрьмы кучу траншей и окопов, обустроив их на свой бугорландский лад. А именно – укрепили откосы камнем, сделали навесы от дождя, дорожки между постами посыпали желтым песком, очаг полевой кухни и тот выложили из крупного местного песчаника.

Таким образом, в лагере аборигенов царили чистота и по-

рядок. Окурки сигарет, пустые бутылки и иной мусор, все складывалось в специально для такого случая привезенные из Трунштейна урны.

Совсем другое дело было в тюрьме, где, с приходом заводителей, всюду теперь валялись разбитые бутылки, пустые консервные банки, окурки и прочий хлам. Видя такое безобразие, Горох решил навести в тюрьме хоть какой-то порядок. Крайним в этом деле оказался Мороз, бросивший на свою беду на глазах у царя оцукрок мимо урны.

– Даю тебе два часа сроку на то, что бы убрать весь мусор из тюрьмы, приказал Горох незадачливому Морозу.

– А куда я его дену? – завозмушался Мороз. – Меня же местные с этим мусором отсюда не выпустят. Немного подумав, он добавил:

– Я боюсь, что они меня теперь и без мусора отсюда ни куда не выпустят. Впрочем, можно выкинуть мусор через стену, и дело – с концом. Пусть местные там с ним мучаются.

– Даже и не думай об этом, одернул Мороза царь. – Хочешь на весь мир меня опозорить? Не забывай, что там у них придурок с кинокамерой ошивается. Знаешь-ка, что, – ты вырой яму и скидай в нее весь мусор, посоветовал Горох Морозу.

– А землю от ямы я куда дену?

– А ты вырой такую яму, чтобы места на все хватило, и на землю – и на мусор. Мороз ни чего на это возразить не смог, и отправился с недовольным видом за лопатой. Таким

вот образом и в тюрьме на какое-то время воцарился относительный порядок.

3.1.2.

По другую сторону тюремной ограды, у Виргеума, были свои заботы.

Вышло так, что все хлопоты по осаде тюрьмы легли на его изнеженные королевские плечи. Король с радостью переложил бы эти заботы на чужие плечи, но перекладывать было не на кого. Поскольку тот, кто по своей должности должен был обеспечивать безопасность страны – главнокомандующий Тортенсон в самый неподходящий момент выбыл из строя. Нет, он не пал на поле брани, как могли бы подумать некоторые слишком приткие умы, все оказалось намного прозаичнее, – он ушел в отпуск.

Ну, кто же мог предположить, что коварный Горох со всей своей компанией появится в Бугорландии так внезапно, не с кем заранее не согласовав свое вторжение. Тем более – летом, в самый неподходящий для этого момент, – в период каникул и отпусков. В Бугорландии любой мальчишка знал, что самое лучшее время для войны – поздняя осень, недели через три после сборки урожая. Три недели практичные бугорландцы отводили себе для свадеб и других праздничных гуляний.

Верный солдатскому долгу, Тортенсон готов был воевать и летом – в разгар курортного сезона, но идти на смерть

не отгуляв свой законный отпуск, это уж было через чур. Смерть на войне Тортенсона ни сколько не пугала. Смерть на поле боя, среди рвущихся снарядов и развевающихся знамен, – что может быть лучше, для старого вояки? Но умереть, не отгуляв свой законный ежегодный отпуск, он позволить себе конечно же, не мог. График отпусков утверждался Виргеумом еще в декабре прошлого года и ни кто не имел права его изменять.

Прихватив удочки, рюкзак с тушенкой и один из военных шатров, Тортенсон ранним утром, незаметно, (чтобы не вызвать панику среди своих солдат) покинул королевский лагерь. Он хотел было взять с собой еще и слона, со спины которого так удобно было рыбачить, но Виргеум не разрешил. И не то, что королю было жалко дать слона на время, нет, просто отсутствие такого большого животного сразу бы заметила Киса де Мура, и закатила бы Виргеуму страшный скандал. Королева даже в мирное время не любила, когда военное имущество использовалось не по назначению, а уж про нынешнюю ситуацию и говорить не приходится.

3.1.3.

Лишившись своего главного специалиста по военному делу, Виргеум как-то сразу приуныл. Ему до смерти уже осточертела вся эта тюрьма, от которой теперь ни на миг нельзя было отлучиться. Ни на рыбалку сходить, ни в огороде покопаться. Последнее обстоятельство особенно бесило короля.

Больше всего на свете он любил копошиться в своем огоро-
дике, среди грядок со свеклой и капустой. Нужно было сроч-
но что-то предпринимать, а что именно следовало предпри-
нимать знал только один человек в королевстве, а именно –
Али ибн Лура. К нему-то и отправился король, за очередным
советом. Виргеум уже несколько дней ничего не спрашивал
у своего мудреца, и теперь решил восполнить этот пробел.

В это время главный мудрец королевства пребывал в
крайне подавленном состоянии. В такое состояние он впал
сразу же после начала военных действий. Как известно, муд-
рец больше всего на свете любил тишину и покой, но, ни
как не гром пушек и разрывы снарядов. И теперь он целы-
ми днями лежал на диване, у себя в палатке, куря кальян и
пребывая в некой затуманенной прострации. Только таким
вот образом он мог заставить себя переносить все тяготы и
лишения военной службы.

Вошедший с улицы король первым делом сильно закаш-
лялся, и принялся размахивать руками, отгоняя от себя си-
зый табачный дым.

– Чем это Вы тут занимаетесь? – недовольно проворчал
король, – задохнуться можно.

– Курю, Ваше Величество, флегматично пояснил муд-
рец, – Еще вопросы будут?

Король с досады даже выругался про себя, за то, что так
глупо и бестолково использовал уже один вопрос. Но ничего,
у него еще имелась как минимум парочка вопросов в запасе.

Да только вот беда, король так разволновался, что ни как не мог сейчас сформулировать четкий вопрос. И чтобы как-то прервать затянувшуюся паузу король решил для начала поговорить немного на отвлеченные темы.

– Что-то давно Вас не видно у нас, часом не заболели ли? Это не вопрос, не вопрос, сразу же уточнил, наученный горьким опытом Виргеум. Али ибн Лура выжидающе посмотрел на короля.

– Я вот, что хотел у Вас спросить..., Виргеум задумался... Но то ли вопрос у короля все ни как не желал формулироваться, то ли под воздействием кальянных паров, но задумался Виргеум надолго. Вскоре Али ибн Лура надоело ждать вопроса, и он тихонько потряс короля за плечо. Виргеум очнулся, и спросил, не разобравшись:

– Где это я?

– Вы у меня в палатке, Ваше Величество, радостно ответил Али ибн Лура и снова впал в прострацию с чувством выполненного долга. Виргеум же от греха подальше отправился к себе, отдыхать.

Глава 2. Временное затишье.

3.2.1.

Таким образом, активные военные действия между сторонами не велись. Война приняла затяжной, медлительный характер. Виргеумских солдат, в отличие от клоунов – захватчиков, такое положение дел очень даже устраивало. Жили

они в палатках, на свежем воздухе, получали усиленное питание и существенную надбавку к жалованию. Дни стояли жаркие и солдаты с той и другой стороны в свободное от нарядов и караулов время всюду загорали по разную сторону тюремной ограды.

3.2.2.

Тортенсон, навещавший, время от времени, свое войско, все же выпросил у короля одного слона. (Младшего, конечно же, Старшего слона Виргеум благоразумно оставил у себя.) И теперь военный начальник рыбачил не с берега, где ловилась одна мелочевка, а почти на самой середине реки и на улов ему было грех жаловаться. Правда, полноценного отдыха у Тортенсона все равно не было, поскольку младший слон то и дело норовил свалить Тортенсона в воду, так, что военному начальнику приходилось быть все время на чеку и не дремать.

3.2.3.

Правители же враждующих сторон, как-то незаметно для самих себя подружились друг с другом и теперь вечерами даже играли вместе в шахматы. Происходило это так, Горох, сидя на крепостной стене, наблюдал за ходом игры в бинокль. Решив, куда следует ходить, он кричал в рупор об этом Виргеуму, а тот внизу передвигал шахматные фигуры и за себя и за царя. При такой игре, как ни странно выигрывал обычно Горох, и не потому, что он хорошо играл в шахматы, а потому, что Виргеум играл еще хуже. Виргеум проиг-

рывать не любил, поэтому всегда, когда дело приближалось к его проигрышу, король начинал нервничать, по несколько раз перехаживал, ронял фигуры, и, в конце концов, переходил на личности, т.е. начинал выговаривать Гороху за его поведение:

– А все – таки ты, Горох, не прав, так дела не делают. Что это такое – пришел, увидел, – отобрал. Так честные завоеватели не поступают.

– Вам хорошо говорить, Ваше Величество, не соглашался с королем Горох. – У Вас все есть, и земля, и замки, и государство. А как быть нам, – у которых ничего этого нет?

– Это – Ваши проблемы, морщился король, – и меня они не касаются. А вот тюрьму мою извольте вернуть.

– Для Вас, Ваше Величество, это может и тюрьма, парировал доводы короля Горох, – а для меня она как дом родной.

– Но, это же не нормально...

– А с Вами, Ваше Величество, по нормальному ни как не получается, отвечал в ответ на это Горох.

– Жениться тебе надо, вот что я тебе скажу, предлагал тогда король. – Найди себе какую-нибудь принцессу незамужнюю – и женись. Я слышал, что где-то в тридевятых царствах, в тридесятих государствах, за принцесс полцарства дают в придачу.

– Нас этими сказками не проведешь, усмехался в ответ Горох. – Ищите дураков в другом месте.

На этом игра обычно заканчивалась, и рассерженные пра-

вители расходились в разные стороны.

Глава 3. Бароны.

3.3.1.

Баронам же до всех этих мелких дрызг и пересудов не было абсолютно ни какого дела. Шахматы их тоже не интересовали. Каждый день, рано поутру они уезжали из тюрьмы, якобы за подвигами, но на самом деле просто на поиски приключений. И каждое утро бугорландцы пропускали баронов на волю, в надежде, что те обратно уже не вернуться. А когда вечером бароны все же возвращались обратно, бугорландцы выпускали их в тюрьму, поскольку там им (по мнению все тех же бугорландцев) было самое место. Таким вот образом бароны и шастали беспрепятственно на волю и обратно. Прodelать тоже самое, ни кто из завоевателей не решался.

Баронам же на приключения в последнее время что-то не везло. Ни великаны, ни драконы, ни другие какие либо кровожадные хищники на их пути не попадались. И, тогда Шампиньон ложился под ракитовым кустом и мирно дремал себе до обеда, а Батон, как более молодой и беспокойный, продолжал в одиночку шататься по округе.

И вот как – то раз, взяв без разрешения отцовскую свинью, (бароны, как известно, могли брать без разрешения все, что им вздумается), Батон, заблудившись, заехал куда-то довольно далеко от тюрьмы, и сам того не замечая, попал на чей-то огород. Свинья, завидев сочный салат и капусту, с ра-

достным визгом набросилась на дармовую жратву. Тюремная пища, судя по всему, и ей была не в радость.

И все бы было ничего, но тут их заприметила молодая девушка, по всей видимости, хозяйка этого огорода. Ничуть не убоившись огромного роста и страшного вида свиньи, девушка, схватив хворостину, принялась гонять хавронью по всему огороду, потоптав при этом еще больше капустных кочанов и морковных грядок. Батону такое легкомысленное поведение девушки крайне не понравилось, (вполне возможно из-за того, что он сам все это время находился не где-нибудь, а на этой самой, гоняемой по всему огороду, свинье.)

Поэтому Батон принялся орать во все горло, чтобы девушка прекратила хулиганить.

– И не подумаю, ответила наглая девица. – И еще все папе расскажу, и тогда тебе точно не поздоровится.

– Ну, и жук, должно быть у тебя папаша, ухмыльнулся Батон, – раз за какую-то там капусту способен удавится.

– Это не какая-нибудь там капуста, обиделась девушка, – а самая что ни на есть настоящая брюссельская капуста – кольраби.

На что Батон, рассмеявшись ей прямо в лицо, заявил, что ни какая это не брюссельская капуста. Его на мякине не проведешь, он – то знает, где растет брюссельская капуста

– Ну, и где же она растет? – растерялась девушка.

– Брюссельская капуста растет в Брюсселе, где же еще... – Эх ты – деревня, засмеялся довольный своей сообразитель-

ностью Батон.

– А ты собственно кто такой, чтобы смеяться надо мной? – не на шутку разозлилась девица.

Только тут Батон как следует ее разглядел, и узнал. Оказалось, что перед ним стоит не кто-нибудь, а та самая черноволосая девица, которую они встретили в самом начале своего путешествия, и с которой он давно уже хотел познакомиться поближе. И вот такая у них получилась встреча. Немного смутившись, (сильно смущаться баронам не полагалось ни при каких обстоятельствах) Батон слез, наконец-то, со свиньи и представился:

– Я барон Батон, и нам Батоном, т.е. баронам все дозволено в этом мире. Заметив отразившееся на лице девушки недовольство, Батон, желая приободрить ее, без всякой задней мысли добавил:

– Да не переживай ты так, может и тебе когда-нибудь повезет. Вам, женщинам, в этом смысле проще, – выйдет деревенщина, какая-нибудь замуж за барона, и все – считай она уже без пяти минут баронесса.

Девица от гнева даже ногами затопала и заявила, что ни когда она ... ни за что на свете она не станет баронессой. На что Батон заметил с усмешкой, что с таким характером это вполне вероятно. Когда же девушка заявила, что она и не желает быть баронессой, Батон обиделся, и обозвал ее дурой.

Так еще Лисичку, младшую дочь короля Виргеума (а это была именно она), еще ни кто не оскорблял, даже в школе.

Несколько секунд она стояла, молча, глотая воздух от гнева, не в состоянии вымолвить ни слова, а потом убежала прочь вся в слезах.

– Ну вот, и поговорили, задумчиво сказал сам себе Батон, и поехал обратно в тюрьму.

3.3.2.

А вечером того же дня за ужином Лисичка сдержала свое обещание и пожаловалась на Батона папе, который не смотря на военное положение ужинал всегда дома – в Трунштейне. Папа очень разозлился и на очередном шахматном сеансе (до того, как правители начали обсуждать щекотливый вопрос о частной собственности на местную недвижимость) пожаловался Гороху на его подчиненного. В ответ на это Горох пообещал сурово наказать Барона и посадить его в тюрьму. Как сказал, так и сделал, – посадил, т.е. запретил ему целую неделю выезжать куда-либо за пределы тюрьмы.

Батон же, узнав, что дикая незнакомка, которую он так некстати оскорбил, есть не кто иная, как принцесса, обрадовался и закричал на всю камеру:

– Подумаешь – принцесса. Это сегодня она – принцесса, а завтра ни куда не денется – станет баронессой. За что и получил от царя Гороха еще неделю тюрьмы.

Глава 4. Новое лицо.

3.4.1.

Тем временем в Бугорландии жизнь на месте не стояла. В ночь со среды на пятницу границу Бугорландии пересекла некая весьма упитанная дама. Дама в черном. В черном платье с белыми кружевными оборками. Лицо незнакомки скрывала черная шелковая вуаль. Из личных вещей при даме был только небольшой кожаный саквояж, судя по всему – весьма тяжелый. Бугорландскую границу незнакомка переходила крадучись на цыпочках, и ежеминутно оглядываясь, словно боясь встретить кого-нибудь в этот поздний час. Судя по всему, дамочка явно не хотела афишировать свой приезд.

Тут как назло из-за ближайших кустов вылез черно-белый кот с дымящейся сигарой в зубах, и принялся бесцеремонно тереться о толстые икры незнакомки, громко урча при этом на весь лес. Дама, схватив двумя пальчиками наглого кота за загривок, подозрительно оглядела его со всех сторон, и, убедившись, что сие животное не представляет для нее ни какой опасности, успокоено, забросила его в густые заросли терновника в изобилии росшего вдоль дороги. После чего пошла себе дальше, вздрагивая от каждого шороха.

Впрочем, далеко уйти ей не удалось. Не успела дама пройти и нескольких шагов, как тут же столкнулась нос к носу с главным мудрецом королевства. Дама так внимательно глазела по сторонам, что не видела, что творится у нее под носом. Мудрец же стоял прямо посреди дороги, высоко задрав голову, и разглядывал звезды. Выспавшись днем, (он всегда старался спать только днем, что бы ни кого не видеть и не

слышать), Али ибн Лура любил гулять по ночам, размышляя в крошечной тишине о всевозможных тайнах и загадках вселенной. Мудрец любил ночь с ее беспредельной тишиной и спокойствием, когда ни кто к нему ни приставал ни с какими дурацкими вопросами.

Но только не в этот раз. Не успел Али как следует насладиться прохладой ночи, как его тут же сбила с ног таинственная дама под вуалью.

– Скажи-ка, любезный, обратилась дама к лежащему в пыли мудрецу, поправляя при этом двумя руками свой пышный бюст, – где тут у вас Горох обитает? В ответ на это Али ибн Лура, истошно завопив, умчался прочь. Дама в замешательстве закурила сигару, с трудом достав при этом спички откуда-то из – под своих многочисленных юбок.

Тут-то ее и заметил неугомонный режиссер, который также как и мудрец любил изредка побродить по ночам, в поисках вдохновения. Днем он еще остерегался покидать бугорландский лагерь, но ночью природное любопытство брало вверх над осторожностью. И режиссер тайком ото всех гулял по ночному лесу, обдумывая очередной сюжет своего нового фильма. Заметив курящую на дороге одинокую даму с пышным бюстом, Факс с интересом приблизился к ней, усиленно стараясь при этом припомнить, где он оставил свою камеру. Его неразлучная спутница ворона встревожено кружила над его головой. Сев на ближайшую ветку мудрая птица прокаркала:

– *Бывает и хуже...*

Обнаружив, что ее обнаружили, дама выпустила струю сигарного дыма в воздух, и злобно пробормотала:

– Ну, что уставился, лупоглазый. Деньги есть? Факс ошарашено покачал головой.

– Врешь ведь, собака. По глазам ведь вижу, что врешь. Ну да, шут с тобой, горестно вздохнула дама, – скажи-ка мне лучше, как бы мне Гороха найти?

На этот довольно странный вопрос Факс честно и прямо ответил, что сейчас все рынки закрыты, поскольку ночь на дворе. Обозвав Факса – «чертовым маразматиком» дама все же уточнила, что ей нужен не просто горох, а так называемый царь Горох – завоеватель. Разобравшись, что к чему Факс тут же послал даму в тюрьму. Незнакомка обиделась и хотела стукнуть Факса саквояжем по голове, но промахнулась. Факс не стал дожидаться, покуда дама замахнется на него вторично, и благоразумно отскочив в сторону, пояснил, что Горох со всей своей компанией уже вторую неделю сидят в местной тюрьме. На что незнакомка, хмыкнув носом, злобно заметила, что ничего другого она от этого Гороха и не ожидала. После чего поинтересовалась судьбой барона с сыном-недотепой. Факс не стал лукавить и честно признался, что бароны сидят там же, в соседней камере. Дама от огорчения смачно сплюнула на землю, после чего вновь поинтересовалась у Факса:

– Ну, а деньги-то у них есть?

– Сейчас у них денег нет, честно признался режиссер, больше обычного заикаясь от волнения. – Но деньги будут, скоро будут. Вот продадут они тюрьму, и денег у них будет – море. Простите, а Вас случайно не Дюймовочкой зовут?

– Нос, меня зовут – карлик Нос, буркнула в ответ незнакомка.

– Странное имя для дамы, удивился Факс.

– Ничего тут странного нет, раздраженно заметила дама. – Нос – это не имя, и даже не фамилия. Нос – это стиль жизни, псевдоним – проще говоря. Нос – от слова «носить», «возносить», «поносить», «уносить», «доно... – Ну, и так далее... – И заруби себе на носу... – Тыфу ты, привязался ко мне этот нос как банный лист... – В общем не суй свой нос в чужие дела, пригрозила дама напоследок. – Иначе, – останешься с носом...

Потушив окурок сигары о подошву своей босоножки 45 размера, дама спросила:

– Ну, и как мне быстрее всего в тюрьму попасть?

– Да зачем Вам это нужно? – попытался отговорить незнакомку от такого опрометчивого поступка режиссер. – Вы такая молодая, у Вас еще вся жизнь впереди...

– Убью, скотина! – прорычала дама в ответ.

Видя, что женщина разводить шуры-муры сейчас не в настроении Факс, вкратце объяснил, как ей сподручнее всего добраться до тюрьмы.

– Если заблудитесь, посоветовал он напоследок, – пппо-деритесь с кем-нибудь, и вас тут же дддоставят в тюрьму бб-быстро и совершенно бббесплатно.

При этих словах режиссера охватило неодолимое желание снять на пленку эту странную даму прямо здесь и сейчас, пока она себя окончательно еще не погубила. На фоне полной луны и блеклом мерцании звезд,

– Ззнаете, что, быстро затараторил Факс, боясь, что да-ма вновь его перебьет или побьет. – У меня в лагере ккка-мера осталась. Я... я не предполагал, что она сегодня мне может пппонадобиться. Вы пппостойте здесь нннемного, а я бббыстренько сбегая за ней, и тут же вввернусь. И не до-жидаясь ответа, режиссер со всех ног кинулся бежать прямо сквозь колючие кусты.

– Ну и страна, процедила сквозь зубы дамочка с саквоя-жем, – одни камеры, лагеря, – да тюрьмы. Я, конечно, хотел отсидеться до поры до времени, – но не также!

3.4.2.

Дождаться возвращение блудного режиссера дама, ко-нечно же, не стала, и уже через час она благополучно сту-чала ногой в мрачные тюремные ворота. Нынешнее поколе-ние бугорландцев предпочитало не связываться с женщина-ми без особой на то необходимости, поэтому они спокойно пропустили даму сквозь свои ряды в тюрьму, резонно решив, что та пришла к кому-то из заключенных на свидание. Тра-

урное одеяние дамы вполне соответствовало этому предположению.

Маргадон, стоявший в эту ночь на страже тюремных ворот, увидав особь женского пола в такое время и в таком месте, от удивления широко разинул рот, и некоторое время был просто не в состоянии понять чего она от него хочет. Дама же хотела только одного – попасть в тюрьму.

– Что, прямо сейчас? – испуганно пролепетал изумленный стражник.

– Да, идиот, прямо сейчас! – заорала на него незнакомка в черном. Совсем потерявший голову Маргадон бросил свой пост и побежал за Грифуссом. Будить царя, даже в таком возбужденном состоянии, он так и не решился.

Грифусс же в это самое время мирно дремал себе сидя за огромным пультом тюремной охраны. За этим охранным пультом он проспал много лет, по долгу службы охраняя пустые камеры. За тридцать лет своей безупречной службы палач так привык к этому пульту, что теперь мог спокойно спать только здесь.

Выслушав взволнованного Маргадона, палач ни чему уже не удивляясь, молча направился к воротам. События последних дней показали, что в жизни может случиться все, все что угодно. Молча открыв ворота, Грифусс впустил даму в тюрьму. И лишь потом, чисто формально, поинтересовался, что же привело благородную леди в эти застенки.

– Деньги, грубо ответила леди. После чего невозмутимо

достав, из-под многочисленных своих юбок, сигару, дама закурила. Палач озадаченно почесал в затылке.

– Лично я женщинам денег принципиально не даю, заметил он как бы невзначай. – Они их тут же все растратят. Давать женщинам деньги все равно, что кидать их на ветер. В смысле – деньги кидать на ветер, а не женщин...

– Горох у тебя сидит? – резко перебила дама разговорчивого палача.

– Ну, предположим что у меня, с некоторым опасением вынужден был признать палач. – А в чем, собственно, дело?

– Провидите, провидите меня к нему, я хочу видеть – этого человека, рявкнула дама.

– Приемные часы у нас с десяти до пяти каждую субботу. И то только для близких родственников. Вы ему близкая родственница?

– Очень, невозмутимо ответила дама. – У нас с ним бизнес, понимаешь, – бизнес. Дурья твоя башка.

– Знаем мы этот ваш бизнес в час ночи, пробурчал в ответ Грифусс. – И вообще, их величество сейчас отдыхать изволят. Им сейчас не до баловства.

– Ты, что, облезлая обезьяна, места своего хочешь лишиться? Я это могу устроить в два счета, в ярости заорала дама. – А ну, живо веди меня к Гороху!

– Иди на пост, прикрикнул в свою очередь Грифусс на Маргадона, зачарованно не отводившего глаз с пышнотелой незнакомки. – Нечего тебе это на это безобразие смотреть,

мал еще! После чего лично препроводил даму в камеру к Гороху.

3.4.3.

Царь в это время мирно спал вместе со всеми своими немногочисленными подчиненными в одной большой камере. Спать в маленьких одиночных камерах клоуны боялись.

Проснувшись от скрежета открываемой двери, горе-завоеватели увидали в проеме двери странный силуэт. Спросонок они поначалу приняли было этот силуэт за местное приведение, и дикий ужас сковал их члены. В камере установилась мертвая тишина. Дама же, воспользовавшись благоприятной для нее ситуацией, не спеша подошла к нарам, на которых спал Горох, и грозно спросила:

– Не узнаешь меня?

Горох, натянув одеяло по самую шею, отрицательно покачал головой. Хотя, что-то во взгляде этой странной дамы было ему знакомо.

– Сам сначала объявись, а предъявы потом кидать будешь, – подал голос, лежавший на верхних нарах, Мороз. – С кичи давно откинулся?

– Я – Нос, сыщик Нос, представилась дама. – Прибыл к вам по долгу службы. Ищу, сыщик-дама подозрительно огляделась по сторонам, – ищу себя ...

– Кого ищете? – не понял Горох. – Себя? Но зачем?

– Такое важное дело не стоит доверять посторонним ли-

цам.

– А, коллежский ассессор Ковалев, Вам, случайно, не родственник?

– Ни в коем разе, у нас в роду сроду ни кого ниже статских советников не было.

– Подозрительно все это, задумчиво пробормотал со своей шконки Цап-Царапыч. – Дама одна, в такой час, в тюрьме. Вы часом случайно не того...

– Нет, отрезала дама.

– Жаль... – А от нас тогда, что вам нужно?

– Хотелось бы немножко денег получить...

– Каких еще денег? – не понял Царь.

– Любых, радостно залепетала пышнотелая дама. – Меня устроят любые деньги, в неограниченном количестве...

– А Вы точно часом не того..., – уточнил еще раз Цап-Царапыч.

– Нет, рывкнула дама, – и не надейся!

– Это Вы, не знаю, на что надеетесь, обиделся клоун. – У нас здесь пока, что еще тюрьма, а не... черт знает, что...

Оставив этот возглас без внимания, дама с интересом оглядела камеру:

– А у вас тут довольно уютно. Я, пожалуй, поживу здесь немного. Как говорится денег нет, так хоть пустите переночевать.

Камера, в которой находились сейчас завоеватели, и впрямь была отделана со вкусом и поистине с королевской

роскошью. Здесь все осталось без изменения со времен незабвенного герцога Рокфора. Стены камеры были сплошь увешаны старинными гобеленами и подлинниками картин известных мастеров живописи. Паркетный пол был застлан настоящими персидскими коврами. Даже нары, на которых располагались сейчас клоуны, и то были сделаны из красного дерева с золотыми инкрустациями. Хрустальная люстра в сотню свечей освещала всю эту неземную красоту. Главную камеру ни кто не занимал со времен герцога Рокфора, в виду отсутствия подходящего по статусу заключенного. Поэтому-то все вещи, находящиеся здесь, так прекрасно и сохранились. Сюда лишь изредка водили на экскурсию школьников, показать, в каких условиях приходилось отбывать заключение несчастным узникам в средние века.

Предусмотрительные Бугорландские короли даже в свои самые неблагоприятные с финансовой стороны годы, не разоряли эту камеру, резонно оставляя ее на черный день. (На свой черный день, разумеется, ведь в жизни всякое могло случиться.) И вот сейчас все пошло кувырком. Сначала эту неприкосновенную камеру занял самопровозглашенный (с точки зрения бугорландцев) царь Горох, а теперь на эту жилплощадь стала претендовать еще и наглая носастая дамочка.

– Выбирайте сами, предложила дамочка царю, – либо деньги – либо хата.

– С баблом у нас сейчас не очень, буркнул с верхней полки

Мороз.

– А сколько есть?

– Вообще-то, сударыня, опомнился Горох, – вопросы здесь задаю я. Так, что я попросил бы Вас покинуть это помещение.

– Ну, хорошо, хорошо, пошла на попятную толстуха, – давай-те разойдемся по хорошему...

– Куда нам расходиться, досадливо хмыкнул царь, – ведь мы и не сходились вовсе.

– Когда сойдемся – поздно будет, резонно заметила дама.

– Вон отсюда, заорал взбешенный такой наглостью царь.

– Неужели у Вас хватит совести выгнать бедную женщину с ребенком ночью на улицу, заплакала в свою очередь, незнакомка.

– А ребенок-то где? – не понял Горох.

– Его пока нет, но он будет...потом, обязательно будет...

– Вот когда будет, тогда и поговорим, а сейчас...

– Разрешите мне остаться, хотя бы не надолго, не унималась дама. – Ну, хотите, я сама вам заплачу...

– Гусары денег не берут, мадам, гордо молвил Цап-Царапыч. Клоуны дико заржали.

– Камеры не сдаются, отрезал царь, – нам здесь самим тесно. И потом, мадам, это чисто мужская тюрьма.

– Ну, хорошо, вздохнула дама, – я открою Вам свой маленький секрет. Надеюсь, Вы – джентельмен, и этот разговор останется между нами.

– Здесь все джентельмены, заметил с некоторым пафосом Горох. Окончательно проснувшиеся завоеватели тем временем ближе придвинулись к незнакомке, чтобы ненароком ни чего не пропустить.

– Я, я ... не девица, зарыдала незнакомка. Ряды завоевателей сомкнулись еще теснее. И тогда, не прекращая рыданий, дама рассказала трагическую историю всей своей жизни.

Как оказалось, под личиной благородной леди скрывался ни кто иной, как наглый чиновник из отдела согласования и лицензирования (для тех, кто уже успел его забыть, см. главу 1.6.1.) Вскоре после той памятной встречи с Горохом вся жизнь у него пошла наперекосяк. Чиновником заинтересовались некие компетентные органы, а жена его, наоборот, совсем перестала им интересоваться. Вследствие чего и сбежала от него с учителем математики. В след за ними вынужден был податься в бега и сам чиновник, облачась, для маскировки, в женское платье.

– Таким вот образом я и дошла, точнее, дошел до такой жизни, закончил свою речь чиновник. – Помогите, люди добрые кто, чем может. Мы сами не местные...

Но тут Горох грубо перебил его, резонно заметив, что беглым чиновникам не место в тюрьме.

– Беглые чиновники, грозно добавил царь, – должны скрываться в более приличных местах, на всемирно – известных курортах и здравницах мира, а не в этой глуши. Так, что держать Вас здесь, в тюрьме, я не имею права. Но и выкинуть

вас сейчас на улицу среди ночи мне совесть не позволяет. Дождемся утра. А пока, что, – раздевайтесь, приказал царь.

Беглый чиновник, он же дама, он же сыщик раздеваться при всех категорически отказался. В ответ на это, клоуны, похабно заржав, повскакав со своих нар, в два счета раздели беднягу, оставив на нем лишь старые кальсоны в бледно-голубую полоску. Бедняга отбивался, как мог, но сила в эту ночь явно была не на его стороне.

– Ну, хватит, хватит, прикрикнул на распоясывавшихся подчиненных Горох, после чего обратился непосредственно к чиновнику:

– Посмотрите на себя, любезнейший. Это же форменное безобразие, своим непотребным видом вы порочите всех женщин на свете. Нет, Вам непременно следует сменить имидж, быть женщиной вам не к лицу. И он поинтересовался у бывшего лекаря Фиштуллы, что тот может сделать с чиновничьим лицом, чтобы того ни кто не узнал.

На что Фиштулла, ответил не раздумывая, что с чиновничьим лицом он может сделать все что угодно. Может выбить ему зубы, расцарапать лицо ногтями, глаз подбить, и поковырять все до единого волосики, так, что его родная мать не узнает. Но Горох пожалел несчастного, и велел для начала принести из тюремной кладовой что-нибудь из одежды. Яшка быстренько сбегал в кладовку и принес оттуда разноцветный костюм шута и колпак с бубенцами. Чиновник ошарашено уставился на этот костюм.

– Это, что – мне? Да Вы, что – совсем обалдели. Никогда, слышите меня, никогда не буду я шутком гороховым.

– Ни когда не говори «никогда», обиделся Горох. – Мы к нему со всей душой, помочь хотим, а он еще выкобенивается.

– Да я не против того, чтобы переодеться, но не шутком же. Кем угодно, только не шутком.

– Да чем тебе шут не угодил–то? – удивился царь. – Они такие же люди, как и все.

– Ну, замаялся чиновник, не зная, что на это ответить. – Над ними же все смеются.

– Пусть над Вами лучше смеются, чем плачут, заметил Горох. – Вам все равно, а людям приятно будет.

– В том то и дело, что мне не все равно, возмутился чиновник. – Я же чиновник...

– А я и забыл, усмехнулся царь, – спасибо что напомнил.

– Мочить надо козла и концы в воду, подал голос Мороз.

– У нас же теперь свой палач есть, встрял тут в разговор Фиштулла. – Пусть покажет, на что он способен. При этих словах клоуны все как один повернули головы, и уставились на палача.

– А чё- я, чё – сразу я. Нечего на меня стрелки переводить, заволновался Грифусс. – Вы его в плен взяли, вы его и казните. А то чуть что – так сразу Грифусс, Грифусс. Как будто кроме Грифусса больше и нет никого...

– Ты за это деньги получаешь...

– Да я от вас еще ни гроша не получил.

– Будешь так работать – точно ни чего и не получишь.

– Не ссорьтесь, не ссорьтесь, друзья мои, миролюбиво заметил царь. – Ни кто, ни кого убивать не будет, пока, по крайней мере. Есть у меня насчет этого придурка одна задумочка. Шутом ему быть и в самом деле еще рано. Не дорос он до шута. Он тут что-то насчет ребенка базарил... Так вот – будет ему ребенок, да еще какой... – А для начала ему самому нужно заново родиться. Коль эта жизнь у него не получилась, – пусть начнет все заново. Я тут видел – у нас на заднем дворе подгузники сушатся, 56 размера. Тащи их сюда, приказал царь Яшке. – И чепчик не забудь. Безотказный Яшка сбегал и принес белоснежные подгузники, чепчик и даже резиновую соску.

Чиновник как ни упирался, но после долгих пререканий и уговоров вынужден был переодеться младенцем.

– Ну, вот, это же совсем другое дело, радостно заметил Горох, надевая на голову чиновника розовый чепчик. – Приятно видеть, что наконец-то и Вы, стали хоть немного походить на человека. А то обрядился женщиной, – тьфу ты, боже мой...

– А это вам лично от меня, протянул Батон новоиспеченному младенцу черные солнцезащитные очки. – В них Вам все будет видаться в другом цвете.

– Осторожней с идеями, сынок, воскликнул Шампignon, – так недолго и философом стать. А баронам это ни

к чему.

– Это все тюремные стены виноваты, папа, виновато за-метил Батон.

От черных очков беглый чиновник отказываться не стал. Из всей предоставленной ему одежды, они понравились ему больше всего.

Горох же, пристально оглядев младенца со всех сторон, пробормотал:

– Ну, что же... – Очень даже ничего получилось... – И как нам теперь Вас звать – величать?

Чиновник недовольно буркнул под нос:

– Называйте меня просто – Донна Роза Сальвадорес.

– Ты, что опять за старое взялся? – разозлился царь. – Какая еще роза, рожа ты немытая... – Отныне мы будем звать Вас – Пупсом! И ни как иначе.

– Что это за имя такое мерзопакостное – Пупс, возмутился новоиспеченный младенец, с недовольной гримасой оглядывая всех присутствующих в камере, словно бы видел их впервые.

– Тебе бугор погоняло выписал, мрачно заметил Мороз, – вот и пользуйся.

Пупс тяжело вздохнул, но спорить не стал, лишь спросил у царя:

– Вы точно уверены, что мне теперь некого бояться?

Горох в ответ пожал плечами. Тогда Пупс развернулся, подхватил свой саквояж, и, ни с кем не прощаясь, направил-

ся к выходу.

3.4.4.

Осаждающие тюрьму бугорландцы беспрепятственно пропустили Пупса сквозь свое охранение, приняв его по простоте душевной за местного приведение. Только Кварк, не верящий ни в какие потусторонние силы, бросил в Пупса булыжник, в результате чего на лбу у новоиспеченного младенца тут же соскочила здоровенная шишка. Однако мытарства Пупса на этом не закончились. Толи от полученного ушиба, то ли по какой иной причине, но в голове у него созрел новый коварный план. Чтобы поправить свое пошатнувшееся общественное положение Пупс решил жениться. И жениться он решил, не на ком-нибудь, а на самой настоящей принцессе. А так как настоящие незамужние принцессы встречаются в наше время крайне редко, то Пупс не стал откладывать дело в долгий ящик, и напрямик направился к Виргеуму в Трунштейн – свататься.

Как известно королевство Бугорландия было очень маленьким королевством. Вследствие чего Виргеум каждый вечер возвращался ночевать в свой замок, в то время как все его основное войско продолжало сторожить тюрьму. Сладко выспавшись дома на мягкой перине, король возвращался на передовую на следующий день только к обеду.

Ориентируясь по дорожным указателям, Пупс тем временем благополучно добрался до королевского замка. Пона-

чалу у него правда возникли опасения относительно того, как он попадет внутрь замка в такое неурочное время, но эта проблема решилась сама собой. Ворота замка оказались незапертыми, поскольку Дюбель, как и все был мобилизован и сейчас находился далеко отсюда. Таким образом, бывший чиновник совершенно беспрепятственно проник в королевскую резиденцию. А там было совсем просто. Королевскую чету он нашел в столовой, где они в это время завтракали, вместе со своими придворными.

Заметив Пупса, принцессы захлопали от радости в ладоши и закричали:

– Утя, утя...

– Позвольте, возмутился Виргеум, – какая еще такая утя-утя. Мы детей не заказывали. У нас война, как ни как идет, и нам сейчас не до детей.

– По этому вопросу, Ваше Величество, заметил Пупс, вальяжно развалившись на ближайшем свободном кресле, – я с Вами полностью согласен. Заводить детей спешить не стоит, сначала нужно для себя пожить.

После чего, младенец достал из подгузников сигару и не спеша закурил.

– У Вас, Ваше Величество, как я слышал, дочки на выданье, перешел Пупс непосредственно к делу. Выпустив струю сизого дыма в потолок, Пупс продолжил:

– Они, как я погляжу, довольно симпатичные, я – чертовски привлекателен, так чего зря время терять.

Все присутствующие, в ответ на это, весело засмеялись.

– Что вы там ржете, разозлился Пупс, – я в натуре базуру, чисто по теме. Бабок у меня – немерено, – целый чемодан. Придворные стали смеяться еще громче. Пупс же чуть с кресла не свалился от досады.

– Не верите? Вот – смотрите, он открыл свой саквояж, который и в правду оказался доверху набит новенькими денежными купюрами. Но придворные, думая, что это простые бумажки стали еще пуще хохотать. Тогда Пупс, он же Сыщик Нос, он же Донна Роза Сальвадорес схватил саквояж, и в ярости выбежал вон из замка... Не забыв при этом громко хлопнуть дверью. Вслед ему неслись взрывы не утихающего хохота.

Глава 5. Новые лица.

3.5.1.

Больше ни чего интересного в эти дни в стране не происходило. Солдаты как обычно несли свою нелегкую военную службу, а правители, как обычно играли в шахматы, в окружении зевак с той и другой стороны. Зеваки эти состояли в основном из гороховских и бугорландских солдат, которым было выгодно присутствовать на таких соревнованиях, поскольку при этом они освобождались от всех других своих побочных служебных дел как-то: уборка территории, занятия физкультурой, строевой подготовкой и т.д. Взамен им нужно было всего лишь сидеть и смотреть с заинтересо-

ванным видом в сторону шахматной доски, думая при этом о чем-то своем, можно было даже немного поспать, только без храпа. Безмятежный солдатский храп почему-то всегда сильно бесил высокопоставленных шахматистов.

Здесь надобно заметить, что Гороховские солдаты продолжали носить свои дурацкие клоунские костюмы. Тем самым Горох давал понять всем своим подданным, что им рано еще расслабляться, и дело, ради которого они прибыли сюда, еще не закончено. Царь публично поклялся не снимать клоунского наряда до своей официальной коронации. Единственно, что он себе изредка позволял, так это накинуть поверх клоунского жакета черный шелковый плащ. Да и рыжий парик он, в отличие от остальных своих подданных не носил, так как тот ему был явно не к лицу.

Как-то раз, в один из таких вот шахматных сеансов, случилось неожиданное происшествие. Поначалу все было как всегда – правители играли, солдаты с самым заинтересованным видом дремали рядом. Виргеум медленно, но неотвратимо проигрывал. Он уже лишился ферзя, двух ладей и слона, в то время как Горох потерял только одного коня да пару пешек.

И вот когда до неминуемого мата Виргеумскому королю оставалось два, максимум три хода, случилось неожиданное.

– Смотрите, смотрите, гора движется, закричал вдруг Виргеум, вскакивая со своего места.

– Знаем мы все эти ваши штучки, не поверил ему Горох. –

У Вас всегда, как только дело приближается к мату, и горы начинают двигаться, и коровы летают.

– Да нет же, не унимался Виргеум, там, – в самом деле, гора движется.

И впрямь, из – за горизонта, – в направлении тюрьмы, двигалось какое-то огромное сооружение, издали очень похожее на гору.

Впереди этой движущейся горы шел толстый монах, в серой поношенной робе, с корявым посохом в руке. Следом за монахом бежал кот черно-белый масти с задранной вверх хвостом и неизменной сигарой в зубах. Время от времени монах пытался отогнать кота своей клюшкой, но все было без толку – кот не отставал. Через какое-то время монах благополучно добрался до Виргеумского лагеря, гора же при этом благоразумно остановилась чуть поодаль. Кинув быстрый взгляд на шахматную доску, монах посоветовал Виргеуму ходить лошадью. Два правителя недовольно переглянулись, они как истинные любители шахмат не любили, когда им кто-нибудь чего-нибудь советовал.

– Это что еще за фрукт такой объявился? – поморщился Виргеум. Все сидевшие рядом с королем бугорландские солдаты разом повернули головы в сторону монаха, и грозно нахмурились. Все, кроме Лёлика, который только что сменился с поста, где он отстоял нелегкую ночную вахту, и сейчас благополучно спал с открытыми глазами.

– Этого кота я знаю, радостно заорал тут режиссер, – он

разговаривать умеет. И тут же направил на кота объектив своей кинокамеры.

Заметив обращенные на него многочисленные взоры черно-белый кот смутился, и, отбросил сигару в сторону, всем своим видом показывая при этом, что он тут вовсе и не при чем, просто случайно мимо проходил.

Монах же напротив, только обрадовался тому обстоятельству, что все обратили на него свое внимание.

– Я пришел к вам с миром, дети мои, заявил монах, обращаясь при этом сразу ко всем присутствующим.

– Привет и тебе, папаша, закричал Кварк, – самый шепутистый солдат из бугорландского войска. Все засмеялись.

– Ну, вот и чудненько, обрадовался монах, – контакт с аудиторией налажен. Только зовут меня не папаша, и даже пока не папа, а его высокопреосвященство Епископ Торский, представился священнослужитель.

– Да ни кто тебя, ни куда не зовет, ты сюда сам приперся, заметил все тот же Кварк из толпы. Солдаты снова заржали.

– Я не понял, это кто там все время жужжит? – разозлился Епископ.

– Это Кварк, пояснили из толпы, – он у нас страсть как не любит монахов. У него один монах как-то денег занял, а потом взял, да и помер. Объялся бедолага несвежих устриц на королевском балу. И с тех самых пор Кварк больше не доверяет священнослужителям.

– Ну, и зря, с усмешкой заметил Епископ. – Не все же

монахи такие слабаки, что мрут от каких-то там ракушек. Я вон сколько раз травился и..., и ни чего – жив – здоров, на радость своим кредиторам. Так, что Кваки ваш просто дурак.

– Ни какой я тебе, ни кваки, я Кварк, обиженно поправил монаха Кварк.

– Ну, коли ты Квак, то сиди и не квакай, когда старшие разговаривают. После чего, сделав смиренное лицо, епископ продолжил:

– Мы сеем мирное, доброе, вечное, дети мои. На что Виргеум, как заядлый огородник – любитель, резонно заметил, что «сеять уже поздно, все уже давным – давно отцвело».

– Может быть, у вас здесь все и отцвело, а у нас так все в самом разгаре, не остался в долгу Епископ. Виргеум сильно обиделся на это последнее высказывание священнослужителя. Король считал себя большим специалистом в сельском хозяйстве, и не любил когда его знания в этой области ставились кем-то под сомнение. Поэтому, достав из кармана скомканный носовой платок и громко высморкавшись в него, Виргеум предложил Епископу ступать себе с богом, куда глаза глядят. Царь Горох высказался более радикально, послав Епископа еще подальше.

– Ну, пеняйте на себя, рассердился Епископ, и со всей силы так стукнул своим посохом о землю, что земля под ним содрогнулась. Точнее это содрогнулась гора, до этого момента тихо – мирно стоявшая себе неподалеку. Содрогнувшись,

эта гора, словно бы по мановению волшебной палочки медленно поползла в сторону лагеря. Бугорландские солдаты, схватившись для приличия за оружие, принялись просчитывать в уме, когда им лучше всего дать деру. Задача эта была одна из самых сложных на войне, – побежишь раньше всех – опозоришься на весь свет, а чуть запоздаешь, можешь и вообще не успеть убежать. В этот момент многие из бугорландцев, может быть единственный раз в своей жизни, пожалели, о том, что они сейчас находятся не в тюрьме, под защитой ее толстых каменных стен. Гороховцы же наоборот, стояли с самым невозмутимым видом, показывая всем, что они не сколечко не боятсядвигающихся гор. Они в два счета разобрались бы с этой горой, если бы не долг службы, не позволяющий им без приказа покинуть свой пост.

Между тем гора приблизилась настолько, что все распознали в ней гигантскую черепаху. Бугорландцы сразу же успокоились, и опустили ружья. Черепах, пусть даже таких гигантских как эта, они не боялись. Они вообще не боялись ни каких травоядных животных, пусть и очень больших. Но больше всего бугорландские солдаты обрадовались тому обстоятельству, что они мужественно выдержали посланное им судьбой нелегкое испытание, и не разбежались кто – куда раньше времени, сохранив тем самым свою честь, достоинство и квартальную премию.

И пока бугорландские солдаты предавались, в душе, ликованием, гигантская черепаха вплотную подползла к их лаге-

рю. И только тут солдаты смогли воочию убедиться, что это животное, при всей своей кажущейся безобидности, не стоит недооценивать. Сверху на панцире черепахи было устроено что-то наподобие маленькой крепости с бойницами. На одном черепашьем боку висел на цепи большой корабельный якорь, к другому боку крепилась выдвижная подъемная лестница. Ближе к хвосту, на некотором возвышении, стояла маленькая ракетная установка. Большой узорчатый фонарь, прикрепленный над самой головой черепахи, предназначался судя по всему, для освещения пути в ночное время.

Управлялась эта гигантская черепаха посредством обычного корабельного штурвала. При помощи хитроумных тросов голова черепахи поворачивалась то вправо, то влево, смотря куда нужно было ехать. Управлял всем этим хозяйством маленький узкоглазый рулевой, из-под монашеской рясы у которого проглядывала самая обыкновенная матросская тельняшка.

Двое других обитателей черепахи, тоже, по всей видимости, монахи, с интересом разглядывали Бугорландский лагерь из-за бойниц крепости, с явным желанием чем-нибудь тут поживиться. Внезапно рулевой выкинул за борт якорь, цепь натянулась, и черепаха вынуждена была остановиться. После чего монахи, зарядив ракетную установку, направили ее в сторону бугорландского войска.

Выждав паузу, Епископ торжественно провозгласил:

– Начнем все с самого начала. Я, дети мои, прибыл к вам издалека, специально для того, чтобы всех вас просветить. Донести до вас, так сказать, свет знаний. Если кому-то что-то не понятно, – спрашивайте – не стесняйтесь.

– Мне, мне не понятно, поднял руку король Виргеум. – Мне не понятно – с какой это стати Горох у меня тюрьму отобрал, а?

– Да она у него все равно без дела простаивала, не остался в долгу Горох. – А у меня любой из солдат этой тюрьмы достоин.

– Ну, так и сажай их в свою тюрьму, возмущенно воскликнул Виргеум, – а мою не трогай.

– Да она теперь и так моя.

– Как это твоя? – взвизгнул от такой наглости Виргеум. – С какой это стати?

– С такой вот, – раз я ее у тебя отобрал, значит, она моя...

– Не отобрал, а украл...

– Вы, что тюрьму поделить не можете? – удивился монах. – Ну, вы, ребята даете! Сколько я всего на свете повидал, а такое вижу впервые...

– Больше и не увидишь, необдуманно выкрикнул все тот же Кварк из толпы. Солдаты дико засмеялись.

– Да вы тут все, как я погляжу, грозно прорычал Епископ, – из моего выступления балаган устроили. Но ничего это дело мы исправим.

И епископ, взмахнув рукой, крикнул:

– Ну, ребята – давай! Раздался выстрел, и огненная ракета с диким треском вылетела из черепашьей крепости, оставляя за собой ярко-белый дымовой след. И уже через мгновение, (никто и глазом моргнуть не успел), как шахматная доска, возле которой стоял король, разлетелась на мелкие кусочки.

Виргеум, вытирая лицо обгоревшими лохмотьями, только и смог произнести:

– Я – то тут при чем?

Глава 6. Подвиг героя.

3.6.1.

Такого издевательства над царственной особой Горох вытерпеть, конечно же, не мог. Встав со своего места, он с тюремной стены обратился ко всем присутствующим:

– Друзья мои, есть ли среди вас храбрец – удалец, готовый отомстить за поруганную королевскую честь?

Пока солдаты раздумывали, о том стоит ли им связываться с диким попом, или обождать пока не поступит более прямого указания от начальства, со своего места поднялся Шампиньон и сказал:

– Такой боец есть, Ваше Величество. И Вы его прекрасно знаете, это мой сын – Батон. Разрешите ему выйти из тюрьмы, и он покажет всем, где раки зимуют.

И так как больше ни кто не выразил особого желания отомстить за поруганную королевскую честь, Горох был вынуж-

ден, с молчаливого согласия Виргеума, разрешить освободить Батона. Правда, прошло еще не менее получаса, прежде чем молодой барон полностью облачился во все полагающиеся по такому случаю рыцарские доспехи и регалии.

Но вот ворота тюрьмы, наконец, открылись, и Батон в полном рыцарском облачении, как разъяренный лев бросился на врага. Но даже разъяренный лев, как выяснилось, не всегда выходит из схватки победителем. Оказалось, что против толстого черепашьего панциря старое рыцарское вооружение было совершенно бесполезно. Копье скользнуло по черепашьему панцирю словно по каменной стене, не причинив при этом черепахе ни какого вреда. Только искры посыпались в разные стороны. Но гордого барона эта неудача ни чуть не обескуражила. Развернув на полном скаку свою боевую свинью, он вторично атаковал неприятеля. И снова неудача. Сколько бы не атаковал Батон черепаху, ни чего поделаться с ее толстой броней он не мог, а отступить ни с чем ему не позволяла его рыцарская гордость. Это был его первый ратный подвиг, происходивший, к тому же, у всех на виду. Но, что самое главное, это был первый его подвиг на глазах у Лисички, которая, узнав, что молодой барон будет драться на поединке, тут же бросила все свои занятия и прибежала на поле боя. И теперь Батон просто не имел права проигрывать этот поединок. Поэтому он нападал снова и снова, пока не выдохся настолько, что едва мог держать в руках свое оружие. Однако отважный рыцарь скорее умер бы

на месте, чем прекратил бы этот поединок по собственной воле. Факс, снимавший сцену поединка, занервничал, он не любил тратить пленку попусту.

– Прогресс дедовскими методами не остановишь, высокопарно заметил Епископ, издали наблюдая за поединком. – Ладно, давай добей его, пусть не мучается, смилостивился, наконец, священник. И пущенная ловкой монашеской рукой ракета выбила отважного рыцаря из седла, прямо на сырую землю. Там он и остался лежать бездыханный.

3.6.2.

Тут из толпы бугорландцев с громким криком выбежала принцесса Лисичка. Упав на колени перед бездыханным рыцарем, она горько зарыдала.

Факс крутился возле них, с восторгом снимая крупным планом, рыдающую принцессу.

– Отлично, превосходно, бормотал он себе под нос, – вот это я понимаю. Вот это уже что-то. Любовь и смерть. Народ это любит.

– Хорошо умер, печально заметил Горох, – всем нам бы так.

На поле установилась могильная тишина, даже Лисичка и та рыдала теперь почти беззвучно. Внезапно эту могильную тишину прорезал тихий стон. Барон был без сознания, но жив. И тогда бугорландские солдаты аккуратно положили рыцаря на носилки, и осторожно понесли с поля боя. По

простоте душевной они собрались было нести его обратно в тюрьму, но Виргеум велел разместить раненого в своей палатке, и вызвать к нему самых лучших врачей, какие только были в королевстве. Король любил изредка делать широкие жесты, особенно когда все это фиксировалось на кинолентку, и ни чего при этом ему не стоило.

Глава 7. Консилиум.

3.7.1.

Только вот с врачами в Бугорландии были большие затруднения, поскольку в этой стране вообще не было ни каких врачей. Последний бугорландский врач умер лет пятьдесят тому назад. Чем он болел перед этим, ни кто не знает, эту тайну последний бугорландский врач унес с собой в могилу. Злые языки поговаривали, что незадолго перед своей смертью он пытался вылечить насморк.

Оставшись без врачей бугорландцы особо горевать по этому поводу не стали, только старались теперь без особой необходимости не болеть. Ну, а если они все же заболели, – им ни чего не оставалось, как заниматься самолечением. Что с точки зрения современной медицины делать было категорически запрещено. Однако ж, законопослушные бугорландцы с неизменным постоянством нарушали этот запрет, уж больно им хотелось выздороветь, не смотря ни на что.

Был у них, правда, еще один вариант лечения – обратиться к Гриффуссу, у которого от всех болезней было одно лекар-

ство – яд. По мнению палача, яд в малом количестве был не только не вреден, но даже полезен для здоровья. Главное в этом деле было чувство меры. Но такое экстремальное лечение было не всем по вкусу.

И вот сейчас к больному в срочном порядке были вызваны два специалиста по медицинским вопросам – Грифусс и Фиштулла. Фиштулла, как нам известно, тоже не был полноценным врачом, он был, лекарем, точнее знахарем, точнее фельдшером. В общем, он был кем угодно, только не врачом. Но выбирать не приходилось, нужно было довольствоваться тем, что есть в наличии.

Фиштулла, стоявший в это время в карауле, несказанно обрадовался представившейся возможности отлынить от ненавистной ему караульной службы. Сменившись с поста, бывший фельдшер не спеша умыл руки, после чего, все также не спеша, направился в палатку к больному. По дороге он зашел за Грифуссом (чтобы потянуть время), и дальше они пошли уже вдвоем, негромко обсуждая между собой разные медицинские вопросы.

3.7.2.

Заметив приближающегося палача, Лисичка тут же загородила собой вход в палатку не желая впускать того вовнутрь.

– Только через мой труп, закричала она гневно.

– Как скажете, ваше величество, хмуро заметил Гри-

фусс, – за мной не заржавеет. Палач не любил, когда к его профессии относились так предвзято.

– Он здесь, чтобы исполнить свой долг. В смысле облегчить страдания больного, несколько неудачно вступился за своего коллегу Фиштулла.

– Не надо облегчать, в сердцах воскликнула Лисичка, – пусть страдает.

Наконец, после долгих препирательств и уговоров горе – медикам все же было дозволено подойти и осмотреть больного, с условием, чтобы те ни чего при этом не предпринимали. Фиштулла согласен был на любые условия, лишь бы не возвращаться на свой пост в тюрьму. Гриффусс, по роду своей деятельности давно уже философски относившийся к жизни и тем более к смерти, тоже упорствовать не стал.

Войдя, наконец, в палатку, специалисты около медицинских наук первым делом решили определиться с диагнозом больного.

– Пациент либо жив, либо мертв, заметил после некоторого размышления Гриффусс.

– Пациент либо еще жив, либо уже мертв, уточнил предварительный диагноз Фиштулла. Дальше этого дело у них не пошло. Через четверть часа безмолвного раздумья Гриффусс спросил у Фиштуллы:

– Пациент курит?

– Нет.

– Пьет спиртное?

– Нет.

– Интересуется девушками?

– Да вроде бы тоже нет.

– Если пациент не курит, не пьет спиртного, и не интересуется девушками, скорее всего он мертв, поставил диагноз, Гриффусс. При этих словах Батон то ли из вредности, то ли еще по какой-то иной причине взял да и пошевелился.

– Смотри-ка ты, еще дергается, удивился Фиштулла. – Наверное, остаточные рефлексy.

– Предлагаю дать ему яду, предложил тогда Гриффусс. – Чтобы уж наверняка... – А то не дай бог очухается, – испортит нам весь диагноз. В таком деле яда жалеть не стоит.

– Ваша главная ошибка в том, что вы яд – ядом называете, вздохнул Фиштулла. – Это, знаете ли, отпугивает клиентов. – Я давно уже заметил, что больные не любят когда им правду говорят. Они будут принимать что угодно, лишь бы это красиво, ну или в крайнем случае, непонятно звучало. Врачи этим и пользуются. Почему они все рецепты на латыни выписывают, чтобы нас, простых людей запутать.

– Тут я с вами вынужден не согласиться, дорогой коллега, флегматично прервал рассуждения фельдшера Гриффусс. – Врачи они ведь тоже разные бывают, и среди них встречаются нормальные люди. Знавал я одного врача, из соседнего государства, – вот это был, скажу я Вам, врач. Всем врачам – врач. Как-то одному нашему солдату сосулька голову проломила, так он, знаете, какой поставил диагноз? – «Весна

пришла».

– Не надо мне ни каких врачей, тем более таких, закричал Батон, вскакивая с постели. – Дайте мне умереть спокойно.

Такая постановка вопроса вполне соответствовала методике лечения Фиштуллы, и тот удовлетворенно закивал головой. Грифусс все же предложил Батону для ускорения процесса лечения испить синильной кислоты с черничным вкусом. И искренне удивился, когда барон наотрез отказался травиться. Таким образом, горе лекарям ни чего не оставалось, как удалиться, недовольно ворча себе под нос, что-то о современной молодежи, падении нравов и переоценки ценностей.

Батон же остался в лагере своих недавних противников в качестве почетного гостя. И честно говоря, выздоравливать он не спешил. Да и куда ему было спешить, когда сейчас он имел все, о чем только мог мечтать – свежий воздух, отличное питание, да и Лисичка не на шаг теперь не отходила от него.

Глава 8. Недоверие к вере.

3.8.1.

– Вы посмотрите на себя, ну кто так воюет, выговаривал тем временем Епископ окружившим его со всех сторон солдатам. – Кто так воюет? Вы же чуть было парня не угробили... – Хорошо, что он таким твердолобым оказался... – А если бы он сейчас взял и умер бы... не просветленным? Ка-

кой грех лег бы на вас всех. Да, он что – один, что ли такой? Не сегодня – завтра вы все друг друга перебьете, а о душе своей вы подумали? Что будет с ней после смерти? Так, что предлагаю, пока не поздно, пока вы все еще живы или всё ещё живы, – дружно, всем вместе, просветиться. Я же со своей стороны тоже в долгу не останусь.

– Ребята давай, махнул он рукой своим монахам. При этих словах, солдаты, с той и другой стороны, думая, что монахи сейчас опять начнут палить из ракетной установки, дружно попадали на землю, закрыв головы руками. Монахи же, тем временем, в полном спокойствии выкатили из своей передвижной крепости огромную и подозрительно тяжелую бочку.

Правители в недоумении переглянулись.

– Это, что еще что такое? – недоверчиво поинтересовался Виргеум, прячась при этом на всякий случай за спину своего советника Али ибн Луры. – Порох, что ли?

– Вы кого сейчас спрашиваете, ваше Величество, меня или его? – сердито переспросил мудрец.

– Да его, его я спрашиваю. Вас разве спросишь о чем-нибудь, проворчал король.

Монах же, словно бы не слыша вопроса продолжал агитировать:

– В темноте ведь живете, дети мои.

– Если бы только в темноте, выкрикнул не сдержавшись царь Горох. – Некоторые, при этом, еще и в тюрьмах живут...

– В чужих, заметьте, тюрьмах, не остался в долгу, Виргем. – И ни кто их там силком не держит. Они могут хоть сейчас идти на все четыре стороны.

– Так некуда им идти, не сдавался Горох. – Кроме этой тюрьмы у них и нет ничего... – Ну, почти ничего... – А верни мы ее Вам... – Вы ведь все равно в ней жить не будете...

– Конечно, – не буду... – И никому не советую... – Тюрьма не место для жилья... – Тюрьма это... тюрьма!

– Тюрьмой нас не испугаешь, встрял в разговор Епископ, – мы сами только, что оттуда.

– Оно и видно, хмыкнул царь.

– Вот Вы зря иронизируете, укоризненно покачал головой Епископ. – Лучшего места чем тюрьма для проповедей не найти...

Тут в их разговор самым бесцеремонным образом вмешался режиссер. Заинтересовавшись темным прошлым священнослужителя, Факс решил на всякий случай запечатлеть его физиономию на пленку. Авось когда-нибудь удастся вставить эти кадры в какую-нибудь криминальную хронику. Судя по всему, размышлял про себя режиссер, этот монах далеко пойдет, если полиция его во время не остановит. (Хотя в этой убогой стране и полиции то нормальной наверняка нет.) В любом случае интервью с особо опасным преступником ни когда лишним не будет. Поэтому, не долго думая, Факс предложил Епископу вкратце рассказать всем присутствующим, каким образом, он дошел до такой жизни.

– Больше фактов, имен, паролей, явок, – где, когда, с кем, и по какой статье сидели. Имена и клички собутыльников, т.е. подельников. Епископ грозно посмотрел на режиссера, но спорить с ним перед включенной кинокамерой не стал.

– Я вам о великом трактую, а вы все о своем, печально заметил он. – О другом вам нужно думать, о ...

– На другое у меня пленки не хватит, буркнул в ответ режиссер. – Так, что давайте начнем пока с малого, с вас, например.

– Ну, на меня-то у тебя точно пленки не хватит, усмехнулся Епископ. – Я ведь человек не простой, как вы все, уже, наверное, успели это заметить. Основатель новой религии не может быть простым человеком. Я, друзья мои, скажу без ложной скромности – просто гений, в своем роде. Со мной и за мной всюду следуют мои верные последователи – люди, не побоюсь этого слова – кристальной чистоты и душевного благородства. Нужно только уметь разглядеть в них эту самую чистоту. Один Вова чего стоит. Вон тот вон – узкоглазый в тельняшке. Из всех троих он наиболее кристально чист. Полностью отрекшись от мирской суеты, Вова никогда не выходит за стены епископства дальше трех метров. Три метра это длина цепи, за которую мы привязываем черепаху на стоянке, пояснил Епископ тем, кто не знал таких нюансов.

– Помимо прочего Вова дал обет молчания, и теперь он нем, как рыба. А все почему?– спросите вы. – Потому, что выразить свое отношение к мирской жизни приличными

словами он не может, а ругаться я ему еще в тюрьме запретил.

– Так он в тюрьме сидел, встрепенулся Горох. – Я сразу понял, что это хороший человек.

– Мы с ним вместе сидели, счел нужным уточнить Епископ, – в одной камере.

– Вот видите, Ваше Высочество, обратился Горох к Виргеуму. – Все нормальные люди в тюрьмах сидят, и не считают это зазорным.

– Так они в своих тюрьмах сидят, а не лазают по чужим, пробурчал недовольно Виргеум.

– Если бы я в своей тюрьме сидел, это было бы еще полбеды, вздохнул Епископ. – А то ведь сидеть пришлось в китайской пересылочной тюрьме, куда я попал за свои религиозные убеждения. Как сейчас помню, поймали меня китайцы на границе, и ну давай дубасить. А за что? Подумаешь, черепашка моя немного рису на полях потоптала. Разве я виноват, что у них, куда не глянь, везде рис растет. В Китае, скажу вам по секрету, есть всего две вещи – это рис и китайцы. Так вот эти самые китайцы за этот самый рис и отдалбанили меня по полной программе. И ладно если бы только избили, так нет, им надо было еще меня, видного религиозного деятеля, в грязь втоптать...

– В каком это смысле? – не понял Маргадон.

– В самом прямом, тяжело вздохнул монах. – Впрочем, я их простил, всех до единого. Не сразу, конечно же, поначалу

как мог отбивался, но уж больно их много набежало. Хотел я их, потом подстеречь и отметелить каждого поодиночке, как следует, но где там... – Они же по одиночке не ходят, только маленькими группами человек по двести – триста, и с виду все – на одно лицо.

– Ну, да ладно, бог с ними, с китайцами. Сейчас речь не об этом. Вове вон еще больше не повезло, он-то в тюрьму вообще не за что попал. До тюрьмы он был обычным, ничем ни примечательным китайцем, каких миллиард, если не больше. Служил он себе коком на нефтеналивном танкере и двадцать лет изо дня в день готовил матросам одно и тоже блюдо – вареный рис с овощами. Но в тюрьму его не за это посадили. А якобы за то, что он дезертировал с корабля, прихватив с собой всю судовую кассу. Только сдается мне, что кассу он все – таки не брал, доверительно сообщил в объектив камеры Епископ. – Китайцы его просто – напроосто перепутали – с другим китайцем. Почему я в этом так уверен? Да потому что денег у него так и не нашли, сколько не искали, ни я, ни сами китайцы.

– Как сейчас помню, продолжал рассказывать Епископ. – Стоит он голый посреди тюремного двора и только якорь на плече держит. Якорь этот он с корабля прихватил, на память о флотской службе. На дворе холод собачий, снег идет, а он гордо так стоит, и матерится почему зря. Этим-то он мне сразу и понравился, своей железной, негибаемой волей. Вот тогда-то я и предложил ему мир иной. Поначалу он долго не

соглашался, ругался сильно, даже бил меня ногами, но потом одумался, и осознал. Как раз перед самым расстрелом.

– Так его что, вдобавок ко всему еще и расстреляли? – ужаснулся Яшка.

– Почему только его одного, вновь обиделся Епископ. – И меня вместе с ним, точнее его вместе со мной. Я вообще, расстрелы люблю, честно признался монах. – Перед расстрелом самое урожайное время для наставления заблудших душ на путь истинный. Вот и Вова не выдержал, пообещал мне, что если останется в живых принять мою веру.

– Так вас расстреляли или нет? – не понял Яшка.

– Не успели, пояснил Епископ. – У них в Китае есть старая добрая традиция приурочивать любой расстрел к какому-нибудь большому национальному празднику. А тут как назло ну ни одного праздника по календарю, а просто так нас расстреливать им было не охота. И вот пока мы все жили в ожидании праздника, неожиданно для всех, в том числе и для самих китайцев – подул западный ветер перемен. В результате чего нас не только не расстреляли, но даже отпустили, выдав при этом всем памятные значки о несостоявшемся расстреле. А потом с почестями проводили до самой границы, и что самое невероятное – мне даже черепаху вернули. Ну, а я, под это дело, еще и Вову прихватил. Китайцы его, все равно бы, потом расстреляли, по второму разу, им же судовую кассу надо было на кого-то списывать. Ну, а мне какой-никакой, а помощник. Так, что теперь Вова мой

должник навек. Но веру он принял осознанно и добровольно, целиком посвятив себя служению нашему общему делу. Вы только послушайте – как умно он молчит. И Епископ на секунду замолчал, давая всем присутствующим насладиться незабываемым мгновением тишины. Было слышно только тихое похрапывание Лёлика, который спал с открытыми глазами, покуда не получил подзатыльник от Тефлона.

– И этому человеку, продолжил свою речь Епископ, – я доверил самое ценное, что у меня есть – управление моей черепахой. И теперь у нас везде царит образцовый флотский порядок. Все как на настоящем корабле, есть свой якорь, штурвал, веревки там всякие и все такое прочее. Единственно от чего я так и не смог его отучить, так это от дурацкой привычки зарывать каждый вечер якорь в землю. По утру, правда он его всегда откапывает, такая вот у него старая флотская привычка, в смысле – традиция.

– Кроме Вовы, продолжал представлять своих помощников Епископ. – У меня в подчинении еще двое отроков – Парамоний и Фернандо. Я их на помойке нашел.

– В каком смысле – на помойке? – не понял Виргеум.

– В самом прямом. Они там жили до встречи со мной. Это уже потом я их одел, обул, и в люди не вывел. Правда люди они не простые, у каждого свой сдвиг имеется. Вот – Паша, раньше, (до помойки), был простым клерком, служил в банке. Переводил чужие деньги с одного места в другое и обратно. И вот после двадцати лет такой работы в голове у

него что-то замкнулось, и он решил, что вся наша жизнь это не что иное, как постоянное передвижение материалов.

– Перемещение, поправил Епископа Парамоний.

– Не будем сейчас вдаваться в сугубо специфическую терминологию, суть не в этом. По его мнению, все люди, и животные, и вообще всё на свете создано для того, чтобы переливаться из пустого в порожнее.

– Не совсем так, встрепенулся Парамоний, – все не так просто... Но под пристальным взглядом Епископа смутился и замолчал.

– Опять ты за свое, с укоризной заметил Епископ. – Уйми! Уйми гордыню, Парамоша. Бери пример с Феди, вот ведь золотой человек... когда не пьет. А то, что пьет он постоянно, так – это не его вина. Это его – бремя, и несет он это бремя и денно и ночью. А все из-за чего? Из-за женитьбы, друзья мои, из-за женитьбы. Все беды в этом мире происходят из-за женитьбы. Вот возьмем того же Федю... – Поначалу ведь и он был нормальным человеком, работал грузчиком на заводе. Выпивал, конечно, как же без этого... – Но меру знал.

– И надо же было ему жениться...

– А после свадьбы взяла жена его за белые ручки и собственноручно отвела... куда бы вы думали? – В библиотеку. Жена Феди попалась глупая, хоть и имела два высших образования. Не желая быть женой простого грузчика, она решила сделать из него образованного человека. Чем исковеркала жизнь и себе и ему. Я так считаю, – не хочешь быть женой

простого грузчика – не выходи за него замуж и все дела. А делать из него человека уже поздно. Человека делают не жены, а родители.

– Надо отдать должное Феде – он сопротивлялся – как мог, но судьба его была решена. Прочитав первую книгу – бедняга призадумался, прочитав вторую – заплакал, после третьей избил жену до полусмерти, только изменить ничего уже было нельзя. И тогда Федя запил, причем запил уже по настоящему, без роздыху и продыху. И после месяца запоя вошло на него озарение, и понял он, что – все в этом мире ничтожно. И понял он, что все в этом мире когда-нибудь заканчивается и заканчивается все смертью. И так эта мысль его потрясла, что он решил наложить на себя руки и повеситься.

– Вот до чего может довести обычного человека – женитьба, подвел итог своему выступлению Епископ. – Поэтому я и сам ни когда не женился, и вам всем не советую. Хотя, конечно, моя религия напрямую этого не запрещает. Однажды я попробовал в одном королевстве женитьбу запретить, но... – В общем, все закончилось не так уж и плохо, врачи меня откачали. Полгода в реанимации для настоящего миссионера это пустяк, не стоит даже вспоминать об этом.

– Что же касается Феде, вздохнул Епископ, – то с ним тоже все закончилось хорошо – теперь он со мной и это главное. Только прошу вас, ни когда не говорите с ним о смерти. Это надолго выбивает его из душевного равновесия, и тогда

он начинает пить. Как он говорит – для нервного успокоения. А так как мысли о смерти и без постороннего вмешательства преследуют его постоянно, то он почти совсем не просыхает. Я подумываю о том, чтобы со временем, после его смерти, конечно же, возвести Фернандо в ранг великомученика. Как мученика, пострадавшего за веру. Он этого звания вполне заслуживает, смотрите, как мучается бедняга. При этих словах все присутствующие с нескрываемым интересом посмотрели на еле стоявшего на ногах монаха, которого так всего и коржило от выпитого накануне. Некоторые, при этом, ему даже посочувствовали.

– Ну-ка, Федя, скажи нам свою коронную фразу, ласково попросил Епископ. Федя, оглядев мутным взглядом всех присутствующих, хрипло произнес:

– Вы все умрете! Все – до единого...

– И это не пустые угрозы, грустно заметил при этом Епископ. – Он и впрямь знает, о чем говорит. Вот такие вот у меня помощники, продолжил, как ни в чем не бывало Епископ. – Правда, первое время они всё удрать хотели, да черепаху с собой прихватить. Но сейчас вроде бы ничего, привыкли, успокоились... – Прикормил я их. Без меня уже не могут.

– Ну, а у тебя-то у самого, какой бзик имеется? – поинтересовался неугомонный Кварк.

– Абсолютно ни какого, не на секунду не задумываясь, ответил Епископ. – Я отношусь к своей жизни легко и просто –

как к игре, в которой я играю главную роль. А ты – мерзкий выкрикышь, в ней ни кто, так – мелкое недоразумение. Это меня и успокаивает.

– Я не считаю себя мелким недоразумением, обиделся Кварк. – Тем более в чужой жизни. У меня своя жизнь ... может будет! И получше вашей.

– Вот когда будет, тогда и поговорим, усмехнулся Епископ. – А пока, что я здесь говорю – один.

Тем временем, режиссер зря время тоже не терял. Незаметно прикрепив кинокамеру на спину своей помощницы – Наручницы, он дал ей строгое указание снимать крупным планом только его, и ни кого более. Ну, изредка царственных особ, и уж совсем в крайнем случае – Епископа. После чего встал и заявил, глядя прямо в объектив:

– Не вверю! Не единому слову не вверю. Он явно решил сыграть в этом фильме главную роль, роль идейного борца и религиозного оппонента.

Епископ с нескрываемым призрением посмотрел на режиссера, после чего поинтересовался у присутствующих:

– Он один тут у вас такой уродец? Или еще есть? Все промолчали, не желая связываться с острым на язык монахом.

Обидевшись на такое грубое высказывание Епископа, Факс демонстративно отозвал свою ворону, и выключил кинокамеру.

– Так даже лучше, одобрил такие действия монах, – поговорим без протокола. Друзья мои, мне был дан голос свыше.

– Знаем мы эти ваши голоса, выкрикнул Кварк из толпы. – Пить надо меньше.

– Согласен, услышал я этот голос из уст весьма не достойных. Но ведь не это главное. Главное, что я его услышал. И пошел я тогда в народ, бос и наг. И шли мы денно и ночью, пока не ушли совсем.

– А я слышал, ваше пппреосвященство, перебил Епископа Факс, радостно вновь включая свою кинокамеру. – А я слышал, что вы поссорились ссо своим ннначальством на какой-то пппрезентации. Не поделили кусок шоколадного торта с кккремовой начинкой. Но разногласия у вас ннначались еще раньше, – ппперед подачей второго блюда. Вы тогда во всеуслышание пппозволили себе утверждать, что нет ни чего вкуснее бббараньих ребрышек под винным соусом, а ваш пппатрон грубо пеперебив, обозвал Вас кккретином, ни чего не понимающим в китайской кухне. И Вы тогда же имели нннаглость ему вввозразить. И послало тогда Вас Ваше начальство куда поподальше... – У меня дддруг работает в отделе сссветской хххроники, пояснил Факс такую свою осведомленность в этом деле, – он ввврать не будет.

– Ложь, заорал взбешенный Епископ, – все ложь, от начала и до конца. Ни какого торта и в помине не было, так, бисквит какой-то. А бараньи ребрышки патрон мой... бывший... просто не умеет готовить. И вообще, это все происки моих врагов. Вот в Китай меня и впрямь посылали, это верно, за обменом опытом.

– А злые языки ууутверждают, не унимался Факс, – что он вас не в Китай ппослал, а намного дддальше...

– Брешут все! Только в Китай... , и ни куда более. Но ушел я, как и подобает видным религиозным деятелям – громко хлопнув дверью.

– А за что тогда у вввас отобрали ллицензию на вввероисповедание?

– Ни кто у меня, ни чего не отбирал, я сам все отдал, по идейным соображениям. Но...

Но Факса перед объективом камеры было уже не унять, и он выложил свой главный козырь. Развернувшись в пол оборота, так, чтобы его лучше было видно в объектив, Факс спросил у Епископа прямо в лоб:

– А это правда, что Вы, ко всему пппрочему, еще и черепаху ууугнали из мммонастырской обители?

– Не угнал, а взял свое, пояснил Епископ. – Все, что мне недоплатили за 20 лет усердной службы. Зато теперь у меня единственное в мире передвижное епископство. Вдобавок ко всему китайские товарищи подарили мне на прощание ракетную установку – как последний довод в споре. С этим доводом вы уже успели познакомиться. (На самом деле ни кто Епископу ни каких ракет, конечно же, не дарил. Ракет в Китае едва ли не больше, чем самих китайцев, и Епископ попросту незаметно стянул у них одну ракетную установку. Потерю, которой, кстати говоря, ни кто и не заметил.)

Как бы там ни было, но все сразу же примолкли, вспомнив

про этот самый последний довод в споре. Призадумались даже Факс с Кварком, «а не перегнули ли они палку своими высказываниями». Знакомится поближе с китайской ракетой, им явно не хотелось.

Воспользовавшись этой заминкой, Епископ обратился ко всем присутствующим:

– Ну, что ж, дети мои, немного наигранно вздохнул он. – После того как мы с вами немного познакомились, самое время поговорить о том зачем я здесь...

– Слушайте и не говорите, что вы не слышали. Откашлявшись, и выждав эффектную паузу он объявил:

– Я единственный в мире миссионер новой формации. И пусть епископство мое с виду не особо велико, величиной всего лишь с эту черепаху, не это главное. В нашем деле размер не имеет значения. Главное – верить. Лично я верю в то, что наступит время, когда весь мир будет у моих ног. А я возьму весь этот мир в охапку и отдам его вам, берите, – пользуйтесь, все кто хочет.

«Красиво говорит, чертяка, подумал про себя Горох, – ой, чую, хлебнем мы с ним горя».

– Зачем мне весь твой мир, хмуро заметил при этом царь, – когда мне для счастья достаточно и половины королевства. Ну, или хотя бы этой тюрьмы...

– Если Вы имеете ввиду половину моего королевства, встрепенулся тут Виргеум, – то мне такого счастья и даром не надо.

– Так это же не Ваше счастье, а мое.

– Счастье Ваше, а королевство – мое, не унимался Виргеум. – И тюрьма моя...

– Не ссорьтесь, друзья мои, попытался успокоить правителей Епископ. – Моя религия всех вас помирит. Она научит Вас всех жить. И имя ей – Торизм. Не путать с туризмом. Религия не сложная, освоить ее может каждый, – было бы желание. Всего четыре постулата!

Постулат №1.

Жизнь нам дана чтобы – жить! Жить! ЖИТЬ!

А не тратить Жизнь на подготовку к другой, иной жизни.

Которой может и не быть вовсе, или это будет и не жизнь вовсе.

Постулат №2.

Жизнь нам дана для – СЧАСТЬЯ!

Иначе и нет смысла жить.

Всю свою жизнь нужно стремиться к счастью, стремиться его достичь и по возможности неоднократно.

Постулат №3.

Что есть СЧАСТЬЕ?

СЧАСТЬЕ есть кратковременное, но оно же и наивысшее состояние жизни.

Нет правила чтобы достичь счастья, поскольку у

каждого Счастье – свое! Следует слушать себя и слышать.

Постулат №4.

Не путайте СЧАСТЬЕ с благополучием, удовольствием и даже радостью.

Благополучие, удовольствие и даже радость не есть – СЧАСТЬЕ!

Удовольствие – есть грубое состояние чувств. (Съесть кусок торта – удовольствие).

Радость – есть тонкое (но не высшее) состояние чувств. (Насладится еле уловимым ароматом весны – радость.)

Постулат №5. (самый сложный).

Живя и достигая СЧАСТЬЯ – избегайте причинение зла и боли себе и другим.

Зло есть неотъемлемая часть природы исполняющая свои специфические функции – разрушение, уничтожение и т. д.

Боль – есть Индикатор зла. Боль показывает нам какое место или действие следует избегать.

Зло уничтожить невозможно и не следует это делать. Зло следует избегать.

И только если избежать зла, по каким либо причинам, не представляется возможным, то его допускает-

ся частично нейтрализовать, да и то временно. (Боль от холода говорит нам о том, что это место неприемлемо для жизни, человек может тут умереть и следует уйти из этого места. Но если мы по каким-то причинам не можем покинуть злое место тогда придется частично нейтрализовать действие зла – одеться в теплые одежды, развести костер и т.д.)

Избегать зла значит не только обходить его, но и самому не ПРОИЗВОДИТЬ ЗЛА и боли.

Согласно моей религии человеку можно делать все (воровать, обманывать, лицемерить, проявлять гордыню и т.д.) лишь бы это все не причиняло зла и боли себе и другим.

– И как сие возможно, выкрикнули из толпы.

– А я и не говорил, что будет легко, усмехнулся Епископ. – Нужно постараться... Чтобы не обидеть никого... Если ты оскорбил кого-то а он об этом не узнал, значит и зла нет... Если ты украл у богатого, а он и не заметил, что его деньги украдены то и зла нет...

– Сложно украсть, чтобы не заметили, выкрикнули вновь из толпы

– Да что вы прицепились к этой краже, в сердцах воскликнул Епископ. – Я же вам не о краже толкую, а о том чтобы зла не причинять... Ты ни кому зла не причинишь, – и тебе – не причинят

– Это что, как «инь и янь» что ли, вяло заметил кто-то из толпы, – плавали – знаем...

– В корне неверное умозаключение, возмутился Епископ. – Инь и янь есть средство достижение гармонии, а не счастья. Утонченное, как все восточное, и как все восточное – мало эффективное.

– Нам и так не плохо живется, выкрикнули вновь из толпы, – без всякого вашего счастья.

– Да... Я вижу... тяжелый мне лекторат достался... А это все от того, что добра у вас много, востепенулся Епископ. – В смысле – вещей. А это ни когда ни к чему хорошему не приводило! – добавил он. – Излишек вещей есть забота. Забота как их сберечь и сохранить. И вот уже не вещи работают на вас, а вы работаете на вещи. Тратите на них свою бесценную жизнь.

– И вот поэтому я здесь, я вас избавлю от этих забот!

– Так Вы к нам что же, для того прибыли, чтобы добро отбирать? – выкрикнул из толпы неугомонный Кварк.

– Только излишки, дурья твоя голова, спокойно пояснил Епископ. – И ни в коем случае не отбирать... При правильном разъяснении люди сами все отдадут. Хотя тебе, как я погляжу, сколько не объясняй – все бестолку. Да и добра от тебя не много.

– Позвольте, забеспокоился Виргеум, – лично я не собираюсь ни кому ни чего отдавать.

– Поначалу все так говорят, усмехнулся Епископ. – Но ни-

чего, будем над этим работать...

– Ты это... смотри, пригрозил на всякий случай царь Горох, – говори да не заговаривайся... – Не доводи дело до греха... – Я человек сугубо мирный, насилия не потерплю...

– Ни, ни, заверил его Епископ, – ни какого насилия... – Сами придете и все отдадите...

– Ну, тогда ладно, успокоился Горох. – Это другое дело... – Скажите-ка лучше, а вот, например, коронации Вы проводят?

– А как же, усмехнулся Епископ, – причастия, поминки, коронации – все как положено... – Я только венчания проводить отказываюсь, из принципиальных соображений...

– Венчание меня не интересует, пока, отмахнулся Горох, – я насчет коронации...

– Сделаем все по высшему разряду, Вам как первому клиенту еще и скидочка полагается...

– А лицензия на коронацию, я надеюсь, у Вас имеется?

– Мы Вам сделаем, замялся Епископ, – очень хорошую скидочку...

– Фигня все это, – выкрикнул тут из толпы все тот же неугомонный Кварк. – Опиум для народа. Вы же только что чуть человека не убили...

– Это вынужденная мера, признался Епископ. – А как иначе мне приобщить вас к правильной жизни. Вот приобщу всех, радостно потер руки Епископ, – вот тогда и заживем...

– Может у кого-то есть ко мне еще вопросы?

Все призадумались, какой бы еще каверзный вопрос задать священнослужителю, но так, чтобы не слишком его при этом разозлить. Задумались все, кроме Али ибн Луры, который демонстративно делал вид, что его этот вопрос не касается.

Тогда Виргеум желая показать, что и бугорландцы не лыком шиты, ткнул мудреца пальцем в бок, и персонально, уже от своего имени повторил этот вопрос мудрецу.

– Есть у нас какие-нибудь вопросы к священнослужителю?

– Есть, буркнул в ответ Али.

– Есть, радостно завопил не известно с чего, король. – Есть у нас вопросы, есть...

– А какие, спросил он вновь у еще более недовольного мудреца.

– Вы бы, Ваше Величество, свои вопросы ему задавали, кивнул на Епископа Али ибн Лура. – Пока этот балбес на них бесплатно отвечает...

– Я хочу что-то такое, король зделал неопределенный жест, руками, – что-то такое этакое задать... Чтобы поддержать марку и престиж королевства... – А в голову что-то ни чего путного не приходит... Мелочевка какая-то...

– Есть ли жизнь после смерти, спросил тут царь Горох, опередев тем самым незадачливуого короля.

– Во-во, встрепенулся король, – и я это собирался спро-

силь... Прошу Вас, – отвечайте...

– Опять Вы не о том думаете, искренне огорчился Епископ. – Есть ли жизнь после смерти, нет ли жизни после смерти, нат –то сейчас какое до этого дело? – Придет время и мы все и так всё узнаем. А сейчас нужно думать не о том что будет, а о том что есть!

И для начала я предлагаю вам всем временно перемириться, с тем, чтобы спокойно и не спеша познать истину. После чего вы сможете преспокойно продолжить убивать друг друга. Но уже не просто так, а сознавая, что это большой грех. Может быть не всех и убьете... – Так, что подходите ближе, не стесняйтесь.

Глава 9. Всемирное примирение.

3.9.1.

Царственные особы удивленно переглянулись, ища в словах хитрого монаха скрытый подвох. Уж не хочет ли этот паршивец их тюрьму прибрать к рукам? Но после некоторых раздумий и размышлений, они пришли к выводу, что на захват тюрьмы у этого наглеца сил не хватит. Даже со всей его огромной черепахой. А вот небольшое перемирие им всем явно не повредит. Хотя бы для того, что бы разобраться с этим наглым прищельцем. Поэтому правители, заключили временное военное перемирие, о чем и было тут же объявлено в войсках. После чего ворота тюрьмы гостеприимно распахнулись, выпуская на свободу изможденных долгой оса-

дой горе – завоевателей.

Выпущенные из тюрьмы клоуны первым делом растянулись тут же на траве, наслаждаясь долгожданной свободой.

Епископ же не стал дожидаться покуда заключенные (то бишь завоеватели) и их противники придут в себя, и предложил всем немножко расслабиться, и изведать его дивного бальзама. В противном случае, пояснил хитрый монах, среди них не будет должного взаимопонимания. В бочке, которую с таким трудом выкатили монахи из черепахи, оказался чудодейственный бальзам собственного монашеского приготовления. Чудодействие этого бальзама заключалось в том, что чем больше его пьешь, тем жизнь для пьющего становилась все лучше и чудесней.

Одними проповедями новой религии сыт не будешь, поэтому монахи зарабатывали себе на жизнь тем, что в свободное от основной работы время, гнали из любых имевшихся у них подручных (а также и подножных) материалов самогон, и благополучно его продавали.

Эксклюзивность этого самогона была в том, что монахи очень хорошо его очищали и настаивали на сорока пяти известных только им травах, от чего напиток получался божественной крепости и вкуса. Ходили слухи, что помимо прочего монахи добавляли в бальзам для крепости черепаший помет, но, скорее всего, это были только слухи, распускаемые конкурирующими организациями.

Перегонный аппарат, посредством которого монахи гна-

ли свой самогон, был установлен прямо на черепахе, что было очень удобно. Самогон можно было гнать прямо на ходу, не тратя попусту драгоценное время и не платя при этом ни кому ни каких налогов и акцизных сборов. Таким образом, монахи могли бы безбедно жить с одних лишь доходов от продажи своего бальзама, но просто богатство Епископа не прельщало, ему нужно было еще и мировое признание. Поэтому львиная доля монашеского бальзама уходила на всевозможные религиозные нужды, в основном в виде рекламных акций, направленных на привлечение новых прихожан.

Вот и сейчас, наполнив бальзамом священный кубок, выполненный в виде рога заморского животного, Епископ протянул этот рог Виргеуму.

– Ну, за встречу!

– Изведай ты вначале из этого кубка, приказал Виргеум.

– Да, что Вы, Ваше Величество, изумился Епископ, несколько оскорбленный таким предложением. – В наше время закуской отравиться намного легче, чем вином...

– Изведай, настаивал недоверчивый Виргеум. У короля был слабый желудок, поэтому Виргеум всегда с некоторым недоверием относился к любым кулинарным новшествам. Епископу ни чего не оставалось, как испить сию чашу до дна. Видя такое дело, тогда и Виргеум пригубил кубок, вслед за ним испробовал бальзам и царь Горох, который решил не в чем ни уступать своему высокородному оппоненту. После чего немного поартачившись ради приличия, он разрешил

своим клоунам тоже выпить – халява, как-никак. Виргеумские же солдаты в этом отношении были менее дисциплинированными и набежали к бочке без всякого на то разрешения.

Бальзам полился рекой, и если поначалу между бывшими противниками чувствовалась какая-то скованность и недоверие, то с каждой выпитой чашей, настроение у всех и впрямь заметно улучшилось. Таким вот образом, показательный сеанс религиозного просвещения плавно и незаметно перерос сначала в словесный диспут, потом в маленькую потасовку, потом в драку побольше, и закончилось все это мероприятие большим отчетно-выборным собранием. На котором, в перерывах между всевозможными тостами, танцами и песнями, были приняты следующие судьбоносные решения:

1) Епископская вера имеет право на существование. («За» – большинство голосов, «против» – один Кварк. После небольшой дискуссии, – «за» – единогласно, Кварку выделить два золотых на лечение.)

2) Епископская вера имеет право на существование на территории Бугорландского королевства. («За» – большинство голосов, «против» – один Кварк. После небольшой дискуссии, – «за» – единогласно, Кварку выделить один золотой на лечение.)

3) Главой церкви избрать Епископа. («За» – большинство голосов, «против» – один Кварк. После небольшой дискус-

сии, – «за» – единогласно, Кварку ни чего не выделять.)

4) Епископу помирить Гороха и Виргеума и решить спорный вопрос о замках и прилегающих к ним землях. («За» – большинство голосов, «против» один – Епископ. После небольшой дискуссии, – «за» – единогласно, Епископу выделить пять золотых на починку посоха.)

5) Разрешить всем желающим каждое четвертое воскресенье каждого четвертого месяца глушить рыбу динамитом. (Единогласно.) Последний пункт возник как-то само собой. Ни кто впоследствии не мог припомнить, с какой это стати на религиозном собрании речь зашла о рыбалке. Но, как бы там ни было, из протокола этот пункт вычеркивать не стали, поскольку Бугорландцы очень ответственно относились к любым документам, какими бы дурацкими они не были. Таким вот, насколько необычным, образом в стране впервые за много лет восстановилась древняя традиция глушить рыбу динамитом. И хотя запас динамита в Бугорландии был весьма ограничен, и воспользоваться этим правом мог далеко не каждый, все были довольны. Не важно, что динамита на всех не хватит, главное, что разрешили.

Глава 10. Особая миссия – чрезвычайная комиссия.

3.10.1.

На следующее утро, не успел Епископ, как следует порадоваться тому, как ловко он обтяпал это дело, как к нему в гости нагрянули сразу оба правителя, для поправки здо-

ровья с похмелья. Заодно они поинтересовались у него, как бы между прочим, как там продвигается дело по их вопросу? Лицо у Епископа вытянулось, челюсть отвисла, он тупо смотрел на правителей, не зная, что им ответить.

– В общем, так, решили тогда правители, разливая остатки вчерашнего бальзама по кубкам, и чокаясь друг с другом. – Или ты сейчас же решаешь наш вопрос, или мы тут же лишаем тебя твоего сана, как не оправдавшего доверия, с последующим выдворением вон из страны. В ответ на это, Епископ, побагровев от гнева, попросил царственных особ (причем в самых нелицеприятных выражениях) немедленно покинуть помещение епископства.

Правители же, быстро просчитав в уме, во сколько обойдется им ссора с Епископом, отбор у него черепахи, а главное ее раздел (а как ее делить, если она пополам не делится) вынуждены были признать, что они несколько погорячились. После чего налили себе еще по чарке, не забыв на этот раз налить и Епископу. Епископ, осушив бокал, тоже, в свою очередь, признал, что и он немного погорячился.

– Ваше дело, господа, весьма непростое... Я бы даже сказал – весьма запутанное дело, заметил при этом монах. – Его просто так, одним наскоком, не решишь. Мне нужно время, чтобы ознакомиться со всеми материалами, документами и вещественными доказательствами по данному делу, опросить свидетелей, пострадавших как с той, так и с другой стороны. В общем, работа предстоит трудная и ответственная.

Помимо прочего, добавил хитрых монах, – еще мне потребуются и накладные расходы.

И, словно бы в подтверждении собственных слов, Епископ, зажмурившись, оглушительно громко чихнул.

После непродолжительного, но весьма продуктивного совещания, на котором было выпито еще немало кубков с чудодейственным бальзамом, заинтересованные стороны, наконец, договорились о том, что Епископ должен будет объехать места основных событий, где снимет показания со всех заинтересованных лиц, допросит свидетелей и пострадавших, ознакомиться с подлинными документами по делу и т.д. И только потом, на основании собранных фактов и документов, он и примет окончательное решение.

А для того, чтобы его решение было полным и объективным, и во избежание всяческих недоразумений или подтасовок, вместе с Епископом поедут по одному представителю от каждой из заинтересованных сторон. Правители тут же решили, что сторону Виргеума будет представлять Али ибн Лура, как самый умный человек в Бугорландии, а со стороны Гороха поедет Гран-Градус, как его самое доверенное лицо.

А т.к. в черепахе было всего только четыре посадочных места, то на этом же совещании было решено, что Федя и Паша останутся в качестве доверенных людей Епископа при дворе Гороха и Виргеума соответственно.

Таким вот образом Епископ и правители обменялись между собой доверенными лицами. И все это было оформлено, как и положено самым официальным образом. Специальным трехсторонним указом монахи Федя и Паша назначались официальными религиозными представителями при дворе царя Гороха, и короля Виргеума соответственно. Этим же указом Гран-Градус и Али ибн Лура назначались полномочными представителями в Чрезвычайную комиссию по решению особо важных государственных вопросов. Главой этой Чрезвычайной комиссии был назначен Епископ Торский, который наделялся особыми полномочиями в деле решения поставленных перед ним вопросов. Только, что это были за особые полномочия, в указе не говорилось ни слова. Честно говоря, об этом толком не знали ни сами правители, ни Епископ.

Монахи же должны были в своих новых епархиях следить за соблюдением всех религиозных канонов и заповедей, а провинившихся нещадно штрафовать. Причем всех без разбора, в том числе и самих себя. При распределении монахов Горох специально выбрал себе Федю, чтобы его солдаты на наглядном примере видели, к чему приводит безрассудное пьянство. Виргеуму же было все равно кого брать – пьяницу или слегка помешанного. Вова же остался, при своем – т.е. при черепахе. В его обязанности, как и прежде, входило содержать ее в чистоте и полной боевой готовности. Что кстати их обоих (и Вову и черепаху) вполне устраивало.

Приняв такое судьбоносное решение, правители тихо-мирно разошлись по домам. Епископ сразу же завалился спать на своем стареньком диванчике. Виргеум отправился к себе на огород, посмотреть как у него всходит сельдерей на грядках. Горох же, воспользовавшись объявленным перемирием, решил сменить свое последнее пристанище на более комфортное. Проще говоря,— перебрался из тюрьмы в Горохшин. И хотя тюремная камера была намного комфортабельнее любого самого просторного зала в музее, Гороху престижнее было чтобы его резиденция находилась вне тюрьмы. Хотя двусмысленность его положения все же оставалась, да и сама смена тюрьмы на музей ко многому обязывало.

Присматривать за тюрьмой остался барон Шампиньон, который, во-первых, тоже решил отдохнуть немного в тишине и покое. А во-вторых, он давно уже подумывал о том, чтобы взять эту тюрьму себе, в качестве платы за свое участие в завоевании Бугорландии. Непрестижность этого заведения старого барона ничуть не смущала. И он давно бы прибрал тюрьму к своим рукам, если бы не боялся прогадать. А вдруг они возьмут и завоюют еще один, но уже более комфортабельный замок. Теоретически это было вполне возможно, заброшенных замков в этой стране, как видно было немеренно. Хотя с другой стороны, нельзя было отбрасывать и такой вариант, что они вообще больше ни чего не завоюют, и тогда заполучить эту тюрьму у Гороха будет намного труднее.

Размышляя таким вот образом, практичный Шампиньон всё ни как не мог придти к какому-нибудь определенному решению. Поэтому он хоть и не предъявил, пока, свои права на данное имущество, но все же из виду тюрьму решил не упустить, потихонечку присматриваясь к ней. У старого барона в жизни было две мечты, – сняться в каком-нибудь фильме и занять на старости лет свой собственный замок.

Кроме Шампиньона в тюрьме остались еще и Грифусс согласно своей должности, а также Батон, не пожелавший расстаться со своим отцом. Да еще в тюрьме поселился Федя, которому было все равно где пить. С собой в тюрьму он приватил самогонный аппарат, переделанный им в свое время из старой стиральной машины. Епископ согласился отдать Феде этот самогонный аппарат при условии, что тот будет взамен ежемесячно поставлять на черепаху бочку чудодейственного бальзама.

3.10.3.

Парамоний же, боясь, как бы и его не засунули, как Федю, в какую-нибудь местную тюрьму поспешил поскорее в Трунштейн, надеясь хоть там немного отдохнуть от мирской суеты.

Подойдя к воротам замка, он, не останавливаясь, проследовал мимо дремавшего на своем посту Дюбеля. На стражника при этом он не только не посмотрел – но даже не поздоровался. Дюбель ошарашено посмотрел вслед удаляющемуся

ся священнику. Бедняга оказался не готов к такому повороту дел. Он намеревался долго и обстоятельно (как минимум до обеда) подискутировать с монахом о новых веяниях и тенденциях в вероисповедании, обсудить некоторые щекотливые вопросы теософии, и т.д., и т.п., в общем, поразвлечься на славу. А тут такой облом получился. Но делать было нечего, и бессменный страж ворот вновь задремал, опершись на древко своей алебарды в ожидании новой жертвы, т.е. нового посетителя.

Парамоний же, войдя в Трунштейн, прошел мимо вышедшей ему на встречу королевы, и всех ее придворных, поспешив уединиться в отведенных ему апартаментах. Ни поздоровавшись, ни сказав ни слова, даже не кивнув.

Королева же так и осталась стоять, в недоумении, посреди зала. Это был первый случай в ее жизни, (по крайней мере с момента ее замужества), чтобы ее так явно проигнорировали.

Между тем, монах заперся у себя в кельи (так отныне он велел называть весь верхний этаж угловой башенки, в которой поселился) и целыми днями не выходил оттуда, спускаясь вниз лишь для приема пищи или в туалет. Если же кто-то из бугорландцев хотел исповедоваться, либо получить отпущение грехов, либо просто покаяться, он мог сделать это только возле этих двух вышеназванных помещений. И то, только после того, как Парамоний закончит все свои дела.

К чести монаха, надобно заметить, что Парамоний не был

привередлив в быту, он не требовал для себя отдельного питания из всяческих заморских яств и изысков, а ел все, что ему предложат с королевского стола, лишь бы пища была свежая и хорошо приготовленная. Ел, правда, монах долго и помногу, растягивая, таким образом, одно из немногих удовольствий в своей жизни. Соответственно так же подолгу он просиживал и в туалете, а бедные его прихожане, вынуждены были терпеливо дожидаться своей очереди. На аудиенцию, естественно.

Королева же все не теряла надежды принять священнослужителя у себя в тронном зале, как того требовал королевский этикет и ее уязвленное самолюбие. Ради такого случая она даже несколько дней подряд надевала лучшие свои наряды, но Паша на аудиенцию к ней так и не явился. Однажды, желая сократить свой путь на кухню, он по ошибке все же попал ненароком в тронный зал, где в это время королева играла в крикет со своими придворными. Обрадовавшись неожиданному появлению строптивного монаха, Киса де Мура совсем уж было собралась бежать переодеваться в свое самое красивое праздничное платье, (розовое, с бриллиантовыми блестками), но не тут-то было. Тяжело вздохнув, Паша развернулся и вышел вон из тронного зала.

Поначалу королева очень злилась на такое возмутительное, с ее точки зрения, поведение монаха, но ничего поделать с этим не могла. Поскольку он был не ее подданный, и не попадал, таким образом, под ее юрисдикцию. Впрочем, со

временем все понемногу привыкли к такому странному поведению Парамония и стали меньше обращать на него внимания.

Глава 11. Последний защитник Ойленберга.

3.11.1.

Тем временем в отдаленном замке Ойленберг, трое виргемских солдат – Бука, Бильбо и Корень несли свою нелегкую военную службу, ничего не ведая о происходящих в стране событиях.

Трудность службы в этом отдаленном (по бугорландским, конечно же, меркам), гарнизоне состояла как раз в его отдаленности. Находясь на самом юге страны, Ойленберг издавна использовался как место для отдыха и развлечений сначала местной знати, а впоследствии, и всех желающих. Кто во время охоты завернет сюда погреться, и обсушиться у камина, кто просто забредет на огонек, но в основном сюда приезжали отдохнуть подальше от глаз начальства. Изредка сюда заживал и сам король, который тоже был не прочь иногда отдохнуть в этой глуши от всех своих королевских забот, да и от королевы тоже. И всех этих непрощенных гостей нужно было принять, накормить и чем-нибудь развлечь.

Много лет назад этот замок построил Гуго 3С (Третий – Справедливый, пра-пра-пра-пра-пра-прадед нынешнего короля) для защиты своих южных границ от набегов диких соседей. Причем построен этот замок был на деньги, добытые

как раз в одном из ответных набегов на этих самых диких южных соседей. Таким образом, Гуго ЗС защитился от своих врагов за их же деньги. А дома между тем его ждала жена, и ждала она его не просто так, а с деньгами и подарками. Узнав, что Гуго опять вернулся домой пьяный и без денег, жена его совсем потеряла голову. Т.е. сначала она стала орать, визжать и матерно ругаться на короля, и уж только после этого потеряла голову. Такой вот ценой обошлась стране постройка этого замка.

3.11.2.

Но все это было давно и неправда. Ну, или почти – неправда. Сейчас же в Ойленберге все было тихо и спокойно. Если не считать того обстоятельства, что вот уже целую неделю в замке не было ни одного посетителя, и это было очень странно. Местный гарнизон к такому положению дел был непривычен, и все ни как не мог понять, куда же все запропастились? Этот вопрос не давал им покоя ни днем, ни ночью. И вот как-то вечером, воспользовавшись отсутствием в замке большого начальства, солдаты уютно расположились в мягких креслах у жарко натопленного камина. Закурив сигары и, попивая холодное пиво, они травили всякие страшные истории про чудищ и привидения. Благо время для этого было самое благоприятное, что-то около полуночи.

– В старые – добрые времена, начал свой рассказ Бильбо, прикуривая от уголька очередную сигару. – Добропорядоч-

ные бугорландцы ночью по улицам, как сейчас, не шастали...
– И песни, во все горло, – не орали.

– Это пощему еще? – не понял Корень (он слегка шепелявил, но все к этому давно уже привыкли).

– Потому, что время тогда такое было – жестокое. Только вылезешь из своей норы или какого другого убежища, бац – и все, тебя уже нет – сожрали.

– Кто сожрал?

– Кто первым успел, тот и сожрал. Раньше с этим делом строго было, не то, что сейчас. Нечисти в округе много водилось, и тигры саблезубые, и драконы, тролли там всякие, людоеды. А потом вся эта нечисть на север ушла, подальше от цивилизации.

– Так вот оно шо, воскликнул тут Корень, – выходит, шо ОНИ вернулись. Я где-то слышал, шо иногда ОНИ возвращаются.

– Кто это – они? – не поняли его сослуживцы.

– Как хто? – Монстры, конечно ше, пояснил Корень, радостно при этом потирая руки. – То-то к нам давно уше ни хто не ходит. И кровожадно так засмеялся. Корень был малообразованный солдат, и мог ляпнуть вслух все, что думает, кому угодно, в том числе и королю, или, что еще хуже королеве. Поэтому- то он и служил всю свою жизнь в этом отдаленном замке.

Версия про монстров в тот вечер показалось начальнику Ойленбергского гарнизона Буке весьма правдоподобной, по-

этому на следующее утро он первым делом отправил Корня в Трунштейн за дальнейшими разъяснениями.

Корень вышел из замка и пропал, словно в воду канул. Не вернулся он ни к обеду, ни к ужину.

– Бедный, бедный Корешок, пожалел Бильбо своего непутевого товарища, и следующим же утром отправился вслед за ним. Хотя он и не сказал о монстрах ни слова, только подумал о них, но для Буки этого было вполне достаточно. Бильбо ушел и тоже не вернулся. Таким образом, Бука остался в замке один.

Бедный Бука, откуда ему было знать, что и Корень и Бильбо своим присутствием усилили численность Виргеумского войска. Виргеум, как мы уже отмечали ранее, был неопытный военначальник, и не подумал о том, что в Ойленберге, таким образом, остался всего один защитник.

3.11.3.

Бука же, окончательно уверившись, в то, что по округе бродит зажавшийся людоед, заперся в замке и приготовился задорого отдать свою жизнь. Перво – наперво он отыскал в замке единственный исправный мушкет, хотя толку от него было не много, поскольку патронов к нему все равно не было. Бука сам лично на прошлой охоте обменял патроны на сигары, из расчета один патрон – одна сигара. Таким вот образом несчастный Бука на своем личной опыте убедился в правильности старинной Бугорландской поговорки, которая гласила – «Курение опасно для вашего здоровья».

Тем временем, события продолжали стремительно развиваться. Лишь только стемнело, в ворота замка кто-то постучал. Стук был настолько сильный и требовательный, что у Буки, не осталось ни какого сомнения в том, кто это именно стучится.

– Давай, проваливай отсюда, пока я не изрешетил тебя всего, закричал в ответ Бука с некоторой, почти незаметной, дрожью в голосе. В глубине души он все же надеялся на то, что людоед не знает про его давнишнюю аферу с патронами.

Но стук не прекращался. Зажав двумя руками уши, Бука ждал, когда же, наконец, людоед успокоится, и уйдет. Наконец, стук прекратился, видно людоеду и впрямь надоело без толку стучать в ворота. Но не успел Бука перевести дух, как откуда-то сзади, со стороны леса, послышалось тяжелое кряхтение и сопение. Сомнений не осталось ни каких, – это коварный людоед, обойдя замок с тылу, карабкался теперь на замковую стену.

Надобно заметить, что стена Ойленбергского замка, обращенная в сторону леса, была весьма и весьма не высока. В свое время у Гуго ЗС попросту не хватило денег на ее строительство. Впоследствии же, прижимистые бугорландцы достраивать стену не стали, наивно полагая, что с тыльной стороны замка враги подойти не догадаются. Так, что людоеду не составило особого труда преодолеть эту преграду. После чего он напрямик направился к забившемуся в угол Буке. И вот когда огромная людоедская тень целиком накрыла съе-

жившегося от страха начальника гарнизона, Бука, закрыв глаза, дал себе обет, что если он останется в живых, ни когда в жизни не будет больше курить и ... и не пить... и...

– Вот ты где, сказала тень, заметив Буку, – а я уж было решил, что вы тут все повымерли. Закурить не найдется?

– Я больше не буду, никогда больше не буду курить, господин людоед, закричал от страха Бука.

– Да ты, что, совсем обалдел что-ли? – Какой я тебе людоед. Это же я – Борода.

Бывший смотритель музея, все это время, бродил по округе в поисках нового пристанища. Шок, вызванный изгнанием его из музея, у него понемногу прошел, и он уже мог трезво оценивать обстановку. Только лучше ему от этого не стало. Борода так разбаловался на посту хранителя музея, что ничем другим теперь больше заниматься не хотел. А тут мало того, что его лишили такого теплого местечка, и в тюрьму посадили, так еще и война началась. А умирать на поле боя за такую зарплату Борода совсем не собирался. Он и музей-то вызвался охранять только для того, чтобы не работать. И решил тогда, бывший смотритель музея, отсидеться до поры до времени в каком-нибудь в укромном месте, до тех пор, пока хотя бы не закончится война. Благо, что со всей этой кутерьмой и неразберихой про него все позабыли. Только вот ночевать под открытым небом после мягкого музейного дивана было для Бороды сущим наказанием. Утром он мерз от холодной росы, а ночью спать ему не давали комары. И вот

вспомнив про Ойленберг, он сразу же поспешил сюда, в надежде на то, что уж там-то ни чего еще не знают про его постыдное изгнание из музея.

Обнаружив ворота замка закрытыми, чего сроду ни когда не было, Борода ни чуть этому не удивился, он уже смирился с мыслью о том, что все в этой стране ополчились против него. Но прежде чем уйти отсюда, он захотел посмотреть в глаза своим бывшим товарищам. Поэтому-то, Борода и перелез через недостроенную заднюю стену, (о которой знали все без исключения в Бугорландии), и отыскал в кромешной темноте дрожащего от страха Буку.

Убедившись, что это вовсе не людоед, а всего лишь на все-го смотритель музея, Бука немного успокоился, и спросил первое, что пришло ему в голову:

– А чего это ты здесь делаешь, а? Вот этого уже бедный Борода вынести ну ни как не смог, и ни слова не говоря, он снова ушел в леса.

Бука же решил, что ни какого Бороды не было и в помине, и все это ему почудилось. Он прекрасно помнил, что Борода работает смотрителем в музее и не шастает ночью по отдаленным замкам. Вернувшись на свой пост, начальник Ойленбергского гарнизона стал вновь дожидаться прихода людоеда.

Только хитрый людоед приходить не спешил. Лишь под самое утро со стороны леса вновь послышался подозрительный шорох, после чего на стену замка взобрался недоволь-

ный Пупс, в своих неизменных белоснежных подгузниках и черных солнцезащитных очках. Впрочем, бедного Буку теперь ни чем уже нельзя было удивить. Не сказав младенцу ни слова, он лишь оскалился в страшной улыбке. Этого было достаточно, чтобы Пупс тут же стал слезать обратно. Больше замок в эту ночь ни кто не посетил.

Глава 12. Посещение Катцебурга.

3.12.1.

Между тем Чрезвычайная комиссия в составе Епископа, Али ибн Луры и Гран-Градуса, благополучно отправилась в путь.

Факса в эту поездку не взяли, по ряду весьма объективных и субъективных причин. Не последнюю роль при этом сыграли такие факторы, – как мерзкий характер режиссера и отсутствие, как уже было сказано выше, свободных посадочных мест в черепахе. Так, что Факсу ни чего не оставалось, (если он хотел оставаться в курсе всех событий), как последовать за экспедицией тайно, т.е. «зайцем», зацепившись за короткий и скользкий черепаший хвост. Его верная спутница – ворона без лишних слов последовала вслед за своим хозяином. Своим ходом, конечно же, благо летать она еще не разучилась. И теперь издали, при наличии мало-мальски развитого воображения, ее вполне можно было принять за чайку, летящую вслед за кораблем. Такое сравнение особенно пришлось по душе Вове, как бывшему моряку. Каждый

раз, завидя птицу в небе, его хмурое лицо светлело, и он частенько подкармливал ее, бросая хлебные крошки и картофельные очистки за борт.

Тут следует сказать немного о самой черепахе, которая была хоть и медлительным транспортным средством, зато вседорожным. Звали ее Тора, (т. е. – тигр) и любые преграды были ей по плечу. Ну, кроме разве, что самых крутых гор и глубоких ущелий. Но больше всего на свете черепаха любила плавать, развивая при этом поразительную для нее скорость. В воде она с легкостью обгоняла скачущую галопом лошадь. А если учесть еще, что и Вова был когда-то моряком, становится понятно, почему всегда, когда это только было возможно, они путешествовали по воде. При этом черепаха старалась залезть в любой, самый мало-мальски незначительный водоем. Не гнушалась она и лужами, отчего и была частенько довольно грязной (в смысле – довольной и грязной).

Первой целью своей ревизии Епископ избрал отдаленный замок Катцебург, решив для начала исследовать материал еще не тронутый завоевателями. Там, где побывали завоеватели, (заметил про себя Епископ), ему делать уже было нечего.

Гран-Градус не возражал, поскольку он там тоже еще не был. Али ибн Лура же вообще крайне пофигистически отнесся к своим новым должностным обязанностям. И для этого у него были все основания.

Мнительный Али ибн Лура решил, что этой поездкой

Виргеум отправляет его в ссылку, подальше от королевского двора. Так же, как Киса де Мура, в свое время, избавилась от досаждавших ее фрейлин. А все это из-за того, (так думал мудрец), что он якобы не выполняет своих прямых должностных обязанностей, т.е. не дает королю ни каких ответов на его вопросы. «Но разве я виноват, в том, что король не умеет правильно задавать вопросы? – спрашивал сам себя мудрец. – Если не можешь правильно задавать вопросы, то и не задавай их вовсе». Но так как мудрецу ни каких официальных претензий предъявлено не было, то и напрямую бойкотировать работу в этой Чрезвычайной комиссии он не стал, но все дела делал, как говорится, – «спустя рукава».

Но больше всего возмутило старого мудреца то, что за все эти дополнительные обязанности и мучения жалования ему король ни сколечко не увеличил, резонно полагая, что и так платит слишком много.

3.12.2.

Тем временем, как раз к обеду, делегация добралась к раскрытым настежь воротам замка Катцебург.

Катцебург по Бугорландским меркам был относительно молодым замком, ему от силы было лет – триста – четыреста, не больше. В свое время Бонус Первый получил за свою вторую жену Мармеладочку в приданное – тещу и кучу строительных материалов. Обычно Бугорландские короли на такую уловку не поддавались и брали в приданное только звон-

кую монету, но уж больно Бонусу понравилась черноглазая принцесса – южанка. Он плюнул на все эти условности и взял ее, как есть – без денег, и с матерью в придачу.

А чтобы добро зря не пропадало, Бонус велел построить из полученных в наследство стройматериалов загородный замок. Охранять который, Бонус Первый специальным указом, назначил свою тещу – Матильду Леопольдовну Кац. «Чтоб не шастала без толку по королевству, а пользу приносила», повелел тогда король.

Сейчас же ворота замка были распахнуты настежь, поскольку пустоголовые фрейлины попросту забыли их закрыть, или не захотели. Вполне возможно, что они вообще не знали, что ворота замка во время войны должны быть закрыты на замок. Сами фрейлины в это время преспокойно качались себе на качелях во внутреннем двореке замка.

– Ну, как тут не занимать пустующие помещения, воскликнул в сердцах Гран-Градус, – когда они сами ими разбрасываются. Вы только взгляните – ворота открыты на распашку, солдат нигде не видно, значит им замки и не нужны вовсе.

– Все солдаты на войне, флегматично ответил на это Али ибн Лура, – даже ворота закрыть не кому.

– А кто это там внутри визжит?

– Это так, поморщился Али ибн Лура, – фрейлины.

Чтобы не нарушать суверенитет замка, Чрезвычайная комиссия в полном своем составе слезла с черепахи, и, пешком

вошла вовнутрь крепости. Вова же, который в состав этой делегации не входил, воспользовался моментом, и принялся наводить на черепахе образцовый флотский порядок.

Завидев приближающуюся к ним делегацию, фрейлины тут же задрали нос, всем своим видом показывая, что им и дела ни какого нет до посторонних мужчин.

Тогда Гран-Градус, который женщин вообще терпеть не мог, а глупых фрейлин в особенности, грубо поинтересовался у них – «есть ли кто-нибудь в замке?» На, что фрейлины даже не удосужили его ответом, продолжая себе качаться, как ни в чем небывало на качелях. Повторять свой вопрос Гран-Градус не стал, считая это тоже ниже своего достоинства. Представитель другой стороны – Али ибн Лура вообще смотрел куда-то вдаль, с самым отрешенным видом.

Видя такое дело, за дело взялся глава делегации Епископ Торский, побывавший за свою бурную жизнь и не в таких передрягах.

– Ну, если у вас нет ни каких жалоб, заметил он самым равнодушным голосом. – Мы тогда того... пойдём.

Жалобы у фрейлин были, и не одна. Обступив священника со всех сторон, они наперебой стали жаловаться ему на не обустроенные бытовые условия, на то, что в замке нет мыла, помады, горячей воды, – всюду пыль, грязь и паутина.

– Тихо, тихо, заорал тут Епископ, у которого от женского визга сразу же разболелась голова. – Есть, у кого-нибудь, более существенные, я бы сказал – конструктивные замеча-

ния? Фрейлины в недоумении переглянулись.

– Чего-чего? – не поняли они.

– С вами все ясно, подвел итог Епископ. – Тогда переходим ко второму вопросу нашей поездки, объявил он, доставая фляжку с бальзамом. – Сейчас мы будем вас всех того... просвящать. Не стесняйтесь, подходите ближе, по одному, в смысле – по одной. И он налил из фляжки полную рюмку бальзама.

– А, что это такое, ликерчик? – снова оживились фрейлины. Но тут самая злобедная из фрейлин заартачилась, и сказала, что с незнакомыми мужчинами они не пьют. Епископ извинился за то, что он не подумал об этом заранее, после чего быстренько представил дамам всех мужчин делегации, те же, в свою очередь, так и не соизволили повернуться к дамам лицом. Тем не менее, когда, наконец, все формальности были соблюдены, фрейлины соизволили выпить рюмочку, потом еще одну и еще, и так без зазрения совести осушили бы всю фляжку, если бы Епископ во время ее у них не отобрал. Когда же он намекнул насчет того, что после выпивки не плохо бы еще и перекусить чего-нибудь, фрейлины удивленно переглянулись. Они только, что доели последнюю плитку шоколада, а что они будут есть завтра, сегодня их не интересовало.

– У нас здесь кухарок нет, надменно заметили фрейлины, и, видя, что больше их ни чем угощать не собираются, вернулись к своему основному занятию – качанию на качелях.

Вопрос Епископа о том, – «есть ли кто-нибудь еще в замке?», остался также без ответа. Тогда члены делегация самостоятельно обследовали замок, но так ни кого больше и не обнаружили. Ни людей, ни животных. Только ветер гулял по пустым залам замка. На душе делегатов от такой пустоты кошки заскребли на душе.

– Я думаю, господа, что нам лучше отобедать, где-нибудь в другом месте. На природе, так сказать... – На берегу речки, или тихого озерца, предложил Епископ. – Кстати, на кухне я заметил ящик с тушенкой... – Предлагаю эту тушенку конфисковать, в качестве вещественного доказательства, и продегустировать ее. Нужно же проверить чем кормят здешних солдат. Тем более, что у меня еще бальзам остался. Члены делегации с радостью приняли его предложение и, прихватив с собой ящик тушенки, делегаты направилась к выходу. Фрейлины же, продолжали беспечно качаться на качелях, ни замечая, казалось, ни кого и ничего вокруг.

Али ибн Лура, как представитель принимающей стороны, выходя из замка, плотно закрыл за собой ворота. Факс, который видел все происходящее лишь издали, через замочную скважину замковых ворот, успел все же запечатлеть на кинолентку пьющих спиртное фрейлин в окружении толпы мужчин, и теперь подумывал, куда бы лучше вставить весь этот компромат.

3.12.3.

Не успела черепаха скрыться из виду, как из лесу краду-

чись, и ежеминутно оглядываясь по сторонам, вышел чем-то сильно недовольный Пупс с неизменным саквояжем в руке. Осторожно ступая, он приблизился к воротам и с опаской заглянул в замочную скважину. Увидав качающихся на качелях фрейлин, и послушав пять минут их пустую болтовню, Пупс также тихо, как и пришел – скрылся в лесу.

Глава 13. Ужас замка Ойленберг, и его последствия.

3.13.1.

Следующей целью экспедиции было посещение замка Ойленберг, который делегация посетила по тем же основаниям, что и Катцебург. В этом замке дела обстояли намного лучше. Ворота были закрыты, и даже имелся солдат, правда, всего один, и в явно невменяемом состоянии. Бука сидел на крепостной стене, погруженный в глубокий транс, казалось ни кого и ничего не замечая вокруг. Черепаха подъехала вплотную к крепостной стене, так что члены делегации на ее борту оказались на одном уровне с сидевшем на стене Букой.

– Разве это солдат? – недовольно заметил Гран-Градус. – Это Шалтай-болтай какой-то.

– Солдат на посту, ворота на замке, хмуро заметил Али ибн Лура. – А его личная жизнь ни кого не касается...

– Какие у Вас будут замечания или жалобы, поинтересовался тем временем Епископ у Буки. Тот ни чего ему не ответил, продолжая по-прежнему смотреть куда-то вдаль.

– Ну-ка, Вова, разбуди-ка молодца, приказал тогда Епи-

скоп. – По нашему, по-монашески. Вова, зарядив мушкет холостым зарядом, выстрелил из него прямо над ухом начальника Ойленбергского гарнизона. Бука и ухом не повел.

– Войско недееспособно, определил Гран-Градус.

– Войско в отличном боевом состоянии, и его просто так на испуг не возьмешь, высказал свою точку зрения Али ибн Лура.

Епископ же, заметив, что Бука что-то шепчет себе под нос, наклонился к нему поближе, и услышал еле слышный шепот:

– Людоед, – пошел вон. Пошел вон, я сказал.

– Под дурака косит, злорадно заметил Гран-Градус, – служить не хочет. У них все такие.

– Случай серьезный, определил Епископ. – Я бы взял тебя, дружок, к себе, но у меня своих дармоедов хватает. На-ка вот, выпей, приобщись, так сказать, к общему делу, предложил он Буке, наливая чарку бальзама. Когда же тот и на чарку не среагировал, мужики поняли, что дело с ним совсем плохо. И тогда они, разжав общими усилиями Букины зубы, влили живительный бальзам ему прямо в глотку. И это подействовало, больной стал понемногу приходить в себя.

– Еще, попросил он, через какое-то время. Ему налили, он выпил, и тут же, схватив Епископа за рясу, стал истошно голосить:

– Заберите, заберите меня отсюда. Я больше так не буду...

– Вот и хорошо, флегматично заметил Епископ, пытаюсь

высвободить при этом, полу своей рясы. – Рясу только не зачем рвать...

– К черту рясу, к черту все, продолжал орать Бука. – Я так больше не могу...

– Вова, этому больше не наливай, приказал тогда своему помощнику главный священнослужитель. – Еще какие-нибудь предложения есть?

И так как больше ни каких других предложений у Буки не было, то, как только смогли оторвать его от рясы Епископа, комиссия проследовала дальше. Хотя до этого они предполагали погостить несколько дней в замке, отоспаться, помыться, в общем, отдохнуть, как следует и душой и телом. Не вышло. Разговоры о людоедах и внешний вид Буки весьма поспособствовал скорейшему удалению делегации из Ойленберга. При этом Епископ остался верен себе и в момент расставания снял с головы невменяемого начальника гарнизона приглянувшийся ему медный шлем. Не просто так, конечно, а как вещественное доказательство того, что они здесь были. Из каждого момента Епископ старался извлечь для себя хоть какуюнибудь материальную выгоду.

Факс, следивший за всеми этими действиями из-под черепашьего хвоста, был в полном восторге. Наконец-то ему удалось запечатлеть что-то стоящее. Попутно он и название придумал для этой сцены – «Ужас замка Ойленберг.»

Бука же в очередной раз решив, что все эти монахи, матросы, звездочеты и клоуны верхом на черепахе ему просто привиделись, снова благополучно впал в транс.

Впоследствии, узнав о таком безобразном поведении своего подчиненного, Виргеум велел снять Буку со стены и посадить в тюрьму. Тем самым Виргеум лишний раз хотел показать Гороху, что тюрьма у него в королевстве без дела не простаивает, и крайне ему необходима.

Шампиньон ни в какую не хотел впускать Буку в тюрьму, считая ее исключительно собственностью царя Гороха (или даже исключительно своей собственностью). В любом случае Виргеум, по мнению Шампиньона, не имел ни какого права сажать своих подданных в чужую тюрьму. Но потом старый барон все же сжалился и впустил несчастного в тюрьму, уж больно сильно тот его об этом умолял.

За толстыми тюремными стенами, преодолеть которые было не под силу ни какому людоеду, Бука быстро пошел на поправку.

Оформляя нового заключенного, Грифусс, первым делом спросил (не из простого любопытства, конечно же, а по профессиональной необходимости) – за что тот сюда попал? На что Бука честно признался, что «ни за что». Такой ответ сам по себе говорил уже о начале процесса выздоровления. Грифусс же, удрученно почесал затылок, озадаченно заметив при этом, что «тот еще легко отделался».

Глава 14. Дальнейшие приключения Чрезвычайной комиссии.

3.14.1.

Чрезвычайная комиссия тем временем прибыла в Горохшин, где стараниями Гороха они смогли наконец-то, не только хорошенько поесть и отдохнуть, но и совершить познавательную экскурсию по замку. Епископу, особенно понравилась история про взбалмошную принцессу, сиганувшую из восточной башни замка. При этом, Епископ, как человек сугубо практичный и трезво смотрящий на жизнь, внимательно осмотрел брусчатку у основания башни, стараясь найти хоть какое-нибудь материальное доказательство случившейся когда-то трагедии. Но время стерло все следы.

Исследовать другие замки комиссия не спешила. Да и куда им было спешить? Кормили их превосходно, комнаты в замке были теплые и уютные, работать ни кто не заставлял. В общем – не жизнь у них была, а малина.

У Гороха же одно было на уме – как бы побыстрее спроводить комиссию дальше. По той простой причине, что чем раньше они отсюда уйдут, тем быстрее придут в другое место, а там глядишь и вопрос их решиться. Но время шло, а дело с мертвой точки ни как не сдвигалось.

И вот однажды терпение у Гороха кончилось, и за ужином он объявил всем, что с завтрашнего дня замок закрывается на профилактические работы. Специально созданная по такому случаю бригада, под руководством самого царя, будет

морить в замке клопов, мышей и тараканов. Гости же могут пока переселиться в тюрьму. Ненадолго, месяца на два – три не более.

– За это время, сказал царь, – они надеются покончить со всей этой нечистью. Упоминание про тюрьму и тараканов сильно расстроило Епископа, который терпеть не мог ни того и не другого. Поэтому, быстро собравшись, на следующее утро Чрезвычайная комиссия в полном составе отправилась в Трунштейн. Перед уходом Епископ остался верен себе и конфисковал из Горохшина в качестве вещественных доказательств два старинных бронзовых канделябра. Он давно уже мечтал иметь такие у себя на черепахе.

3.14.2.

Замок Трунштейн был не менее древним замком, чем Горохшин. Но в отличие от Горохшина, дошедшего до наших времен в своем почти первозданном виде, Трунштейну была уготована совсем иная участь. С тех пор как он стал официальной резиденцией Бугорландских королей, замок постоянно достраивался и перестраивался. Каждый король, живший в нем, считал своим долгом, что-то подправить, достроить или наоборот снести лишнее. Поэтому от первоначального облика у Трунштейна остался один только фундамент, да и то не весь. И теперь издали Трунштейн можно было принять за старый пенёк, словно грибами облепленный со всех сторон башенками, балкончиками и другими всевозможными при-

стройками.

Киса де Мура этот замок терпеть не могла. Она любила все новое и блестящее и мечтала жить не в старом замке, а в новом дворце, как все нормальные короли. Но денег на строительство дворца в королевской казне не было. Тем не менее, сразу же после свадьбы королева затеяла грандиозный ремонт, который не завершился еще и по сию пору. В Трунштейне постоянно что-то красилось, скоблилось, белилось, то тут, то там слышался шум пилы или стук топора. Все обитатели замка давно привыкли к этим звукам, и не обращали на них особого внимания.

Окончательно отремонтирован был только главный банкетный зал, где проходили все Бугорландские торжества. Здесь все блестело и сияло, отражаясь от начищенного воском паркета, хрустальных люстр и сотен зеркал.

Кроме банкетного зала в замке были отремонтированы еще королевская спальня, спальни принцесс, и одна маленькая спальня для гостей. Таким образом, на настоящий момент королевская чета могла принимать и оставлять на ночь не более одного высокопоставленного гостя за раз.

Поэтому, прибытие такой большой делегации не столько обрадовало, сколько озадачило королеву. Она понятия не имела где их всех теперь разместить на ночь. Престиж страны оказался под угрозой. Королева вообще не впустила бы комиссию в замок, под формальным предлогом, что в крепости еще не отменено военное положение. Да только вот бес-

сменный страж ворот – Дюбель на этот раз оплошал и вместо того, чтобы заранее предупредить Кису де Муру о незваных гостях, вдрызг наклюкался дармового Епископского бальзама. При этом он, как настоящий боец, так и не покинул свой пост, оставшись лежать мертвецки пьяным у главных замковых ворот.

Переступив через стражника, члены чрезвычайной комиссии спокойно вошли в замок, где и были встречены самой королевой. Епископ, не долго думая, предложил и королеве испить из его кубка.

– Что в нем, с нескрываемым раздражением спросила королева. – Водка, что ли?

– Что Вы, Ваше Величество, изумился Епископ. – Разве я могу предложить даме водку? Чистый спирт. Настоянный на травах.

– Мне, святой отец, не осталась в долгу королева, – и без вашего спирта тошно. Сильно я разочаровалась в этих Ваших завоевателях. Я – то думала, что они люди культурные, цивилизованные. Думала, что с их приходом все здесь переменится. Балы, думала, начнутся, маскарады, баталии там всякие, интриги и дуэли. А они оккупировали музей да тюрьму, и все – от туда ни шагу.

– Такова наша доля, грустно вздохнул Гран-Градус, – все завоеватели рано или поздно попадают либо в музей, либо в тюрьму.

– Но зачем же сразу туда лезть, резонно заметила на это

королева, – повытворяйте, для начала, чего-нибудь... такого – этакое ... – Чтобы было, потом что вспомнить... – И в тюрьму за что садить... – Да и муженек мой тоже хорош... – Ему только дай повод из дома улизнуть. Как война началась, так и шляется неизвестно где. Мало того, что сам ушел, так он еще и войско все с собой увел. Образумьте уж Вы его, Ваше Высокопреосвященство, совсем ведь от рук отбился. Уроки не учит..., в смысле- придворные дела совсем забросил. Один огород у него на уме, да рыбалка.

– Ну, он же король, вступился за Виргеума Али ибн Лурра. – Натура нежная, утонченная, ему поиграться охота.

– Если бы охота, хмыкнула королева, – я бы противиться не стала. А то ведь на охоту его и силком не заманишь. Пойдите-ка, пойдите....

– А, что это мысль, радостно воскликнула Киса де Мура. – Едемте-ка на охоту, господа! Прямо сейчас! По пути, добавила она, вскакивая с трона, – прихватим с собой нашего короля, да и вашего Гороха тоже.

– Охота это хорошо, обрадовались все участники делегации. – А на кого будем охотиться, на зайчиков или уток?

– На медведиков, ответила королева.

– Что, даже и не пообедаем? – буркнул озадаченный Епископ, которому охотиться на медведиков сразу отпала охота.

Глава 15. Дикая Охота королевы...

3.15.1.

Но королева, нашедшая прекрасный предлог выпроводить неожиданных гостей из замка, ни кого уже не слушала. Предстоящей охотой королева убивала сразу двух зайцев. (В переносном смысле, конечно же, поскольку настоящих зайцев давно уже изгнал из страны прадед нынешнего короля – Никодимусс Четвертый, за то, что те якобы ездили без билетов. О том, что это не те зайцы ездили без билетов, ни кто королю пояснить, тогда не решился. У Никодимусса Четвертого был крутой нрав, и он очень не любил когда ему перечили, или, не дай бог, в чем-то поправляли. Все придворные, хорошо знавшие об этом, решили пожертвовать малым, т.е. зайцами. С тех самых пор, зайцы в Бугорландии больше не водились.) Итак, предстоящей охотой королева решала сразу две задачи. И гостям – развлечение, и вопрос с ночлегом решался самим собой. Поскольку по давней бугорландской традиции, все охотники после охоты сразу же разъезжались по домам. До охоты они могли вместе гулять, пировать и веселиться сколько угодно, но по окончании охоты собираться вместе им было строго-настрого запрещено. Поскольку они сразу же начинали обсуждать прошедшую охоту, делить трофеи, шкуры медведей, в том числе и не убитых, завидовать ближнему своему или злорадствовать над ним, смотря по обстоятельствам охоты. И заканчивалось все это обычно какой-нибудь дракой или даже массовой потасовкой. И, что самое интересное – охотников на этих разборках погибало во много раз больше, чем на самой охоте. Поэтому, сразу же

после охоты бугорландцам предписывалось тихо и незаметно расходиться по домам, каждый со своей добычей. Или без нее, кому как повезет. Зато при таком раскладе ни кому не было обидно, и все оставались довольны.

«И поделом им», думала королева, переодеваясь у себя в спальне в скромный охотничий костюм подбитый стразами и соболями. – «Нечего такой толпой по гостям ходить. В гости нужно ходить в одиночку, и заранее предупреждать о своем приходе хотя бы за неделю, что бы хозяева могли не спеша подготовиться к приему гостей и ... уехать куда-нибудь на это время». Киса де Мура страшно не любила, когда кто-то не соблюдал придворный этикет.

Надобно заметить, что Киса де Мура была, как и положено настоящей королеве, из очень древнего, правда, не особо богатого рода. (Корни ее родословной уходили далеко за границы истории и терялись где-то в пещерах каменного века). Все это не могло не сказаться на характере будущей королевы, в крови которой были замешаны также и восточные корни. Но об этих своих корнях королева не любила особо распространяться. И уж совсем она не любила распространяться о том, что до замужества работала у себя на родине простой продавщицей в универмаге, в отделе галантерейных товаров. Где ее и заметил молодой студент Сельскохозяйственной академии и будущий король Виргеум. А потом случилось все как в жизни, – они полюбили друг друга, и поженились.

И с тех самых пор как они поженились, больше всего на свете Киса де Мура полюбила роскошь. И чем головокружительнее была эта роскошь, тем было лучше. Будь ее воля, королева давно бы уже пустила на ветер все королевство, но, к сожалению, (или может быть к счастью), в Бугорландии и за ее ближайшими пределами не было такого человека, кто мог бы заплатить за целое королевство. Пусть даже частями или в рассрочку. Таким образом, королева вынуждена была жить по средствам, пусть и королевским, но все же средствам. И от этого она сильно страдала.

Ни одним своим поступком Киса де Мура не дала повода своим поданным усомниться в том, что перед ними настоящая королева, а не какая-нибудь там шушера. Так, в путешествиях по стране королева очень любила с шиком и блеском преодолевать всевозможные попадающиеся ей на пути препятствия, будь то лужи или канавы. Происходило это так, – карета останавливалась у самого края лужи, после чего лужу накрывали купленной специально для такого случая шубой из горностаев, и королева гордо проходила по ней через грязь. Правда, в последнее время находить хорошие лужи в цивилизованной Бугорландии становилось все труднее и труднее. Иногда, в особо жаркие месяцы солдатам приходилось собственноручно выкапывать такие лужи, но чего не сделаешь ради хорошего настроения своей королевы.

И так было во всем. В первый же день своего замужества Киса де Мура уволила двух фрейлин из своей свиты. Одну за

то, что та постоянно жевала жвачку, а вторую за непотребную лексику при дворе. Бедная фрейлина при встрече с королевой только-то и сказала, что «она вся измучилась здесь ее ожидаючи» за что и была тут же уволена.

Как это ни прискорбно, но следует признать, что Бугорландия хоть и была просвещенным королевством, но все же к женщинам тут относились с некоторой предвзятостью. Им (женщинам) издавна (еще согласно указу Гуго Пятого Строптивного) категорически запрещалось пить, курить, и матерно ругаться. И если за мат и курение женщин просто пороли, то наказание за пьянку было намного суровее. Особенно сильно каралось запойное питье. Впадать в запой на несколько дней в Бугорландии имело право исключительно мужское население. И если женщина, по каким-то невообразимым причинам, все же имела наглости напиться до бесчувствия, ей тут же отрубали голову, покуда она не пришла в сознание. И хоть этот жестокий закон был принят в королевстве много веков назад, ни кто его до сих пор не отменил. Правда, в прошлом веке, по настоянию просвещенной общественности, дед Виргеума, Леопольд Тринадцатый, принял поправку к этому закону, согласно которой перед отрубанием головы женщину принудительно лечили от алкоголизма за счет государства.

3.15.2.

Но вернемся непосредственно к нашей охоте. Охотились

в Бугорландии обычно пешком. Содержать лошадей в стране, которую и пешком-то обойти не составляло особого труда, было не выгодно, и бугорландцы давно от них отказались. Пару лошадок имела одна лишь королева, для парадных выездов в карете. Но даже ей, пришлось ограничиться только парой лошадей, а не восьмеркой, как она того хотела. С появлением в Бугорландии Али ибн Луры, стало модно охотиться на крупных хищников на слонах. При этом охота хоть и стала более безопасной, но значительно потеряла при этом в зрелищности. Впрочем, бугорландцев это вполне устраивало, они предпочитали не рисковать собой без особой на то надобности.

Епископ, узнав, что охотиться они будут на медведей, сразу же как-то сник. До этого он охотился лишь на мелкую пернатую дичь, да на белок с кроликами. Охотиться же на медведей с их с огромными когтями и клыками, у Епископа не было ни какого желания. Но отказываться при всех было как-то неудобно. Да и Киса де Мура, как настоящая королева, не любила когда ей в чем-либо отказывали. Поэтому Епископ хоть формально и не отказался от участия в охоте, но все мысли его теперь были заняты тем, как бы потактичнее избежать предстоящего мероприятия.

Тем временем всем охотникам выдали по мушкету, заряженному вместо пуль шприцами со снотворным. Это был тоже древний местный обычай, связанный с тем, что медведь в Бугорландии был всего один. Двум медведям в такой ма-

ленькой стране было попросту не ужиться. Поэтому медведя на охоте не убивали, а лишь усыпляли на время сильнодействующим снотворным. После чего все охотники вдоволь нафотографировавшись с поверженным медведем, отпускали животное на волю. Таким образом, все оставались довольны и охотники, у которых от охоты помимо адреналина в крови оставались еще и фотографии на память, и уж тем более медведь, у которого оставалась его шкура, причем целой и почти невредимой.

Гран-Градус от мушкета отказался, решив на этой охоте опробовать свое личное специфическое оружие – арбалет. Поэтому шприц со снотворным он засунул не в ствол мушкета, как это сделали все другие охотники, а привязал его к наконечнику стрелы.

Согласно правилам бугорландской охоты, каждый из охотников мог сделать на охоте только один выстрел. Этот обычай ввел еще Сигизмунд Молчаливый, который больше всего на свете любил тишину и покой. Его очень нервировали всякие громкие звуки, особенно ружейные выстрелы. При его царствовании ни один даже самый закоренелый преступник не был расстрелян, – всех до единого либо повесили, либо утопили. Но даже Сигизмунд Молчаливый был не в состоянии запретить бугорландцам охотиться. Поэтому, дело ограничилось указом, согласно которому на охоте любой охотник мог сделать только один выстрел. Второй выстрел считался браконьерским, и наказывался большим штрафом.

Третий выстрел классифицировался как провокация, и наказывался длительным сроком заключения. Ну, а уж четвертый и все последующие выстрелы рассматривались вообще, как диверсия и подрыв национальной безопасности и карались смертной казнью, опять же через повешение.

А если учесть еще, что бугорландцы были народом крайне прижимистым и бережливым, и тратиться на патроны они не любили, то нет ни чего удивительного в том, что эта традиция надолго прижилась в стране.

Тем временем глашатае протрубили в рога, приглашая всех желающих присоединиться к охоте. Это была еще одна старая Бугорландская охотничья традиция – приглашать всех желающих совместно поохотится. Т.к. диких зверей в Бугорландии было совсем мало, то и охотились на них редко, зато всем миром. Так уж повелось издревне. Еще Педро Первый – Конопатый издал специальный указ, согласно которому каждый желающий мог участвовать в охоте наравне со знатью. Такой указ он издал после того, как его дедушку Педро Третьего Длинноволосого растерзал дикий вепрь на глазах у многочисленной охраны. А те, не могли ни чего поделать, поскольку охранникам в те времена строго-настрого запрещалось принимать участие в охоте. Охота в те времена была занятием только для избранных.

Сейчас же, не смотря на разрешение и даже официальное приглашение, желающих присоединится к травле медведя больше не оказалось. Были только желающие отсоединит-

ся от охоты, точнее был только один такой желающий – Епископ. Но он еще не придумал, как бы получше повернуть это дело, не поднимая большого шума.

И вот охота началась. Собаки быстро подняли зверя, благо на протяжении многих веков у местных медведей была одна берлога, передаваемая по наследству. И все в Бугорландии хорошо знали, в том числе и собаки, где эта берлога находится. Так вот, собаки подняли бедолагу медведя, и погнали его в чащу леса. Охотники помчались вслед за ними. Однако черепаха в виду своей тихоходности стала потихоньку все больше и больше отставать от основной группы охотников.

И, как только последний охотник скрылся из виду, Епископ тут же приказал Вова прекратить заниматься всякой ерундой (в смысле – преследовать бедного медведя) и немедленно заняться своими прямыми обязанностями, т.е. прямоком двигаться в тюрьму. Якобы для выполнения своей главной миссии – ревизии, но злые языки (в частности все того же Факса) утверждали потом, что Епископ направился туда только потому, что там были самые высокие и крепкие стены во всей Бугорландии.

Остальные охотники, в азарте погони, попросту не заметили отсутствия Епископа и его огромной черепахи.

Гран-Градус же, хоть и сильно разозлился на то, что комиссия так скоропалительно покинула место охоты, но ни чего поделать при этом не мог. Поскольку ни кто его не поддержал, ни Вова, который горой стоял за Епископа, ни тем

более Али ибн Лура, который до смерти ненавидел всякие шумные сборища.

Но вот когда Чрезвычайная комиссия совсем уже было достигла заветных тюремных стен, как где-то вдалеке слышался очередной призывный звук охотничьего рога. И тут Гран-Градус, что бы хоть немного позлить Епископа, заметил, злорадствуя, – «что им чертовски повезло, медведь сам бежит к ним в руки». При этих словах Епископ сильно занервничал, и приказал всем срочно, без промедления укрыться в тюрьме. Однако огромные тюремные ворота, как и положено в таких случаях, были закрыты на все замки и засовы и заперты изнутри, а звук охотничьего рожка звучал все ближе и ближе.

И тогда Епископ, не дожидаясь остальных членов комиссии, сиганул с черепахи прямо через тюремную стену.

3.15.3.

При этом несчастный монах едва не сшиб с ног Гриффусса, внимательно следившего в это время за тем, как заключенный Бука старательно подметает тюремный двор.

– И этот туда же, недовольно пробурчал бугорландский палач, смотря сверху – вниз на распростертого в пыли Епископа. – Повадились, понимаешь, лазить в чужой огород кто не попадая. Заходите, люди добрые, берите, что хотите. Ну, а ты-то, что встал, как вкопанный, набросился Гриффусс на ни в чем не повинного Буку, – мети чище. Вон смотри, сколько мусору вокруг. При этих словах палач вновь покосился на

монаха, с трудом поднявшегося с земли и теперь отряхивающего свою рясу от тюремной пыли.

Впрочем, другой представитель тюремной администрации – Шампиньон отнесся к появлению Епископа у себя на территории более радикально. Со словами – «Попался, гад», он набросился на священнослужителя, и вновь повалил того на землю. На помощь отцу поспешил с крепкой пеньковой веревкой Батон, который к этому времени благополучно оправился от боевых ран, нанесенных ему людьми Епископа, и теперь горел праведным желанием отомстить своему обидчику. Тот факт, что Епископ назначен главой Чрезвычайной комиссии и является, таким образом, лицом неприкосновенным, не имел для баронов ни какого значения. По старой рыцарской традиции, они имели право не обращать на такую мелочь как неприкосновенность личности ни какого внимания. А когда Епископ захотел все объяснить, и открыл было рот, ему попросту заткнули этот самый рот грязным кляпом, после чего кинули священнослужителя в самую темную и сырую камеру. (Рядом с туалетом).

3.15.4.

Остальные члены Чрезвычайной комиссии – Гран-Градус и Али ибн Лура с нескрываемым интересом наблюдали за всеми этими перипетиями с высоты своего нынешнего положения – т.е. с борта монашеской черепахи. Взволнованного Вову Гран-Градус быстро успокоил, предупредив того, что если тот будет дергаться, то тот час же отправиться вслед за

своим начальником. Вова дергаться не стал, справедливо решив, что его обязанности состоят в обслуживании черепахи, а не в вызволении священнослужителей из плена. И, забившись в угол, он стал усердно там что-то чинить.

Тем временем Гран-Градус развернул черепаху в сторону леса, после чего делегация в укороченном составе продолжила охоту.

Но едва они приблизились к лесу, как из-за ближайших кустов выскочил медведь, преследуемый по пятам многочисленными собаками, и бросился прямо навстречу черепахе. Сделал он это из страха, или ему просто больше не куда было бежать не известно. Какое-то время среди бугорландцев ходило даже мнение, что медведь хотел пожаловаться Чрезвычайной комиссии на надоедливых охотников, но не успел.

Как бы там ни было, закончилось все это тем, что Гран-Градус, схватив арбалет, не раздумывая, пустил стрелу прямо медведю в лоб. (На посту коменданта Горохшина свободного времени у Гран-Градуса было вдоволь, что позволило ему хорошо натренироваться в стрельбе из арбалета.)

Раненый медведь, привстав с диким ревом на задние лапы, сделал пару шагов вперед, потом присел и, наконец, повалился сонный на землю. Где его тут же и переехала черепаха, которая в виду своей тяжеловесности не смогла сразу остановиться или свернуть в сторону. И как не пытался Вова избежать столкновения, как не тянул он из всех сил поводья, ни чего не помогло – Тора со всего размаху припечатала

медведя к земле. И тот стал плоским как блин.

Подоспевшие охотники озадаченно осмотрели плоского медведя, после чего поздравили Гран-Градуса с великолепным трофеем, и вручили ему этого самого плоского медведя на память. Все равно для дальнейшей охоты он больше не годился.

– Хоть у нас и не так уж много медведей, чтобы их приשמекивать черепахами, проворчал себе под нос Виргеум, – ну да ладно уж, дело сделано. Забирайте его себе на память, не пропадать же добру. (В душе он был даже рад, что все так закончилось, и ему уже больше не нужно будет ходить каждый год на эту чертову охоту).

Только Гран-Градусу такой медведь и даром был не нужен. Скептически оглядев плоский трофей со всех сторон, первый советник хотел было закинуть его куда подальше в кусты, но тут случилось неожиданное.

Ни когда не дававший бесплатных советов Али ибн Лура вдруг встрепенулся, и буркнул себе под нос:

– Не стоит!

Охотники дружно зааплодировали Али ибн Луре, впервые в жизни совершившему альтруистский поступок.

Таким образом, охота неожиданно для всех закончилась на удивление удачно. Недовольным остался один лишь Виргеум, который столько раз задавал своему придворному мудрецу всевозможные вопросы но ни разу не получил на них хоть какого-нибудь мало-мальски вразумительного ответа.

А тут этому выскочки и медведь достался и бесплатный совет, – все сразу. Но, не смотря на все свое недовольство, король вынужден был аплодировать и улыбаться вместе со всеми. Ведь рядом с ним стояла его жена – Киса де Мура, которая не любила, чтобы кто-либо еще, помимо нее самой, капризничал и дурил.

– Друзья, прошу всех в тюрьму, предложил тут Горох. – Это дело надобно обмыть. И охотники всей гурьбой направились в тюрьму.

3.15.5.

Заметив приближающуюся к ним толпу охотников, Гриффус с присущей ему прямоотой принялся орать в рупор, прямо с крепостной стены, о том, что «свободных мест в тюрьме нет, и в ближайшем будущем не предвидится».

– Да не ори ты так, осадил палача Шампиньон, – это же свои.

– Свои в такую погоду дома сидят, у камина греются, недовольно пробурчал Гриффус, все же открывая перед охотниками тюремные ворота. Заметив среди них короля с королевой, он уже ни чему не удивился, только печально заметил:

– И вы туда же, Ваши Величества...

Потом опомнившись, он тут же «настучал» Гороху на баронов, что те, дескать, ловят и незаконно удерживают в тюрьме посторонних лиц.

– То есть как это посторонних лиц, изумился Горох, – их,

что много что – ли?

– Пока их может быть и не очень много, смутился Гриффусс, – но ведь со временем, когда они начнут размножаться...

– Епископам размножаться не положено, грубо перебил начальника тюрьмы Шампиньон. – Да и не с кем ему там размножаться.

– Сейчас может и не с кем, а...

– Тихо, тихо, закричал тут царь Горох, – не ссорьтесь друзья мои. И выпустите же, наконец, его преосвященство. Вам, что ловить больше не кого?

– Вот так всегда, взмахнул руками, до этого не вступавший в разговор, Батон. – Воюешь, воюешь себе, из кожи вон лезешь, а потом – бац, и... – И, всё. И всё это оказывается абсолютно напрасно! Пап, я правильно возмущаюсь? Как настоящий барон?

– Не совсем так, сынок. Настоящий барон вообще не возмущается. Ведь настоящий барон живет так, как ему нравится, и у него просто не бывает поводов для возмущения. Что же касается попа, то ему и впрямь тут делать нечего, пусть лучше работать идет.

К чести Епископа нужно отметить, что он вполне достойно перенес свое пленение. Когда его, наконец, развязали, и выпустили из камеры, он не стал жаловаться, кричать, или топтать ногами. Нет, он лишь посмотрел на всех с немой укоризной, и принялся, как ни в чем не бывало, отряхивать су-

тану от тюремной пыли. Внешний вид Епископа оставлял желать лучшего, – некогда парадная ряса была разорвана в нескольких местах, волосы всклоочены и под правым глазом виднелся огромный иссини – фиолетовый синяк.

– Ну, всё, – не видать нам теперь тюрьмы как своих ушей, огорчился Гран-Градус.

– Ну, это как сказать, пробурчал Епископ. – Тьфу ты, я тут совсем с вами запутался.

– Ваше высокопреосвященство, не судите их строго, вступился за баронов Гран-Градус. – Они это не со зла.

– Конечно, не со зла, пробурчал себе под нос Батон. – Было бы со зла, – он бы так легко не отделался.

– «На войне – как на войне», добавил со своей стороны Шампиньон.

Епископ искоса посмотрел на баронов, и вновь ни чего на это не ответил. Такое необычно тихое поведение Епископа объяснялось тем, что тот, сидя в камере, трезво рассудил, что уж лучше ему здесь немного посидеть, чем встречаться один на один с диким зверем в лесу.

Тут, вспомнив про свои прямые обязанности по сбору информации, (а ведь именно для этого он якобы и сиганул в тюрьму), Епископ обратился ко всем присутствующим со своим традиционным теперь уже вопросом:

– Есть у кого-нибудь, какие ни будь жалобы, просьбы, предложения?

– У меня есть, встрепенулся Гриффусс, – у меня есть жа-

лоба, Ваше Высокопреосвященство. Это что же получается, раньше все было нормально, все тюрьму за версту стороной обходили. А сейчас все словно сбесились, затараторил палач, высказывая все, что накопилось у него на душе. – Толпами валят, словно здесь медом намазано.

– Много текста, перебил палача Епископ, – говори короче.

– Это не тюрьма, это проходной двор какой-то, не уни-мался Грифусс, – все лезут сюда, кто не попадя. Вы вот и сами... того ... тоже... Палач испуганно замолк, поняв, что затронул болезную для Епископа тему, но было уже поздно.

– Проходной двор говоришь, не на шутку разозлился Епи-скоп. – Все лезут, говоришь, а кто в камеру всех подряд без разбору запирает, уж не ты ли?

– Да у меня должность такая...

– Цыц, вертихвостка тюремная. На-ка вот – выпей, и дело с концом, протянул Епископ тюремщику небольшую фляжку со своим чудодейственным бальзамом.

– Ваше высокопросвященство, пощадите, я больше так не буду, взмолился Грифусс, падая перед монахом на колени.

– Пей, давай, нечего здесь нюни распускать, приказал Виргеум. – Хоть ты этого и не заслужил, конечно же, но все равно – пей.

– Пей, пей, заорали остальные охотники.

– Вот вы как, все на одного... Я сразу вас всех раскусил... болтали тут о возвышенном... – А у самих одно на уме – конкурентов устраняете...

– Ну, ладно, решился Гриффусс, – если вы все этого хотите – я выпью. Только своего... – Не привык, знаете ли, чужим инструментом пользоваться... И начальник тюрьмы, с трудом поднявшись с колен, достал из кармана своего сюртука маленький хрустальный флакончик, на котором крупными красными буквами было написано – «ОСТОРОЖНО! ЯД».

– Ну, ну, не балуй, прикрикнул тут на палача Епископ, одновременно с этим отбирая у того флакончик с ядом. Он давно уже подумывал о том, что неплохо было бы иметь у себя под рукой такой вот флакончик с ядом. Так, на всякий случай, в жизни ведь всякое может случиться. Бывает, что против иных врагов и ракетная установка не всегда помогает, а вот яд действует быстро и безотказно. Спрятав яд в карман (от греха подальше), Епископ вновь протянул Гриффуссу фляжку со своим бальзамом.

– Испей сего напитка, неразумный брат наш, и – пусть разум твой освободится.

Гриффусс на этот раз спорить с ним не стал, и, зажмурившись, сделал несколько крупных глотков из монашеской бутылки. После чего, отойдя в сторонку, он лег под ближайший к нему куст ракиты, закрыл глаза, и приготовился к смерти.

– Ничего, ничего, успокоил всех присутствующих священник, – палачу полезно иногда подумать о смерти. Ну, а мне, господа, с вашего соизволения, разрешите откланяться. Работа, как говорится, не ждет. Материал нашей комиссией собран большой... не побоюсь этого слова – всеобъемлю-

щий материал... Епископ с нежностью оглядел свою черепаху, доверху забитую всевозможными съестными припасами, оружием, хозяйственным инвентарем и другими не менее замечательными вещами, прикарманенными им во время этой экспедиции. Даже те мушкеты, что охотники получили на время охоты Епископ возвращать ни кому не собирался. В крайнем случае, он всегда мог сослаться на то, что мушкеты эти временно конфискованы в качестве вещественных доказательств. Так, что, от всей этой инспекции Епископ в накладке не остался, по крайней мере с материальной стороны.

– Осталось дело за малым – все это переработать. Но это дело я не доверю ни кому. Лично сам все изучу, переработаю, в смысле – обработаю, и...

И тут на глаза Епископу попался большой зазубренный топор, воткнутый в старую дубовую колоду. Плаха эта, с воткнутым в нее топором издавна была неким своеобразным символом бугорландской тюрьмы. Символом и только. Голов на ней не рубили уже лет двести. Епископ всего этого не знал, а впрочем, если бы и знал, это вряд ли бы его остановило. Уж больно приглянулся епископу этот топор. Тем более что ему нужно было как-то материально компенсировать свое сидение в тюрьме. С большим трудом, отодрав топор от плахи, монах сильно размахнулся, и с первой же попытки закинул его на борт черепахи, в то время как владелец этого самого топора – Гриффусс лежал себе под ракистой, не живой ни мертвый.

– Ну, вот и все, господа, заметил тем временем Епископ, удовлетворенно потирая руки. – С таким собранным материалом можно и... – Прощайте, господа, не поминайте лихом. Мы с вами неплохо повеселились, а это в наше время, не так уж и мало. После чего с трудом вскарабкавшись на черепашу, Епископ направил свое единственное в мире передвижное епископство в дальние районы Бугорландии, подальше от людских глаз.

Остальные же охотники тоже поспешили разъехаться по своим квартирам, пока деятельная Киса де Мура еще чего-нибудь не придумала для всеобщего веселья.

Книга четвертая

Виноваты все!

Глава 1. Неспокойное спокойствие.

4.1.1.

С тех памятных событий, что описываются в предыдущей главе нашего повествования, прошло довольно много времени, а от Епископа, между тем, не было ни слуху – ни духу. Он словно бы в воду канул вместе со своей черепашой. Остальные же участники этой истории места себе не находили в ожидании окончательного решения их вопроса.

Бугорландцы хоть теперь и не воевали с завоевателями, (из-за объявленного перемирия), но и признавать их тоже не

спешили. Они их терпели, до поры до времени. Такое положение вещей крайне не нравилось царю Гороху, но ничего поделаться с этим глава завоевателей не мог. У него попросту не хватало людей, для того, чтобы что-нибудь с этим поделаться.

Виргеум переживал не в меньшей степени, чем Горох. Одно дело быть полновластным правителем в своем государстве, и совсем другое дело, когда в твоём государстве появляется какой-то выскочка и прохвост.

Начали понемногу тревожиться за дальнейший ход военных действий и бугорландские солдаты. Лето подходило к концу, и зимовать в палатках им явно не хотелось. Одно дело жить в палатке летом, когда солнце ярко светит над головой, и в листве деревьев весело щебечут птички. И совсем другое дело жить в палатке осенью или не дай бог зимой, когда и птичек-то ни каких нет и в помине, и только промозглый ветер сотрясает тонкие брезентовые стенки палатки. И хотя теоретически перемирие могло продлиться и до следующего лета, но бугорландские солдаты в это мало верили. Они хорошо знали своего короля и особенно королеву. Зимой в Бугорландии особо делать было нечего, и королевская чета запросто могла разорвать мирные отношения с Горохом чтобы решить все свои вопросы именно в зимний период. Солдатского мнения в таких случаях ни кто, конечно же, не спрашивал.

Епископ же, первой мыслью которого было как можно

быстрее убраться из этого беспокойного королевства, тем временем передумал, и решил остаться в Бугорландии еще на какое-то время. С тем расчетом, чтобы урвать себе в этой неразберихе, еще чего-нибудь. Он старался лишь без особой надобности не попадаться на глаза царственным особам, которые запросто могли спросить с него результат порученной ему работы. Монах всё ни как ни мог принять чью либо сторону в этом вопросе, и, поэтому вынужден был скрываться ото всех в не очень густых бугорландских лесах. Выезжали они из лесу только для того, чтобы пополнить запасы еды, соли и спичек.

4.1.2.

Факс поначалу долго следил за священнослужителем, надеясь заснять на пленку момент принятия эпохального для всей страны решения. Бедняжка, сколько же ему пришлось вынести бед и невзгод ради этого. Черепаха ведь дорог не выбирала, и ломилась как слон сквозь колючие кусты и непролазные дебри. Да и питаться режиссеру приходилось лишь тем, что приносила ему в клюве его верная крылатая помощница. Несколько раз Факс, забываясь во сне, соскальзывал с хвоста черепахи, и падал в колючие заросли терновника. Трижды Вова стрелял в него, принимая за медведя, и один раз даже попал. Но все эти режиссерские мучения оказались напрасными, Епископ принимать свое эпохальное решение явно не торопился.

И тогда Факсу, как натуре яркой и творческой, вскоре надоело однообразие монашеской жизни, и он без всякого сожаления покинул скользкий черепаший хвост. Вместо себя вести наблюдение за Епископом режиссер оставил свою помощницу – ворону, строго – настроено наказав ей при этом не спускать с монаха глаз.

– Я тут ненадолго отлучусь, сказал он ей на прощанье. – А ты смотри – глаз не спускай с толстопуза (так режиссер за глаза называл Епископа). – И как только тот решиться, наконец, все решить – сразу же, со всех ног, лети ко мне. Все поняла? В ответ на это ворона громко каркнула во все свое воронье горло.

– Чего, чего? – не понял режиссер. – Ты, что, чудо в перьях, говорить разучилась? – Ну-ка отвечай, как положено...

– *Бывает и хуже...*, нехотя фыркнула ворона.

– Вот то-то же, успокоено заметил режиссер. – А то раскаркалась, здесь, понимаешь, как ...ни знаю кто.

Глава 2. Бильбо Бе.

4.2.1.

Больше ни чего интересного в эти дни в Бугорландии не происходило. Только вот у Бильбо, простого бугорландского солдата, внезапно умерла тетка – миллионерша, жившая где – то далеко за границей. А так как при жизни эта тетка ни разу с Бильбо не встречалась, то относилась она к своему племяннику довольно- таки неплохо. И умирая, она оставила все свои деньги именно ему, а не многочисленной родне,

столпившейся у ее предсмертного ложа.

Узнав про доставшееся ему наследство, Бильбо поначалу сильно расстроился. Уж больно он не хотел, чтобы в Бугорландии узнали его настоящую фамилию. По документам ведь Бильбо был и не Бильбо вовсе, настоящая его фамилия была – Бельмо. Этой своей фамилии он очень стеснялся, и всем представлялся именно как Бильбо. Ну или в крайнем случае – Бильбо Бе.

Да и встречаться со своими пусть и дальними родственниками у него не было ни какого особого желания. Но, внимательно ознакомившись с телеграммой, в которой указывалась сумма причитающегося ему наследства, Бильбо резко изменил свое мнение по этому поводу. Увидав такое множество нулей, он поначалу решил было, что это заел телеграфный аппарат, а когда сумма подтвердилась, его фамилия стала казаться ему и не такой уж и плохой. Посмотрев еще раз на эти нули Бильбо, точнее теперь уже Бильбо-Бельмо окончательно уверился в том, что фамилия у него очень даже ничего, весьма достойная фамилия. Фамилия – весьма достойная наследства. И успокоенный такими выводами он с легким сердцем тут же написал заявление на отпуск за свой счет (теперь он мог себе это позволить.)

4.2.2.

Узнав об неожиданно открывшемся наследстве своего подчиненного, Киса де Мура и король Виргеум, тут же пригласили счастливицу к себе во дворец. При встрече король

дружески пожал ему руку, а королева, ласково улыбнувшись, сказала, что она очень рада за своих верноподданных, у которых есть такие заботливые и самое главное – богатые родственники.

– Были, поправил королеву Бильбо-Бельмо, чего, конечно же, ни когда бы себе до этого не позволил бы, будучи простым солдатом.

– Что – были? – не поняла королева.

– Были у меня богатые родственники, хмуро уточнил Бильбо-Бельмо. – А теперь их уже нет.

– Как бы там ни было, строго заметила Киса де Мура, которую не так-то просто было сбить с мысли. – Мы искренне надеемся на то, что эти самые верные подданные сделают все возможное для спасения своей бедной и несчастной корол... родины, которая сейчас очень нуждается в их поддержке. И не только словом – но и делом, лучше всего деньгами. Таким вот образом королева недвусмысленно дала понять Бильбо-Бельмо, что ожидает от него некоторой суммы денег, которую тот должен был внести в королевскую казну в виде благотворительного вклада или пожертвования. Тайну этого вклада, королева, как представительница власти, обещала строго сохранить.

Бильбо-Бельмо, как истинный бугорландец, сделал вид, что ни чего не понял из сказанного королевой. Бугорландцы в таких случаях становились крайне не понятливым народом.

Тогда Виргеум прямым текстом заявил, что с него (с Бильбо) причитается, и если он (Бильбо) в дальнейшем надумает открыть банк или биржу на территории Бугорландии, то он, (король Виргеум) окажет ему, (Бильбо) всяческое в этом содействие. Более того, он (король) будет первым и основным заемщиком в его банке, так, что пусть Бильбо на этот счет не беспокоится. Произнося эту речь, Виргеум весь вспотел от непривычки. Богатые наследства встречались в Бугорландии крайне редко, и Бугорландские короли давно уже отвыкли просить денег у своих подчиненных.

Раньше такие дела в королевстве решались очень просто. Согласно указу, изданному еще Генрихом III Косым, если сумма наследства превышала десять годовых прожиточных минимумов, новоиспеченного наследника большого состояния сразу же казнили как врага народа. И все его деньги поступали в королевскую казну. Через много столетий, уже почти в наше время, Винилом Четвертым была принята поправка к этому суровому указу. Согласно этой поправки часть денег из наследства (примерно 1% от всей суммы, не считая налогов) все же отходила семье покойного на возмещение затрат по погребению. Но папа Виргеума – Леопольд Простодушный, отменил и сам указ, и поправку к нему, наивно полагая, что больших наследств в королевстве больше не осталось. За это и еще за многое другое его и прозвали в народе Леопольдом – Простодушным.

Вот почему Бильбо, получив такое огромное наследство,

до сих пор был еще жив, и богат.

Напоследок королевская чета, пригласила Бильбо к себе на обед, правда не сейчас, а сразу же после того, как тот получит деньги. И пожелав вновь испеченному наследнику счастливого пути, король с королевой оказали ему великую честь, которой удостаивались даже не все царственные особы, а именно – проводили его до самого порога своего замка.

4.2.3.

Царь Горох в это время тоже зря время не терял. Перехватив Бильбо у ворот Трунштейна, он без лишней волокиты пригласил его в свое подданство, и даже обещал выделить ему участок земли под виллу.

– К тому времени как ты вернешься, сказал Горох, – мы как раз оттяпаем у Виргеума еще какой-нибудь кусок земли. Можешь даже заказать для себя любой участок, какой тебе больше нравится. При этом Горох клятвенно пообещал Бильбо, что это обойдется ему совсем недорого, почти задаром.

– Планов у меня громадьё, честно признался царь, – и на твои деньги, и на Виргеумские земли. Так, что побыстрее возвращайся, мы будем ждать тебя! – толи пообещал, толи пригрозил он напоследок. Бильбо-Бельмо, ничего на это царю не ответил, только ускорил шаг.

Впрочем, далеко уйти он не успел.

4.2.4.

Его тут же перехватил Епископ, специально по такому случаю выбравшийся из лесу. Он, особо не церемонясь, напомнил наследнику, что иметь много денег вредно для здоровья, и к тому же это очень сильно отвлекает от главного, — от веры.

— В виде исключения, добавил, немного подумав, Епископ, — много денег могут иметь только царственные особы, да и то не для себя лично, а для поддержания жизнедеятельности своего государства, ну и некоторых своих особо приближенных придворных.

— Но, слава богу, радостно заметил при этом Епископ, — ты у нас не король. Так, что хочешь, не хочешь, а придется тебе раскошелиться.

Видя, что Бильбо-Бельмо ни как не реагирует на его слова, Епископ стал разъясняться проще, и предложил спустить все его деньги на богоугодное дело. А за это он пообещал ему царство, правда, только небесное. Из земных же благ Епископ пообещал присвоить ему любой церковный сан вплоть до кардинала.

На что Бильбо-Бельмо только хмыкнул, смысл этого хмыканья не понял ни Епископ, ни сам Бильбо. И не известно чем бы закончилась вся их беседа, но тут Епископу показалось, что где-то впереди в кустах мелькнул черный френч царя Гороха. Вследствие чего монаха сразу же, как ветром сдуло.

4.2.5.

Однако злключения Бильбо-Бельмо на этом еще не закончились. Не успел он перевести дух и отдышаться, как следует, словно бы из-под земли перед ним возник Факс, который, не долго думая, предложил ему совместно основать первую в стране кинокомпанию.

– Мы им всем еще покажем, гордо заявил при этом режиссер. – В смысле показывать буду я, а ты все это будешь оплачивать.

Оплачивать все Бильбо-Бельмо почему-то не захотел, и особо не церемонясь послал Факса и его кинокомпанию куда по дальше.

4.2.6.

Однако и это было еще не все. Уже у самой границы отставного солдата настигли бароны, которые, сидя в тюрьме узнавали все последние новости в самую последнюю очередь. Поэтому, чтобы догнать Бильбо-Бельмо им пришлось задействовать все свои скрытые резервы. А именно – свою верную свинью, которая в крайних случаях могла вынести и двоих всадников. Только все их усилия оказались совершенно напрасными, денег у Бильбо-Бельмо бароны так и не нашли, сколько бы его не обыскивали. На все дурацкие баронские вопросы по поводу денег у Бильбо-Бельмо был один, не менее дурацкий ответ, – что «сегодня денег у него нет, и не будет. Зайдите завтра». Пустые обещания гордых баронов

не интересовали, им нужны были деньги сейчас, и все сразу. Делать было нечего, – пришлось баронам Бильбо отпустить, а самим вернуться обратно в тюрьму, не солоно хлебавши.

4.2.7.

Таким вот образом скука в королевстве на какое-то время была забыта. И теперь все бугорландцы, от мала до велика, с нетерпением ожидали окончания этой истории. Всех их интересовал один только вопрос – кому именно достанутся Бильбовские деньги. Однако история эта закончилась также необычно, как и началась. Не прошло и месяца с того дня, как Бильбо покинул пределы Бугорландии, глядь, а он уже вернулся обратно. Как ушел он в своем стареньком потрепанном кителе, так в нем и вернулся. Как будто ни чего и не случилось.

Ранним утром, постучавшись в палатку к Тортенсону Бильбо (теперь снова просто – Бильбо, без всяких там дурацких приставок) как ни в чем не бывало, доложил своему военному начальнику о своем прибытии.

– А где есть твой, как это? – Мани, мани? – первым делом поинтересовался Тортенсон у горе-войки. В свое время, когда Бильбо уходил, он был в отпуске, вследствие чего не успел занять у него денег, и теперь сильно злился по этому поводу.

– Я их все потратил, вашбродь, радостно доложил Бильбо. – Казино там всякие, рулетки, бега, и прочие излишества.

Опять же, – женщины! В общем, хорошо погулял – вдрызг.

– Что есть – дрызг? – не понял Тортенсон.

– Это значит, что всё! – денег больше нет. Готов хоть сейчас приступить к несению службы, заорал Бильбо во все горло, одновременно с этим вытягиваясь по струнке «смирно» и отдавая честь своему начальнику.

– Ну, и правильн. Это все – есть карашо, отшень карашо, одобрил его поведение Тортенсон. – Настоящий зольдат должен бить бедный зольдат или мертвый. Богатый зольдат ест плёхой зольдат. Так, что тафай – быстро – быстро заступай караул. И потерявший всякий интерес к Бильбо Тортенсон побыстрее выпроводил солдата из своей палатки.

Из всей этой истории простым бугорландцам больше всего понравилось то, что Бильбовских денег ни кто так и не получил. Поэтому авторитет Бильбо среди простого населения страны заметно возрос. И проходи в то время выборы, в какой-нибудь местный муниципалитет, Бильбо наверняка избрали бы мэром. Но до выборов в Бугорландии было еще далеко.

Что же касается остальных участников этой истории, то все сделали вид, что будто бы ничего и не произошло.

Только Виргеум, заметив как-то раз марширующего в строю Бильбо, напомнил ему по простоте душевной:

– Не забудьте, мы ждем Вас к нам на обед. Как только получите очередное наследство, так сразу же и заходите. Без всяких там церемоний. После чего сладко зевнув, король от-

правился отдыхать к себе в кабинет. Бильбо кивнул в ответ, и продолжил, как ни в чем не бывало, маршировать в строю.

Глава 3. Хомяк и его харчевня.

4.3.1.

Но на этом история с наследством не закончилась. Оказалось, что наибольшую выгоду от Бильбовского наследства получил, как это ни странно Хомяк, который с момента своего прибытия в Бугорландию ни чем примечательным среди завоевателей особо не выделялся. Работал он себе тихо – мирно на кухне, подальше от караулов и поближе к теплу и еде. В самое пекло не лез, а если и лез, то это было не пекло военных действий, а пекло очага, что согласитесь намного приятнее.

Так было до тех пор, покуда не настали относительно мирные времена. И тогда Хомяк загрустил. Если остальные солдаты, отстояв положенное им время на посту или в карауле, имели теперь массу свободного времени, то он вынужден был все также постоянно и неотлучно находиться на кухне, и кормить всех также как и прежде – три раза в день. И что самое обидное – делал он это совершенно бесплатно. Вот этого Хомяк перенести уже ни как не мог. Он давно уже подумывал о том, чтобы уйти в отставку и открыть собственное дело. Единственное, что его удерживало от такого безрассудного поступка, было полное отсутствие денег. И стоять бы вечно Хомяку у солдатской плиты, если бы не Бильбо.

После объявления перемирия Хомяк и Бильбо как-то незаметно для себя сильно подружились, на почве общих интересов ко вкусной и обильной пищи. И теперь все свободное от несения службы время Бильбо околачивался на Гороховской кухни, помогая Хомяку по хозяйству. За что тот подкармливал бугорландца остатками с царского стола.

Как – то раз, размечтавшись сильнее обычного, Хомяк пообещал Бильбо, что если у него, когда-нибудь будет своя собственная харчевня, то он будет всегда кормить в ней Бильбо до отвала и совершенно бесплатно.

И это наивное пустое обещание так глубоко запало в душу простодушного Бильбо, что, разбогатеv, он не забыл старого друга. По пути из банка, (где он получил наследственные деньги) в казино, (где он эти самые деньги благополучно просадил), Бильбо зашел на почту и отправил Хомяку денежный перевод, которого должно было как раз хватить на постройку небольшой харчевни. Настоящий бугорландец ни когда бы так конечно же не поступил, но у Бильбо, как мы уже знаем, было немножко и чужеземной крови. Совсем немножко, но этого хватило на маленькое безрассудство.

4.3.2.

Получив деньги, Хомяк тут же побежал к Гороху за отставкой. Только оказалось, что записаться в ряды завоевателей было легко, а вот выйти из этих самых рядов – совсем не просто. Царь об этом ни чего и слушать не хотел, у него

людей и так было в обрз. После долгих споров и уговоров стороны пришли, наконец, к соглашению, согласно которому Хомяк полностью освобождался от военной (завоевательской) службы, но за это он должен был три раза в день бесплатно кормить всех завоевателей. При чем исключительно горячей пищей, ни какие сух.пайки или консервы не допускались.

Таким образом, Горох, потеряв еще одного бойца, сумел, тем не менее, сохранить обеспечение питанием своей армии. А Хомяк получил долгожданную свободу, правда, весьма дорогой ценой.

Уйдя так опрометчиво с военной службы, Хомяк взвалил себе на плечи неподъемный груз забот. Если раньше он работал на всем готовом, и ни о чем не думал, за него думали другие, то сейчас все приходилось решать самому.

Так, в первую очередь, нужно было решить вопрос со строительством харчевни, – а именно, где ее строить – на чьей территории, на Бугорландской или Гороховской. Учитывая сложное международное положение и неопределенность границ, после долгих раздумий, харчевню решено было построить на нейтральной территории – на мосту через речку Клячу. Таким образом, харчевня стояла бы только на мосту, и ни чью землю не затрагивала бы. Сам мост был деревянным и довольно старым, и не представлял из себя ни культурной, ни исторической, ни финансовой ценности, поэтому воюющими сторонами и не оспаривался.

Построить харчевню на ничейном мосту посоветовал Хомяку ни кто иной, как Али ибн Лура, подтвердив тем самым свое звание самого умного человека в стране. Причем сделал он это за весьма умеренную плату, удовольствовавшись пирогом со свежей капустой и куском жаренного гуся.

Напарник Хомяка по ресторанному бизнесу Бильбо (как законопослушный бугорландец) решил все же подстраховаться от всяких неожиданностей и попросил у Виргеума разрешение для размещения на мосту харчевни. Виргеум великодушно разрешил, правда, не бесплатно. За это Хомяк должен был кормить еще и Бугорландскую армию. Покричав немного для приличия о произволе местных властей, Хомяк вынужден был согласиться и на эти условия. Другого выхода у него все равно не было.

Со строительством самой харчевни проблем ни каких не возникло. Харчевню в разобранном виде выписали из-за границы. После чего представители фирмы «Три в одном» возвели на мосту сборно-щитовую харчевню за одну ночь.

А уже на следующее утро Тортенсон и Гран-Градус привели своих солдат на завтрак. Пересчитав сначала Виргеумских, а потом и Гороховских солдат по головам, Хомяк решил, что в этом мире развелось слишком много военных. И с этого момента он раз и навсегда заделался ярым пацифистом – противником всяческих войн. Впрочем, каким бы ни был он ярым пацифистом, обязанности по кормежке военных ни кто с него не снимал.

4.3.3.

А тут еще Епископ нагрянул во вновь открытую харчевню со своей ревизией. Ему давно уже надоело питаться всухомятку, поскольку разводить огонь в лесу он не решался, боясь быть замеченным и пойманным.

И вот теперь, используя все имеющиеся в его арсенале доводы и убеждения (в том числе и известную всем ракетную установку) священнослужитель добился себе права на ежедневное трехразовое питание (полторы порции себе, и половинка порции для Вовы). Не бесплатно, конечно, а за религиозное просвещение, и отпущение грехов.

О Паше и Феде Епископ принципиально договариваться не стал. Он и так сделал для них все, что мог – пристроил ко двору царственных особ, которые теперь, (по мнению монаха) и должны были заботиться о них.

4.3.4.

Впрочем, монахи, как оказалось, могли и сами о себе неплохо побеспокоиться. Сказывалась епископская школа.

Так, Парамоний, войдя в харчевню, первым делом поинтересовался у Хомяка, – «был ли здесь Батяня». Батяней монахи за глаза называли Епископа. Узнав, что Батяня – только что нажрался до отвала и ушел не заплатив, а про них и словом не обмолвился, Парамоний сильно огорчился. Усевшись за стол и повязав салфетку на шее, он злобно заметил:
– Раздал нас, понимаешь, по государствам и думает, что

дело с концом. – Нет, так дело не пойдет. Ну, а ты чего стоишь как неприкаянный? Давай накладывай, что там у тебя имеется, обратился Парамоний непосредственно к Хомяку.

– Я так считаю, продолжал Парамоний свою речь, – коли ты вытащил меня с помойки, – так будь добр, – корми и пои меня теперь всю жизнь. А не так, чтобы – поигрался и бросил. Нужно отвечать за свои поступки. При этих словах монах чуть не захлебнулся слюной, глядя на то, как Хомяк выставляет на стол всевозможные деликатесы. Жаренную утку с гречневой кашей, карпа в сливочном соусе, блины со сметанкой, расстегайчиков и многое другое.

– Так вас же там кормят во дворце, заметил как бы невзначай Хомяк.

– Скажешь тоже – кормят, горько усмехнулся монах. – Ты их порции видел? – Я специально узнавал, у них размеры порций триста лет не менялись. Да триста лет назад совсем другая еда была. Одним цыпленком можно было роту накормить... – А сейчас... – Это же курам на смех, я иной раз и не вижу, что ем. А местным, что... они – как воробьи, поклюют немного и сыты. И добавки не дают, все встают, и сразу же уходят из-за стола. Плесни-ка мне еще добавочки, то ли попросил, то ли потребовал Парамоний. После чего, благополучно сожрал все, что оставалось на столе. Не переставая возмущаться при этом несовершенством окружающего мира.

– Живем во грехе сын мой, продолжал разглагольствовать

монах, обгладывая баранью лопатку. – А чего ради? – Ради одного только перемещения, брат, материалов. Вот возьмем, к примеру, это пиво, сейчас оно еще в кружке, но через минуту его уже там не будет. Вылив литровую кружку пива себе в глотку, он, смачно рыгнув, заметил, как ни в чем не бывало.

– А еще через минуту и меня здесь уже не будет. И точно, не успел Хомяк опомниться, а монаха уже и след простыл.

Хомяк с досады даже половник кинул на пол, но это не помогло. Парамоний не вернулся, и не заплатил.

4.3.5.

Зато в харчевне появился второй монах – Фернандо, как всегда – в сильнейшем подпитии. По его мутному затуманенному взгляду было видно, что он так до конца и не понял куда попал. Заметив стоявшую на стойке бара початую бутылку водки, он схватил ее, и стал пить водку прямо из горла. Хомяк, в свою очередь, тоже вцепился в бутылку, пытаясь отобрать ее у монаха. Эта молчаливая, но ожесточенная борьба длилась несколько минут. Наконец Хомяк победил, и спрятал злополучную бутылку под прилавок. Тогда Федя со словами – "за это... ты умрешь... все мы... умрем", вышел вон из харчевни. Правда, только со второй попытки, в первый раз он не попал в проем двери.

4.3.6.

И в завершении первого рабочего дня в харчевню ввалились бароны. Хомяк, который к этому времени уже твердо

решил для себя, что бесплатно кормить никого больше не будет, схватил половник, собираясь отстаивать до конца свое имущество. Но бароны на него даже не взглянули, усевшись поудобнее за стол, они заказали себе роскошный, можно сказать – королевский обед. Вот на этом – то Хомяк и сломался, по неопытности он и не предполагал, что грабить можно в таких размерах. Он решил, что такой большой заказ обязательно будет оплачен. Рука Хомяка дрогнула, и он пошел накрывать стол.

Бароны обедали долго и смачно, тюремная пища им порядком надоела, и они теперь отрывались по полной программе. Наконец, насытившись до отвала, бароны нехотя поднялись, и неторопливо направились к выходу. На робкое замечание Хомяка об оплате, Шампиньон лишь махнул рукой, мол, дескать, пусть это его не беспокоит.

– Запиши на наш счет. Молодец, неплохо готовишь, мы теперь всегда у тебя столоваться будем. Да, если кто тебя обидит – обращайся прямо к нам. Без всякого стеснения, ... ик... – Мы тебе поможем, ... ик... – Если, конечно, не будем заняты, в это время, чем-нибудь более существенным, спасением принцесс, там, ик... от драконов, или ик... охотой. Ну, или еще чем-нибудь.

4.3.7.

Не успела закрыться дверь за неугомонными баронами, как в харчевню крадучись, и ежеминутно оглядываясь по

сторонам, осторожно проник Пупс, в своих подгузниках 56 размера и неизменным саквояжем в руке. Заприметив на столе остатки еды, Пупс жадно схватил первый попавшийся ему под руку рогалик копченой колбасы, и тут же принялся с остервенением уплетать его за обе щеки. При этом Пупс так яростно урчал на весь зал, словно рассерженный кот, что Хомяк не выдержал, и расхохотался. Пупс обиделся и убежал вон из харчевни, не забыв, правда, при этом прихватить с собой саквояж и остатки колбасы.

4.3.8.

Таким образом, Хомяк с лихвою получил все то, о чем мечтал. И хоть работал он теперь на много больше, чем раньше, но это его вполне устраивало. Главное, что теперь он был сам себе хозяин, и ни кому не подчинялся.

Впрочем, свобода эта досталась ему тяжелой ценой. Распорядок дня у него был такой. С утра и до шести часов вечера Хомяк готовил обеды, завтраки и ужины для Гороховской и Бугорландской армии. И хоть обслуживание в это время дня было самое прескверное, никого это особо не смущало. Гороховцам такое обслуживание напоминало забегаловку, откуда они все были родом. Бугорландцы же были довольны тем, что питание было пусть и не очень вкусное, зато бесплатное.

Чтобы не запутаться в расчетах Хомяк называл свое заведение в это время суток – столовкой. Столовкой под названием «Кабанчик и Зеленый Змий». Примечательно происхож-

дение этого названия. Первоначально Хомяк планировал назвать свою столовку «Кабачник и Зеленый Змей», но Маргадон, который взялся написать вывеску за дополнительную миску супа и тарелку макарон с подливкой, совершил грубую ошибку, и перепутал буквы местами. И произошло это по той простой причине, что бедняга Маргадон думал тогда не о надписи как таковой, а о кабанчике, который в это время поджаривался на вертеле. О чем думал, о том и написал. Кабанчика потом, конечно же, съели, ну а надпись исправлять не стали.

С шести часов вечера и до полуночи Хомяк работал на Бильбо, и самого себя. Хомяку с этой работы причиталась половина выручки, поэтому обслуживание в это время было намного лучше. Это было самое удобное время для проведения всевозможных банкетов и торжественных ужинов. Заведение его в это время называлось – харчевня «Хом Хомыш».

Ну, а уж после полуночи – Хомяк трудился только на самого себя. Это было его личное время, и вся прибыль, соответственно, шла только ему. Заведение его в это время дня, или точнее сказать ночи называлось легко и непринужденно – кабак «Караул». Сделано это было для того, чтобы пьяный солдат на резонный вопрос командира – «Где ты был, скотина?» всегда мог сказать в свое оправдание и не соврать, что он был – в «Карауле». Горячую еду в это время Хомяк уже не подавал, только выпивку и холодную закуску. Впрочем, всех это вполне устраивало, и ни кто не жаловался.

Из всей этой истории наибольшую выгоду в материальном смысле получил, конечно же, Бильбо. Вложив деньги в харчевню, он сделал, таким образом, очень выгодное капиталовложение. И теперь ни чего не делая, он получал с этого дела неплохие дивиденды. Таким образом, Бильбо хоть и остался простым солдатом, но жизнь у него с появлением денег заметно улучшилась. В караул он теперь ходил только тогда, когда сам этого хотел. И все остальные солдатские обязанности за него выполняли другие. Не бесплатно конечно, а за звонкую монету, и все были довольны. Бильбо даже подал бы в отставку, если бы знал, чем заняться на гражданке. Ну, а пока, что его основной обязанностью стало давать деньги в долг сильным мира сего. И получать от жизни максимум удовольствия. Али ибн Лура, например, катал его на слоне, бароны давали примерить свои доспехи, даже Факс оставил свой пренебрежительный тон, и пару раз разрешил Бильбо покрутить ручку своей кинокамеры. Не говоря уже об Епископе, который в любое время дня и ночи готов был принять Бильбо у себя в епископстве (в смысле на черепашке) внимательно выслушать его и отпустить грехи вне очереди. И все это за весьма умеренную плату.

Таким образом, деньги крутились в Бугорландии по кругу: – харчевня – Бильбо – слон, Епископ, бароны, королевская чета, Горох и т.д. – и снова харчевня. И все были довольны.

Глава 4. Новое строительство.

4.4.1.

Тут и бароны, которым делать пока было абсолютно нечего, решили остепениться, и начали строить собственный замок. После долгих размышлений они решили отказаться от постоянного местожительства в тюрьме, поскольку та стояла слишком далеко от речки. Это удаление от реки было крайне неудобно для Шампиньона, который с некоторых пор сильно увлекся рыбалкой, и хотел теперь, чтобы их новый замок стоял прямо на берегу. Тогда бы он мог спокойно рыбачить в любое время дня и ночи, не отходя при этом далеко от замка и, таким образом, постоянно присматривая за ним. Батон, же в это время, мог бы спокойно совершать подвиги где-нибудь на другом краю королевства.

Правда, денег для строительства нового замка у них не было, но бароны такую мелочь, как отсутствие денег, ни когда всерьез не воспринимали. Обходились же они до этого без денег, значит и замок, без денег, построят. Сегодня денег нет, – завтра будут – какие проблемы?

И так как бароны были людьми ни от кого независимыми (в отличие от того же Хомяка, например), то и строиться они решили там, где сами пожелают, не спрашивая при этом ни чьего разрешения. Тем более что ни кто теперь в королевстве толком-то и не знал, где – чья земля.

После недолгих поисков бароны выбрали место для строительства замка прямо на высоком берегу речки Клячи. От-

куда открывался восхитительный вид на все королевство. Первым делом бароны вбили в центр участка колышек со своими инициалами, застолбив тем самым это место за собой. После чего, привязав к этому колышку свинью, чтобы та ненароком не убежала, бароны принялся размышлять о том, что же им делать дальше.

Привязанная к колышку свинья, в отличие от баронов, думать ни чего не стала, а принялась яростно рыть землю у себя под ногами в поисках жучков и всевозможных съедобных корешков. Крепкая пятиметровая веревка не позволяла ей свернуть в сторону, и через некоторое время свинья вырыла довольно глубокую канаву в форме правильного круга, десять метров диаметром.

«Да это же, траншея под фундамент центральной башни», обрадовались бароны. Таким вот, несколько необычным образом, и началось строительство их замка.

Впрочем на этом строительство и заглохло. Поскольку ничего больше, кроме рытья траншей и переноски грузов свинья делать не умела. Не умела она в частности класть кирпичи, месить бетон и тесать бревна, да и стройматериалов таких у баронов не было. Поэтому дальше траншеи дело у них пока не пошло.

4.4.2.

Целыми днями валялись бароны под ракитовым кустом, разрабатывая в мельчайших деталях проект своего замка.

Их новое жилище, по замыслу баронов, должно быть простым, но надежным, без всяких там завитушек и крендельков. Бароны были неприхотливы в быту, и первоначально решили построить себе одну только башню. Одну, но большую и мощную, как строили в старые, добрые времена. Но, после некоторого раздумья, бароны пришли к мнению, что во-первых, их свинье нужна будет конюшня, где она могла бы спокойно отдохнуть от военных трудов и походов. А еще им бы пригодился большой зал для приемов гостей. (В тайне ото всех, даже от своего отца, Батон мечтал о том, что когда-нибудь Лисичка выйдет за него замуж, и в этом зале они будут принимать гостей, и танцевать. Шампиньон же планировал устраивать в этом зале всевозможные пиры и застолья после удачной охоты. Рыбалка – рыбалкой, но и от охоты отказываться не следует.)

Таким образом, после долгих споров и обсуждений бароны решили, что в цокольном этаже башни они устроят кухню, ванную (опять же по замыслу Батона – для принцессы Лисички, которая ни чего об этом еще и знать – не знала) и другие подсобные помещения. Весь первый этаж бароны решили отвести под большую залу для приема гостей. Второй этаж займет Шампиньон, третий этаж – Батон. На четвертом же, самом верхнем этаже, будет небольшая смотровая площадка. Вспомнив про свинью, бароны добавили к башне еще и маленькую пристройку- конюшню для свиньи.

На том и порешили. Осталось дело за малым – все это

построить.

Глава 5. Плюшевый мишка.

4.5.1.

В это время Гран-Градус, вспомнив об убитом им на охоте медведе, решил сделать из него чучело, чтобы добро зря не пропадало. Достав из кладовой свернутого в рулон медведя, Гран-Градус постирал его, заштопал, набил за отсутствием ваты, сеном и оставил сушиться у камина. А сам тем временем пошел немного перекусить перед сном. После ужина Гран-Градус сходил на речку искупался, потом пострелял из арбалета на заднем дворе, после чего со спокойной душой отправился спать. Когда же на следующее утро он вспомнил о медведе, то чучела у камина не оказалось. Гран-Градус решил, что его взял кто-то из солдат поиграться, и волноваться по этому поводу не стал. А потом и совсем забыл об этом случае.

Медведь же, под действием тепла камина и вероятно еще каких-то неизвестных нам факторов, (скорее всего в этом виновато сено из чудодейственной травы, которую еще изредка можно было встретить в окрестностях Горохшина), как бы там ни было, медведь ожил, и, как ни в чем не бывало убежал в лес. Только от стирки и последующей сушки он сильно уменьшился в размере. Да еще Гран-Градус неудачно зашил ему передние лапы, так, что они теперь не опускались вовсе, и медведь вынужден был ходить из-за этого на двух ногах,

как человек.

И вот с тех пор бугорландцы стали изредка встречать в лесу странное чудище, издали чем-то напоминавшее плюшевого медвежонка. Как выглядит это чудище вблизи, ни кто из бугорландцев не знал, поскольку подходить к нему совсем близко ни кто из них не решился.

4.5.2.

Но больше всех пострадал от этого зверя, как это ни странно, – Грифусс. Бедняга первый раз за много лет решил ненадолго выйти из тюрьмы – просто побродить по лесу, подышать свежим воздухом. Он ведь работал теперь на двух работах одновременно, и мог себе позволить такую роскошь. Прогуляв с непривычки дотемна, Грифусс совсем уже было собрался возвращаться домой, (т.е. в тюрьму), как вдруг, неожиданно, впереди себя, на тропинке, он заметил небольшого плюшевого медвежонка. Медвежонок шел ему навстречу, что-то бурча при этом себе под нос. Руки у медвежонка были вытянуты вперед, словно бы тот собирался кого-то схватить. У Грифусса в детстве был точно такой же плюшевый медведь, но потом он куда-то делся, и с тех пор палач больше о нем и не вспоминал. А вот сейчас вспомнил, и покрылся холодным потом.

«Доигрался! – мысленно отругал сам себя палач. Это же я «белочку поймал!» (что в переводе с тюремного жаргона означало – что он заболел белой горячкой, или попросту говоря – свихнулся.) «Нельзя, нельзя было столько вре-

мени проводить на свободе. Вот разум мой с непривычки и не выдержал», поставил Грифусс сам себе диагноз. Но ужаснее всего было то, что он прекрасно знал, что болезнь эта не излечима. И если кто заболел ею, то – навсегда, до самой смерти. Впрочем, одно лекарство у него все же имелось. Универсальное лекарство от всех болезней. И тогда опечаленный палач достал из кармана флажку с ядом собственного приготовления. (Он всегда носил с собой яд. Мало ли, что в жизни может случиться, а вдруг кому-нибудь срочно яд потребуется. В жизни ведь всякое бывает.) Но никогда, даже в самых своих мрачных мыслях, Грифусс не мог представить себе, что яд может потребоваться ему самому. И он совсем уже было поднес флажку к губам, собираясь испить эту горькую чашу до дна... Но... Тут медвежонок, проходя мимо Грифусса, задел, как бы невзначай, бывшего палача плечом. Фляжка выпала из дрожащих рук Грифусса и смертоносный яд пролился на землю. И тогда, палач закрыл лицо руками, и заплакал.

Здесь его и нашли, на следующее утро, виргеумские солдаты, случайно проходившие мимо.

4.5.3.

Такого в бугорландской истории еще не было. А в бугорландской истории, надобно заметить, случалось всякое. Но такого!!! Чтобы палач решил казнить самого себя...

По такому случаю все заинтересованные лица срочно собрались в харчевне, на экстренное совещание. Заинтересо-

ванными лицами были, как это не трудно догадаться, оба государя – царь Горох и король Виргеум. Поскольку они оба были его работодателями. Помимо государей на совещании присутствовал еще и Епископ – как третье, незаинтересованное, лицо. А потому лицо объективное. Не стоит забывать, что он был еще и руководителем чрезвычайной комиссии. После сытного обеда (за Хомяковский счет, разумеется) правители приступили непосредственно к рассмотрению этого необычного дела.

– Ну-ка, давай-ка, обратился Виргеум к палачу, – расскажи нам, как ты докатился до такой жизни, точнее смерти.

– Все мы умрем, прошептал палач.

– Знаю, знаю, перебил его король. – Все мы когда нибудь умираем. Ты по делу говори...

– Ваше Величество, я его видел, процедил сквозь зубы палач.

– Кого это еще – ЕГО? – встрепнулся Епископ. – Ты мне тут смотри – не балуй. ОН – невидим.

– Еще как видим. Я своими глазами видел, как он прошел мимо меня и опрокинул фляжку с ядом. Настоящий плюшевый медведь, живой!

– Ерунда, не поверил король, – живых плюшевых медведей не бывает.

– Как это не бывает, когда я его своими собственными глазами видел, заартачился Гриффусс.

– Ты, что, вскипел Виргеум, – со мной спорить будешь?

Да я тебя за такие слова в тюрь... в общем строго накажу!

– Я с Вами, Ваше Величество не спорю, я просто с Вами не согласен. Поскольку видел его собственными глазами, не унимался Гриффусс, – вот как Вас сейчас.

– Да пойми ты, дурья твоя башка, ты ни как не мог его видеть. Тебе все это причудилось. Не может быть у меня в королевстве такого безобразия.

– А я видел!

– В карцер у меня пойдешь! – заорал тут в бешенстве король.

– Видел!

– На хлеб и воду!

– Видел, видел, видел...

4.5.4.

Внезапно дверь харчевни распахнулась от сильного пинка, и в зал гордо вошел сияющий, как медный самовар, режиссер. Запанибратски кивнув царственным особам, Факс вальяжно развалился в мягком кресле у камина, словно бы у себя дома. Достав из кармана шикарную сигару в золотой обертке, режиссер не спеша развернул золотистую обертку, и закурил. Все с изумлением уставились на него. Неужели и это рехнулся, уж не заразная ли это болезнь? И все присутствующие потихонечку отодвинулись от курящего режиссера. Выждав эффектную паузу, Факс заметил с легким пренебрежением в голосе:

– Он его видел! Подумаешь, – он его видел. Да я ... да

я его на пленку заснял! Вот он у меня где, и Факс радостно похлопал ладонью по своей кинокамере. – Это вам не какая-нибудь там шелуха, это – Мировая сенсация! Ну-ка, парень запускай аппарат, приказал режиссер Хомяку.

Сразу же после постройки харчевни режиссер уговорил-таки Хомяка установить здесь кинопроектор для показа своих фильмов. Таким образом, Хомяк привлекал в харчевню новых клиентов, ну а режиссер проверял качество своих фильмов. Если зрители на киносеансе ели много и часто, то фильм был никуда ни годным, ну а если они ели мало или вообще ни чего не ели, значит, фильм получился хороший, стоящий. Хомяку при этом было выгодно, чтобы Факс крутил некачественные фильмы, за что Факс в душе его презирал. Но уйти от него не мог. Он давно уже, как и многие в Бугорландии, питался в этой харчевне бесплатно, расплачиваясь за еду показом своих фильмов. Больше его фильмы нигде дохода не приносили. Пока.

Но вернемся к нашему совещанию. После того как кассета была заправлена в кинопроектор и задернуты все шторы, в харчевне наступила кромешная темнота. Только несколько угольков тускло мерцали в камине. Но вот режиссер включил аппарат, и по белой простыне экрана побежали первые кадры очередного Факсовского фильма.

– Это не то..., это тоже не то... – Это Вова закапывает свой якорь, комментировал отдельные фрагменты фильма режиссер. – Это дикий Пупс бежит по полю... – Это баро-

ны веселятся – А вот, смотрите, – вот он там – вдалеке, крикнул Факс, показывая на какую-то темную точку, движущуюся по лесу.

– Ну, какой же это медведь, облегченно выдохнул Виргеум. – Это приведение какое-то, или просто пятно на пленке.

– Да нет же, смотрите лучше, и Факс, отмотав назад пленку, еще раз прокрутил нужную сцену. – Вот видите – плюшевый мишка, вы же знаете, я всегда говорю правду, правду, и ничего кроме пр...

– Пятно, перебил его король, – пятно и точка. В смысле и нет ничего, нет тут ни каких медведей, тем более плюшевых.

– Ах, так, разозлился Факс, – ну, ладно, вот вам за это. И он, вытащив кассету из кинопроектора, со злостью забросил ее в камин, где она тут же вспыхнула синим пламенем. После чего рассерженный режиссер выбежал вон из зала.

4.5.5.

А на следующее утро Виргеум обходя рано поутру свой огород, увидел на грядке с редиской совсем свежий отпечаток лапы плюшевого медведя. Испуганно оглядевшись по сторонам, король быстро, пока ни кто не видел, затер этот след ногой.

Глава 6. Драконыч – единственный и неповторимый.

4.6.1.

Однако происшествия в Бугорландии на этом не закончились. Словно бы в отместку за многолетнюю тишину и спокойствие судьба посылала бугорландцам одно испытание за другим. Сначала завоеватели свалились им, как снег на голову, потом Пупс с монахами и плюшевым медведем, а теперь и вовсе случилось страшное. У них в стране, объявился самый настоящий дракон. Дракон по прозвищу – Драконыч.

Как говорится «беда ни когда не приходит одна». И это при том, что последний дракон в Бугорландии был убит еще Гегемоном Первым без малого пятьсот лет назад. Тогда молодой и неопытный дракончик отбилсЯ от стаи, и залетел далеко на север, за что и поплатился своей жизнью. Развлечений в ту пору в Бугорландии было мало, и охота на этого дракончика целую неделю развлекала короля и его свиту. С тех самых пор драконов в Бугорландии больше не видели.

И вот, по прошествии стольких лет, в королевстве вновь объявился Дракон. Самый настоящий. Причем ни какой-нибудь там неопытный юнец, а совсем наоборот – дракон в расцвете лет. Ну, если быть совсем уж точным скорее на закате своих лет. Но еще довольно бойкий Дракон. Совсем недавно он вышел на пенсию и решил обосноваться где-нибудь подальше от суеты и людских глаз. Только таких вот мест, в настоящее время, почти нигде и не осталось. И куда бы не приезжал дракон, всюду было полно народу. Он совсем уже было потерял надежду найти себе приют на старости лет, но тут ему, наконец, повезло. Проезжая мимо Бугорландии на

поезде, он заметил вдалеке маленькую гору. Это был скорее бугорок, чем настоящая гора. По местным преданиям именно с этого бугорка и пошло название всей страны. Как бы там ни было, бугор этот понравился дракону с первого взгляда. Ведь те драконы, которые в силу определенных причин и жизненных обстоятельств, не имеют собственных замков, любят селиться во всяких там гротах или пещерах. А всем известно, что пещеры бывают именно в горах и нигде более.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на решение дракона обосноваться именно здесь, было то, что вокруг этой горы не было видно ни души. Один только кот, черно-белой масти, сидел с равнодушным видом на перроне и курил. Но котов дракон не боялся, даже курящих. Бедный Драконыч, откуда ему было знать, что почти все бугорландцы находились в это время возле тюрьмы, пытаюсь выгнать из нее горе – завоевателей.

Да и времени на раздумья у Дракона не было, поезд уже набирал ход. Побросав все свои немногочисленные вещи (чемодан, рюкзак и удочки) в окно поезда, дракон в последний момент и сам выпрыгнул вслед за ними. Кот от изумления открыл рот, уронив на перрон дымящуюся сигарету. Дракон же поднялся, отряхнулся, собрал все свои вещи, и, как ни в чем не бывало, отправился на поиски подходящего жилища. И после непродолжительных поисков Драконыч обнаружил небольшую, но уютную пещерку, в которой благополучно и разместился. (Так же как и клоуны, без всякого

на то разрешения со стороны местных властей).

4.6.2.

Заметив дым на горе от костра, разведенного Драконычем, местные жители поначалу сильно испугались. Они решили было, что началось извержение вулкана, хотя ни каких вулканов в Бугорландии сроду не было. И только узнав, что ни какой это вовсе и не вулкан, а всего лишь дракон, бугорландцы немного успокоились. Драконов они не боялись. Бугорландцы боялись только людей, да и то не всех. Драконы же, были для бугорландцев чем-то вроде больших экзотических животных, которых следует держать за решеткой, от греха подальше.

Они и Драконыча собрались было отловить и ... нет, не убить, сейчас все – таки не мрачное средневековье, а поместить его в зоопарк, на радость людям. Но Драконыч был опытным драконом, и во время представил властям соответствующие справки – одну из поликлиники, о том – что он инвалид третьей группы с диагнозом – бронхиальная астма, и еще одну из пожарной охраны о том, что он давно уже пожаробезопасный. Драконыч был настолько старый, что даже дым из него уже не шел, из него только песок сыпался, время от времени. И принцесс он давно уже не воровал по старости лет. Тем не менее, бугорландцы еще долго ворчали, увидев дым в горах. Но потом ничего – привыкли. И стали его просто не замечать, или делать вид, что они его в упор не видят.